

история/география/этнография

Анна Мурадова

Кельты анфас и в профиль

Ломоносовъ
издательство

Анна Мурадова

Кельты
анфас
и в профиль

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2010

УДК 39
ББК 63.5(3)
М91

Иллюстрации Г. Ваншенкиной

ISBN 978-5-91678-053-6

© Мурадова А., 2010

© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2010

Светлой памяти моего учителя
Виктора Павловича Калыгина,
выдающегося ученого,
который умел рассказывать о кельтах
не только серьезно

Кто такие кельты?

Как-то раз в московском автобусе, крепко застрявшем в пробке, ехали два студента. Сперва они говорили о компьютерах и технических новинках, а потом один из них, с дредами и необъятным рюкзаком цвета хаки, ни с того ни с сего сказал:

— А знаешь, я хочу себе татуировку на плече сделать.

— М-м-м, а какую? — не очень-то заинтересованно спросил его собеседник.

— Какой-нибудь кельтский узорчик. Люблю все кельтское.

Далее на некоторое время воцарилось молчание, после чего будущему обладателю татуировки был задан вопрос:

— Слушай, а кельты это вообще кто?

Задумчиво почесав дреды, молодой человек не очень уверенно объяснил приятелю:

— Это типа викингов, только в юбках.

Наверное, более емкого и интересного определения мне, специалисту-кельто-

логу, слышать не доводилось. Впрочем, растерянность юноши более чем понятна. О кельтах сейчас, наверное, слышал каждый. А уж кельтская музыка в последние десять лет приобрела феноменальную популярность. При этом найдется не очень-то много народов в Западной Европе, о которых рассказывают такое количество небылиц с античности до наших дней. Особенный, можно даже сказать, не очень здоровый интерес вызывают друиды — жрецы древних кельтов. Лет тридцать назад наши родители передавали из рук в руки самиздатовский «гороскоп друидов», где каждому знаку зодиака соответствовало какое-то дерево со своим особым характером. Помнится, моим деревом было фиговое, и, по малолетству неправильно поставив ударение в его названии, я ужасно расстроилась. А зря: гороскоп был самой настоящей фальшивкой, а уж инжиром друиды точно не баловались, так как кельты обитали в основном в зоне умеренного климата, и только небольшая их часть добралась до Малой Азии.

Отчего-то друидов крепко полюбили эзотерики всех стран и народов. Тайное друидическое знание снисходит на них с завидной регулярностью, и ежегодно на полках книжных магазинов появляются новые сочинения, в которых древние кельты становятся потомками жителей Атлантиды, строителей Вавилонской башни, а то и — чего уж мелочиться? — инопланетян. Не так давно мне рассказали о русском целителе, который изобрел «друидотерапию», то есть лечение болезней с помощью деревянных чурбачков и пней. К реально существовавшим друидам этот метод лечения не имеет никакого отношения, но слово-то какое завлекательное! И вполне возможно, легкие нервные расстройства действительно можно вылечить с помощью красивых слов и симпатичных пеньков. Но бывают и более тяжелые случаи.

Как-то позвонил мне один коллега по научному цеху. После обсуждения рабочих моментов он рассказал, что собирался сдавать экзамен на водительские права, и ему было необходимо получить справку из психоневрологического диспансера. В подобном заведении он оказался впервые и был поражен выставкой творчества пациентов этого лечебного заведения. Первым, что он увидел, была весьма талантливая картина, изображавшая друидов в зеленой роще...

Несмотря на огромный интерес ко всему кельтскому, о кельтах и их культуре российскому читателю известно, увы, довольно мало. Поэтому я и пишу эту книгу. В ней постараюсь рассказать то, что известно об истории кельтских народов, их верованиях, жизни и быте, их языках. Разумеется, в одной книге охватить все, что известно о кельтах, древних и современных, невозможно. Да и строгого порядка изложения исторических событий от нее ждать не следует.

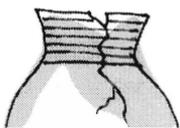
Это не научное издание, поскольку адресована книга в первую очередь тем, кто задается вопросом «кто же такие кельты?» и не собирается углубляться в дебри науки под названием «кельтология». Но именно этих читателей я постараюсь предостеречь от того, чтобы в поисках ответа на свой вопрос увлечься захватывающими историями фантазеров, ищущих ответы вдали от реальности и далеко за пределами здравого смысла. Поэтому не удивляйтесь, если иные вопросы останутся без ответов, а за таинственным фасадом кельтской мистики неожиданно обнаружится такая приземленная штука, как борьба за богатство и власть, нездоровая конкуренция и прочее.

Но научные факты и живое общение с представителями кельтских народов, на мой взгляд, гораздо интереснее завиральных псевдонаучных гипотез и эзотерических фантазий. Впрочем, каждому свое.

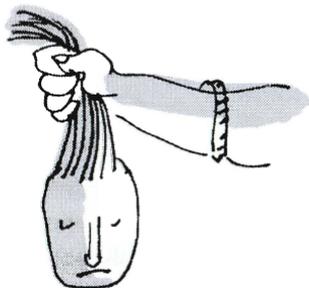

Часть
Первая

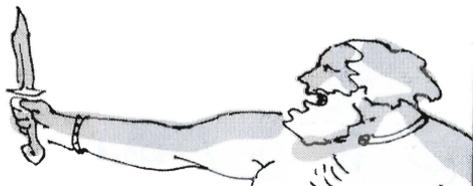
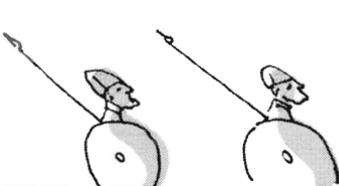
Глава 1
Соленую воду не украдешь,
или Откуда мы знаем о кельтах

А вот это, — увлеченно рассказывал французский археолог с заскорузлыми руками и обветренным до красноты лицом, — мы нашли совсем недавно.

На его ладони лежала фибула, искусно украшенная металлическая застежка наподобие броши. В древней Галлии с помощью таких изящных фибул богатые и знатные люди застегивали плащи. Вокруг нас было чистое поле, на котором в скором времени планировали построить то ли завод, то ли гипермаркет. Но по закону местность должны были сперва обследовать археологи: а ну как под землей отыщется что-то интересное? И ведь действительно отыскалось.

Мы стояли прямо посередине галло-римской виллы. Сама вилла, конечно, не сохранилась, уцелели лишь части фундаментов древних построек и захоро-

нения. В них и были найдены сокровища: фибулы и прекрасно сохранившиеся стеклянные сосуды, которые в скором времени должны будут украсить местный археологический музей. Впрочем, для археологов важны не только сами находки, но и все остальное: расположение фундаментов, местонахождение найденных предметов, особенности почвы и так далее. И, собрав воедино все полученные данные, они могут восстановить картину двухтысячелетней давности.

— В первом веке нашей эры, — рассказал археолог, — здесь жило галльское племя атребатов. Вилла принадлежала богатому человеку, имени которого мы не знаем. Знаем только, что своим богатством он обязан соли. В те времена в Галлии, как и повсюду в Западной Европе, соль была редкостью, и далеко не каждый мог позволить себе не то что засолить мясо впрок, а даже насыпать щепотку соли в кушанье. Продажа бесценных кристалликов была выгодным делом, и здешний владелец солеварни наверняка был одним из первых богачей своего племени. Соль добывали из морской воды: наливали ее в бочки и везли сюда с моря...

— Но позвольте, — спросил кто-то из слушателей, — до моря-то здесь далековато!

Несмотря на солоноватый воздух и запах йода, который приносил мощный ветер, дующий с Ла-Манша, морской глади нигде на горизонте не наблюдалось.

— Отсюда до моря шестьдесят километров, — ответил археолог. — Сейчас меньше часа на машине ехать, а по тем временам расстояние приличное. Действительно, гораздо удобнее было бы выстроить солеварню на берегу и доставлять сюда уже не воду, а готовую соль. Сперва мы и сами удивились, а потом поняли, что, если бы солеварня была далеко от виллы, работники воровали бы готовую соль на берегу и продавали «налево». Сами понимаете, за две тысячи лет люди не изменились! А морскую воду не украдешь и за пазухой не спрячешь. Скорее всего ее везли в запечатанных бочках, да еще под охраной. А потом уже на месте под бдительным оком хозяина выпаривали соль. Затрудняюсь даже предположить, сколько рабочих рук требовалось для того, чтобы солеварня работала без перебоев.

Как обычно бывает, у археологов, как и у других исследователей, вопросов больше, чем ответов. Например, не совсем понятно, что за странные сооружения — то ли мощеные дорожки, то ли основания зданий — были сделаны возле местного кладбища, где найдены стеклянные сосуды. Но не было бы вопросов — не возникали бы ответы, и мы так никогда и не узнали бы, как кельты две тысячи лет назад добывали (и подворовывали) соль.

...Под низкими свинцовыми тучами парил яркий воздушный змей. Внизу, в раскопах, с совочками и грабельками аккуратно копали землю молодые ученые. Все вместе выглядело безумной пародией на детскую площадку с песочницей.

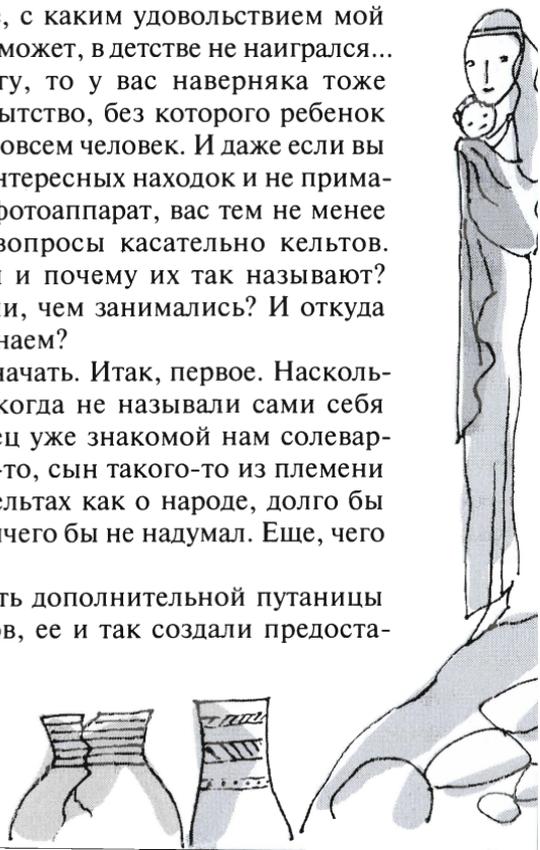
— А змей-то зачем?

— Аэрофотосъемка. Самолет нанимать дорого. Поэтому изобрели что попроще: примотали скотчем к змею обычную «мыльницу» и поставили на режим автоматической фотографии со вспышкой каждый 30 секунд. Ветер у нас все время крепкий, высота у змея приличная. Перегоняем снимки на компьютер и просматриваем. Иногда находим интересное. Ну и потом, посмотрите, с каким удовольствием мой коллега с этим змеем возится: может, в детстве не наигрался...

Если вы читаете эту книгу, то у вас наверняка тоже сохранилось здоровое любопытство, без которого ребенок не ребенок, да и взрослый не совсем человек. И даже если вы не копаете землю в поисках интересных находок и не примащиваете к воздушному змею фотоаппарат, вас тем не менее тоже занимают некоторые вопросы касательно кельтов. Например: кто такие кельты и почему их так называют? Откуда они взялись? Где жили, чем занимались? И откуда вообще мы о кельтах что-то знаем?

С этого, пожалуй, и стоит начать. Итак, первое. Насколько нам известно, кельты никогда не называли сами себя кельтами. Например, владелец уже знакомой нам солеварни назвался бы так: «Я такой-то, сын такого-то из племени атребатов». А спроси его о кельтах как о народе, долго бы думал, кто это такие, да так ничего бы не надумал. Еще, чего доброго, разозлился бы.

Для того чтобы не создавать дополнительной путаницы (а в том, что касается кельтов, ее и так создали предоста-

точно), придется сделать несколько уточнений. Это немного уведет нас в сторону цифр и фактов, но без них никак не обойтись.

Итак, название *жълтои* ввели в обиход греки, а римляне называли этот народ (или эти народы?) другим словом — *galli*, то есть галлы. В наше время под кельтами мы подразумеваем все народы, говорившие на кельтских языках и жившие на огромной территории от Ирландии и Испании на западе до Карпат на востоке, от Шотландии на севере аж до самой Малой Азии на юге. А галлами зовем лишь тех из них, кто жил под боком у римлян: на территории современной Франции, Бельгии и Северной Италии. Говоря о кельтах, также неплохо бы уточнить, каких именно мы имеем в виду — древних или современных. Так вот, уточняя: в первой части книги речь пойдет о древних кельтах, а во второй — о современных. Поэтому не стану злоупотреблять словом «древний», лучше расскажу, с какого времени мы можем говорить о возникновении кельтов как этноса и их расселении на территории Европы. Конечно, с точки зрения науки это будет обобщение и бессовестное упрощение, но мелкие детали и дискуссионные вопросы я оставляю для научных конференций и обсуждений с коллегами.

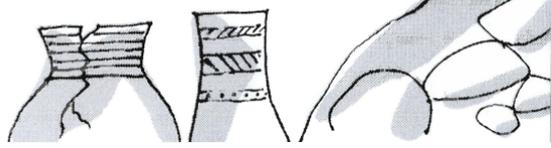
Поскольку этнос — понятие расплывчатое, то попробую избежать всяческих двусмысленностей: под первыми засвидетельствованными в истории кельтами я имею в виду тех, кто говорил на языке, который лингвисты весьма условно называют протокельтским или общекельтским и который позже распался на отдельные языки (о них еще будет рассказ). Большинство исследователей согласны с тем, что именно кельты создали культуру, которую условно называют Гальштатской, по названию города Гальштат (или, если точнее, Хальштатт, по-немецки пишется Hallstatt), расположенного в юго-западной Австрии, где было найдено захоронение, относящееся к этой эпохе. Существовала эта культура в период примерно с 900 по 400 год до н. э. и для того времени была поистине выдающейся. Особенно поражает искусство кузнецов и оружейников, делавших причудливо украшенные мечи, кинжалы, топоры, ножи, бронзовые шлемы, фибулы с фигурками зверей. Не отставали и гон-

чары, украшавшие керамическую посуду разноцветными орнаментами.

На смену Гальштатской культуре пришла Латенская, получившая название в честь деревни Ла-Тен (La Tène) в Швейцарии. Эпоха Латенской культуры (400 г. до н. э. — до начала новой эры) считается расцветом кельтской цивилизации. Именно в это время кельты, обитавшие до того на сравнительно небольшой территории в Центральной Европе (в основном там, где сейчас расположена Австрия, а также в долине реки Рейн и частично — на территории современных Чехии и Словакии), заселили большую часть Западной Европы и просочились даже на территорию современной Турции, где образовали небольшой кельтский островок. Носители Латенской культуры тоже были искусными ремесленниками, и если начать перечислять здесь все, что они умели ковать из железа, серебра, золота и бронзы или лепить из глины, придется сделать эту книгу многотомной. Но я лучше помешу на последней странице список литературы, которую можно будет почитать, если уж очень захочется подробностей.

Откуда же мы все это знаем о кельтах? Об одном из источников, то есть о данных археологии, я уже рассказала. По-хорошему, этот пункт надо было сделать далеко не первым в списке, но уж очень хотелось рассказать про гальскую фибулу и воздушного змея. Дальше, рассказывая о древности, я постараюсь придерживаться строгого порядка в изложении. Ведь говорят, что научные работники люди ужасно дотошные и занудные, хотя лично я среди кельтологов ни одного такого не видела. Но раз существует такое расхожее мнение, придется ему соответствовать.

Итак, еще один источник сведений о кельтах — это труды античных авторов. Они пишут много интересного, причем некоторые из них даже не пересказывают чьи-то сплетни, а повествуют о собственных путешествиях. Так и хочется поверить им на слово, уж очень занимательно рассказывают. Правда, здравый смысл и жизненный опыт показывают, что одни путешественники склонны преувеличивать, другие — видеть в иноземцах только плохое (свой-то народ без недостатков, конечно же!), а третьи попросту дурят чита-

теля в корыстных или, как сейчас принято говорить, в рекламных целях. Приведу один простой пример.

Самым точным и подробным описанием жизни и быта древних галлов является книга Гая Юлия Цезаря «Записки о галльской войне». Тут ничего не скажешь — Юлий Цезарь самолично завоевал Галлию, изъездил ее вдоль и поперек. Ему ли не знать, кто такие галлы и как они живут. Однако у дотошных исследователей возникают вопросы — а откуда ж у Цезаря некоторые фактические нестыковки: например, рассказ о галльских мечах, которые настолько непрочны, что после каждого удара гнутся и чуть ли не сворачиваются в трубочку? Археологи, которые периодически находят галльские мечи отличного качества, со знанием дела расскажут вам, что это полная ерунда! И не слишком ли дикими он изобразил соседей галлов, жителей Британии?

Да и просто по-житейски можно прикинуть: а надо ли было Цезарю быть во всем точным и справедливым? Задумаемся, а зачем он вообще эту книжку написал? Явно не для того, чтобы студентам-филологам было что читать на уроках латинского.

Представьте себе ситуацию: Цезарь превысил свои должностные полномочия и угрожал (другого слова нет) кучу денег (не своих, а налогоплательщиков) на многолетнюю войну. Кроме всего прочего, на войне погибло много солдат, у которых, наверное, были родственники. И ни налогоплательщикам, ни родственникам убитых солдат скорее всего не очень понятно было, с какой такой надобности вдруг Галлию завоевали и для чего нужно было столько лет вести эту кровопролитную войну. И многие начинали поговаривать, что, мол, Цезарь-то это сделал только из-за своих амбиций и ради личного обогащения (а некоторые остряки такие стихи про это написали, что неудобно здесь цитату приводить). И Цезарю необходимо было не просто рассказать, как он здорово повоювал, но показать читателю, какого грозного и коварного врага он сокрушил, разумеется, для блага сената и народа римского. И так про галлов и их соседей германцев написать, чтобы простые римские граждане ужаснулись: если бы не отважный Цезарь, то кто бы от таких врагов защитил? Поэтому галлы у него и получились суровыми и свирепыми.

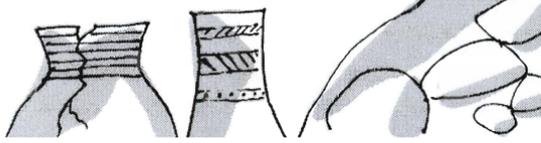
Разумеется, я не утверждаю, что на самом деле галлы были тише воды ниже травы: они и дрались друг с другом, и головы врагам отрезали, всяко было. Но считаешь латинских и греческих авторов и поражаешься тому, какой портрет среднестатистического кельта выходит. Впрочем, лучше, чем австрийский кельтолог, профессор Гельмут Биркхан, я все равно на эту тему ничего не скажу. Поэтому послушаем Биркхана:

«Как же в Средиземноморье представляли типичного кельта?

Выглядит он просто страшно: громадное, мощное тело со светлой или красноватой кожей, светлые или рыжие волосы, спутанная шевелюра, упрямое выражение лица и дикий, пристальный взгляд. Голос глубокий, громкий и всегда звучит угрожающе, даже если кельт настроен достаточно дружелюбно. У кельтской женщины тоже сильное тело: она наделена дикой красотой, у нее рыжие или белокурые волосы. Со сверкающими глазами, набычив шею и скрипя зубами, она размахивает своими огромными белыми мускулистыми руками. Защищая своего супруга, которому равна по силе, она раздает удары и пинки, словно выстрелы из катапульты. Жены кельтов плодовиты. Любят детей и хорошо кормят их грудью. Дети рождаются седыми, и только потом цвет волос у них становится таким же, как у родителей (!). С детства они закаляются с помощью холодной воды и легкой одежды».

Вот так изображали кельтов в своих произведениях такие уважаемые античные авторы, как Страбон, Марк Манилий и Диодор Сицилийский! И это еще что...

«Кельты всегда очень воинственны, — продолжает профессор Биркхан. — Воспитанный с детства в строгой дисциплине, в поединке кельт показывает высочайшую отвагу. Он чистосердечен, но в то же время вспыльчив и горяч. Кельт бесстрашен, он легко впадает в боевую ярость и кипит отвагой. В то же время, заболев, он разражается плачем. Однако его героизм граничит с идиотизмом: желая испытать свою доблесть, кельт, стоя на берегу с мечом в руке, спокойно ожидает прилива, чтобы сразиться с волной. В таких битвах погибает больше кельтов, чем в сражениях. Поскольку роди-

на его находится в северных краях, кельту свойственна большая отвага при нехватке ума, и он даже вообще не способен думать и рассуждать».

Тут сразу приходят на ум анекдоты о народах Крайнего Севера... А ведь так и есть: во все времена у всех народов бытовали рассказы и анекдоты о соседях и их якобы не очень высоких умственных способностях. Правда, кельты в описаниях античных авторов порой напоминают анекдотических кавказцев: мол, и наивные, и чуть что — за нож хватаются и кричат «Зарэжу!».

«Кельт — кровожадный воин, — пишет Биркхан, — и он убивает не только всех мужчин в захваченном поселении, но и всех беременных женщин, о которых какой-нибудь провидец сказал, что они беременны мальчиками. Вынужденный каннибализм кельтам также не чужд, а уж на самом западе и севере он, судя по всему, обычное явление...

Главный порок кельтских женщин (на которых их мужчины совсем не обращают внимания) — это их эротическая распушенность. В Британии вообще царствует инцест, однако многие женщины целомудренны от природы. Основной порок мужчин — это гомосексуализм, который прямо-таки свирепствует среди кельтов, а порой выдается за добродетель, но прежде всего — пьянство. Ведь каждый кельт — прирожденный алкоголик!»

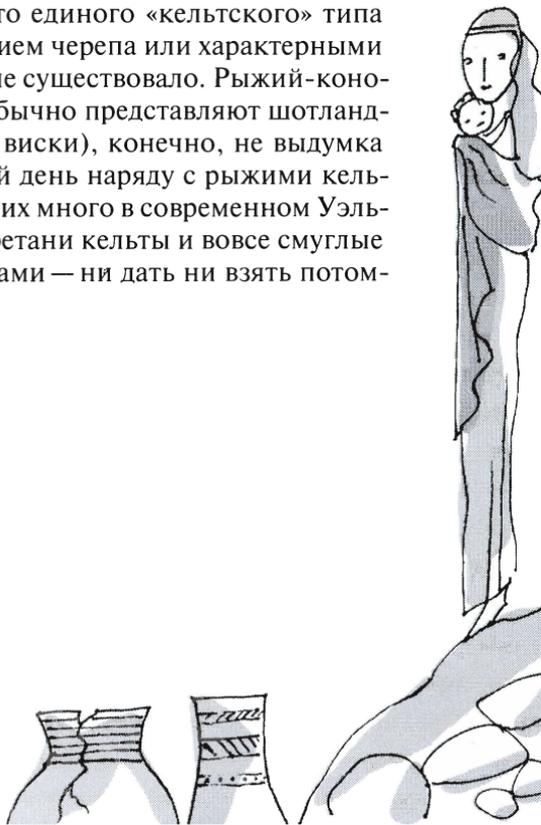
Прочитав это, диву даешься: что все-таки кельты в итоге делали с пленными юношами: убивали, поедали, пили с ними за компанию или как? В любом случае такой портрет-карикатура — не что иное, как образ ужасного соседа-врага, общий для всех времен и народов. Профессор Биркхан вспоминает, что у них в Австрии почти то же самое рассказывали о русских во время Второй мировой войны и после нее. Хотя нам-то с вами очевидно, что это просто возмутительная клевета! (Отмечу в скобках: то, что у нас принято рассказывать про жирных тупых американцев, тоже, мягко говоря, не совсем правда. По крайней мере мне как-то чаще попадались умные и худощавые граждане США.) Но вернемся к кельтам.

Еще один источник знаний о них — это письменные памятники, то есть надписи, которые сами кельты оста-

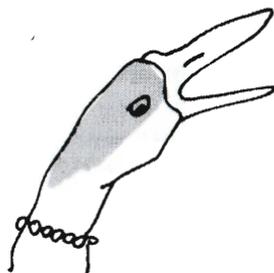
вили на своих языках. В древности кельты книг не писали (этим они всерьез увлеклись позже, уже в Средние века). Но до нашего времени сохранились надписи на камнях, металлических табличках, на надгробиях, монетах, черепках и различных предметах обихода. Надписи, как правило, коротенькие, да и разнообразием тексты не отличаются, но ученые и этому рады: никто лучше не расскажет о кельтах, чем они сами.

И если мы сопоставим сведения, полученные от археологов, с древними надписями и не будем принимать на веру все, что понаписали античные авторы, то перед нашим внутренним взором предстанут не спивающиеся агрессивные канныбалы нетрадиционной сексуальной ориентации, а трудолюбивые кузнецы, гончары, предводители племен и племенных союзов и прочие вполне умные и адекватные люди. Хотя, судя по некоторым галльским надписям, злонамеренные колдуньи, наводящие порчу друг на друга, тоже встречались.

И вообще, на мой взгляд, создавать в воображении портрет «типичного кельта» не имеет смысла. Археологи и антропологи считают, что единого «кельтского» типа с каким-то особенным строением черепа или характерными чертами лица и цветом волос не существовало. Рыжий-конопатый кельт (такими сейчас обычно представляют шотландцев или ирландцев в рекламе виски), конечно, не выдумка античных авторов, но и по сей день наряду с рыжими кельтами есть и темноволосые (таких много в современном Уэльсе), а в некоторых областях Бретани кельты и вовсе смуглые и скуластые, да с карими глазами — ни дать ни взять потомки Чингисхана!

Глава 2 Немного о лингвистике и географии, а также про гусей и золото

Итак, мы отказались от идеи сделать фоторобот типичного лица кельтской национальности (вам, возможно, смешно, а моя коллега-историк однажды вычитала именно эту формулировку в каком-то «историческом» романе). Поэтому лучше будет вкратце рассказать о том, где и как жили кельты в то время, о котором рассказывают античные авторы. Мы над этими авторами вдоволь поглумились, теперь пора отнестись к их произведениям всерьез.

Но что же нам известно?

Во-первых, кельты никогда не создавали империй в отличие от жителей Древнего Востока и Средиземноморья. И когда кто-то из древних авторов говорит, к примеру, что была такая страна Галлия (она располагалась на территории современных Франции и Бельгии, частично — Швейцарии и Германии и Северной

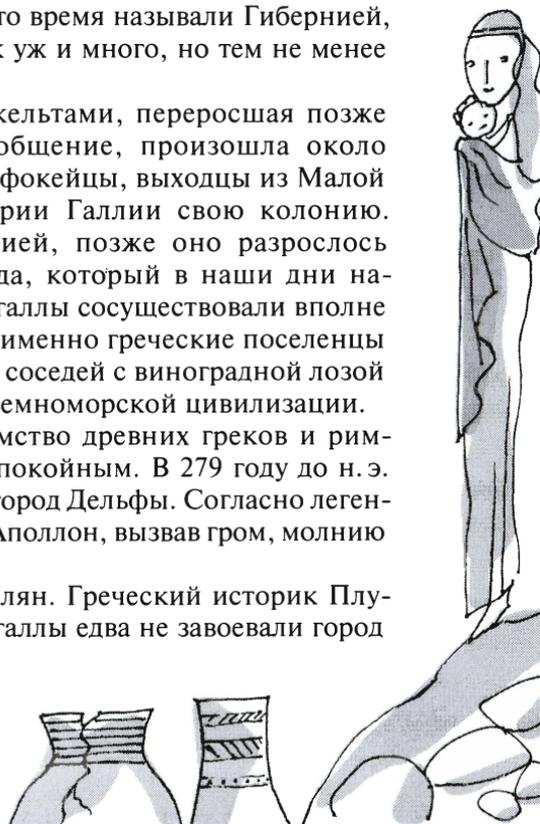
Италии), то это вовсе не значит, что Галлия была единым государством, которым правил один человек или собрание из нескольких. Это означает, что на ее территории жили кельтские племена, объединялись в племенные союзы, чтобы «дружить» против других племен и племенных союзов.

Античные авторы рассказывают, что кельты обитали в верхнем течении Дуная, по берегам Рейна, и земли их простирались вплоть до Пиренейского полуострова, жителей которого звали кельтиберами, то есть жителями Иберии (так называли территорию нынешних Испании и Португалии). Обитали кельты, как уже было сказано, и в Северной Италии. Населенные ими земли римляне называли Цизальпинской Галлией (то есть расположенной «по нашу сторону» от Альп) в отличие от Трансальпинской (расположенной «по ту сторону Альп» с точки зрения римлян). Кельтов, проникших на территорию Малой Азии и поселившихся там, принято называть галатами. А на Британских островах обитали кельтские племена бриттов, которые по тогдашним меркам жили ужас как далеко от цивилизованного мира. О жителях же Ирландии, которую в то время называли Гибернией, греки и римляне знали не так уж и много, но тем не менее и о них упоминали.

Первая встреча греков с кельтами, переросшая позже в мирное добрососедское общение, произошла около 600 года до н. э., когда греки-фокейцы, выходцы из Малой Азии, основали на территории Галлии свою колонию. Поселение назвали Массалией, позже оно разрослось до размеров большого города, который в наши дни называется Марселем. Греки и галлы сосуществовали вполне мирно и успешно торговали; именно греческие поселенцы познакомили своих северных соседей с виноградной лозой и другими прелестями средиземноморской цивилизации.

Но далеко не везде знакомство древних греков и римлян с кельтами было столь спокойным. В 279 году до н. э. галлы чуть было не разорили город Дельфы. Согласно легенде, их нападение отразил сам Аполлон, вызвав гром, молнию и землетрясение.

Нападали кельты и на римлян. Греческий историк Плутарх рассказывает о том, как галлы едва не завоевали город

Рим. В детских книжках встречается пересказ этой истории, озаглавленный «Как гуси Рим спасли». Правда, в детской версии не рассказывается об истинной, по мнению Плутарха, причине похода кельтов на римлян. А все дело, как считает греческий историк, в свойственном этому народу алкоголизме:

«Галлы — народ кельтского происхождения; покинув свою землю, которая, как сообщают, не могла досыта прокормить всех по причине их многочисленности, они двинулись на поиски новых владений — десятки тысяч молодых, способных к войне мужчин и еще больше детей и женщин, которые тянулись вслед за ними. Часть их, перевалив через Рипейские горы¹, хлынула к берегам Северного океана и заняла самые крайние области Европы, другие, осев между Пиренейскими и Альпийскими горами, долго жили по соседству с сенонами и битуритами (это названия галльских племен, видимо, хорошо известных читателю, к которому обращается Плутарх. — *А. М.*). Много лет спустя они впервые попробовали вина, доставленного из Италии, и этот напиток настолько их восхитил, что от неведомого прежде удовольствия все пришли в настоящее неистовство и, взявшись за оружие, захватив с собою семьи, устремились к Альпам, чтобы найти ту землю, которая рождает такой замечательный плод, все прочие земли отныне считая бесплодными и дикими» (Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Камилл, 15).

Но какова бы ни была причина похода (все-таки были, наверное, у тогдашних кельтов проблемы несколько посерьезнее, чем боевая экспедиция к ближайшему ларьку, ой, простите, к винному погребу...), галлы под предводительством царя по имени Бренн подобралась к самому Риму и навели ужас на его обитателей. Часть римлян смогла укрыться на Капитолийском холме.

«На третий день после битвы Бренн с войском подошел к городу и, найдя ворота открытыми, а стены лишенными стражи, сначала испугался хитрости и засады — ему

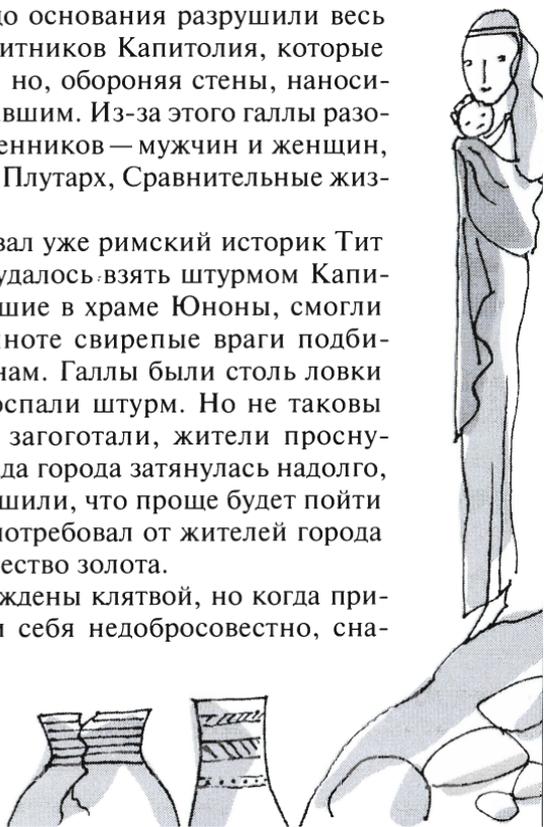
---

¹ *Рипейские горы* — условное понятие античных географов: водораздел, отделяющий южные реки Европы от северных. Впоследствии это название перенесено на Уральские горы.

представлялось невероятным, чтобы римляне вообще отказались от какого бы то ни было сопротивления, — пишет Плутарх и далее выставляет победителей в несколько комическом виде: — Заняв город, Бренн расставил караулы вокруг Капитолия, а сам, пройдя на форум, с изумлением увидел там богато одетых людей, которые молча сидели в креслах и при появлении врагов не поднялись с места, не изменились в лице, даже бровью не повели, но, спокойно и твердо опираясь на посохи, которые держали в руках, невозмутимо глядели друг на друга. Это необычайное зрелище до того удивило галлов, что они долго не решались прикоснуться или даже приблизиться к сидящим, раздумывая, не боги ли перед ними. Наконец один из них собрался с духом, подошел к Манию Папирию и, робко притронувшись к подбородку, потянул за длинную бороду, и тогда Папирий ударом посоха проломил ему голову. Варвар выхватил меч и зарубил Папирия. Тут враги набросились на остальных стариков и перебили их, а потом стали истреблять всех подряд, кто ни попадался под руку, и грабить дома. После многих дней грабежа они сожгли и до основания разрушили весь Рим — в злобе и гневe на защитников Капитолия, которые не только отказались сдаться, но, обороняя стены, наносили ошутительный урон нападавшим. Из-за этого галлы разорили город и казнили всех пленников — мужчин и женщин, старых и малых, без разбора» (Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Камилл, 22).

Ну а дальше, как рассказывал уже римский историк Тит Ливий, галлам чуть было не удалось взять штурмом Капитолий, и только гуси, обитавшие в храме Юноны, смогли услышать, как в ночной темноте свирепые враги подбираются к напуганным римлянам. Галлы были столь ловки и бесшумны, что собаки проспали штурм. Но не таковы были доблестные гуси! Они загоготали, жители проснулись и отбили нападение. Осада города затянулась надолго, и в результате обе стороны решили, что проще будет пойти на мировую. Правда, Бренн потребовал от жителей города принести ему изрядное количество золота.

«Эти условия были подтверждены клятвой, но когда принесли золото, кельты повели себя недобросовестно, сна-

чала потихоньку, а потом и открыто наклоняя чашу весов. Римляне негодовали, а Бренн, словно издеваясь над ними, отстегнул меч вместе с поясом и бросил на весы. «Что это?» — спросил Сульпиций. «Горе побежденным, вот что!» — откликнулся Бренн. Его ответ уже давно вошел в поговорку» (Плутарх, Сравнительные жизнеописания, Камилл, 28).

Римский историк Тит Ливий, правда, сообщает, что часть золота, которое принесли римляне, была фальшивой, и именно поэтому галльский царь рассердился. Хотя, конечно, мог и не кидаться мечом, невежливо как-то. Впрочем, как стали говорить после этого инцидента, победителей не судят.

Но недолго (по историческим меркам, конечно) кельты оставались победителями. Со временем римская армия настолько окрепла, что никакие гуси ей стали не нужны. Сперва римляне завоевали Цизальпинскую Галлию, которая была поближе, а потом устремились в более далекую, которая находилась за Альпами. Тамошние жители сильно отличались от своих средиземноморских собратьев манерой стричься и одеваться, и поэтому заальпийские территории по-латински назывались *Gallia comata* (косматая Галлия) или *Gallia braccata*, то есть Галлия-в-брюках. Климат там был довольно суровый, а потому галльские мужчины носили брюки, которых римляне, жители более жаркой страны, попросту не знали. Можно только догадываться, как называли трансальпийские галлы бесштаных соседей, но история это до нас не донесла, наверное, постеснялась.

Кстати, вас не смутила фраза «Галлы носили брюки»? Брюками мы привыкли называть скорее современную одежду, а не ту, которую можно увидеть только на картинках в исторических книжках. И все же я настаиваю на брюках, потому что само это слово пришло в русский язык из галльского.

Дело было так: в галльском языке этот предмет одежды именовался *braca*. Римляне, ранее со штанами не знакомые, не стали выдумывать новое слово для иностранной одежды. Так *braca* проникло в латынь, а оттуда — во французский, который из этой самой латыни и произошел. Позже слово заимствовали другие языки, в том числе и германские. А уже из немецкого или голландского во времена Петра I попало

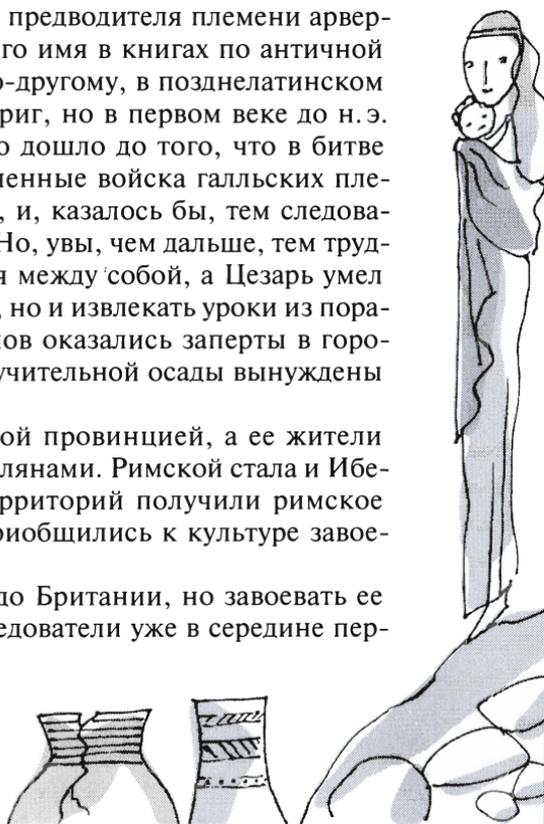
и в русский язык. Но брюками стала называться уже одежда западноевропейского покроя, а не родные порты (слово «штаны», кстати, тюркского происхождения, хотя это к делу не имеет никакого отношения).

Но отнюдь не брюки решали ход истории. В 58 году до н. э. Юлий Цезарь ввел в Галлию ограниченный контингент римских войск с миротворческой миссией. Это вовсе не ирония и не пародия на современность: в книге «Записки о галльской войне» Цезарь сообщает простодушному читателю, что, мол, не сам он в Галлию пришел: его настоятельно попросили. Представители дружественного Риму племени эдуев находились под угрозой: на них собирались напасть полчища гельветов, обитавших на территории современной Швейцарии. Как не защитить друзей? Защитили, конечно же. И началось...

Миротворческая акция затянулась на целых семь лет. Попытки римлян подчинить себе заальпийскую Галлию встречали отчаянное сопротивление. Настолько отчаянное, что галлам даже удалось ненадолго объединиться. Произошло это благодаря авторитету предводителя племени арвернов Верцингеторикса (чаще его имя в книгах по античной истории выглядит немного по-другому, в позднелатинском произношении — Верцингеториг, но в первом веке до н. э. галлы так не говорили). Дело дошло до того, что в битве при городе Герговии объединенные войска галльских племен начисто разбили римлян, и, казалось бы, тем следовало только убраться восвояси. Но, увы, чем дальше, тем труднее было галлам договориться между собой, а Цезарь умел не только радоваться победам, но и извлекать уроки из поражений. Союзные войска галлов оказались заперты в городе Алезия и после долгой и мучительной осады вынуждены были сдать.

Галлия стала новой римской провинцией, а ее жители отныне назывались галло-римлянами. Римской стала и Иберия. Жители завоеванных территорий получили римское гражданство и постепенно приобщились к культуре завоевателей.

Цезарь сумел добраться и до Британии, но завоевать ее не смог; это сделали его последователи уже в середине пер-

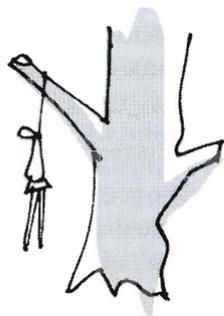

вого века новой эры. Правда, под контролем римлян оказался далеко не весь остров, а лишь южная его часть, которую пришлось спокойствия ради отделить крепостной стеной от северной. Это сооружение, называемое Адрианов вал (по имени императора Адриана, который, конечно, сам его не строил, а только правил в это время), сохранилось до сих пор в виде руин. Было время, когда за укреплением не следили, потому что граница римских владений отодвинулась на север и пришлось строить новый вал, названный в честь другого императора — Антонина. Но Адрианов вал, хоть и изрядно разрушенный, уцелел. И то сказать, почти две тысячи лет простоял, римляне строили на совесть...

Вообще-то, когда говоришь о завоеваниях Галлии, Иберии и Британии, есть соблазн изобразить римлян эдакими злодеями, которые в погоне за наживой подчинили себе гордых свободолюбивых кельтов. Но справедливости ради отметим, что только благодаря римлянам в той же Галлии появились приличные дороги, да и распри между племенами поутихли. Так что давать оценку ходу истории мы не будем. Да и вообще все эти войны, сражения, амбиции римских императоров и так далее — куда менее интересная тема, чем жизнь простых людей, которые, по большому счету, не очень-то отличаются от нас с вами. (Хотя если именно вы, читатель, случайно оказались императором или хотя бы командующим армией, то вам, разумеется, интереснее про сражения почитать. Но лучше Цезаря я все равно не расскажу, тогда берите «Записки о галльской войне», там сплошные военные операции.)

Итак, как же жили древние кельты еще до нашей эры?

Глава 3 Как жили древние кельты и во что они верили

Как видно из истории, кельты не очень-то любили объединяться и действовать по принципу «все как один». При этом они сами себя кельтами не называли, а предпочитали говорить о принадлежности к какому-то племени. Так почему же мы, вслед за древними авторами, говорим о кельтах как о какой-то общности? Было хоть что-то, что объединяло их?

С большой оговоркой можно сказать, что древних кельтов объединяли схожие языки, более или менее похожее общественное устройство и религия. И то, возможно, мы так говорим, потому что знаем далеко не все детали. Но уж про что знаем, про то и буду рассказывать.

Итак, начну с общественного устройства. Вот что пишет Цезарь о галлах:

«Во всей Галлии существует вообще только два класса людей, которые

пользуются известным значением и почетом, ибо простой народ там держат на положении рабов: сам по себе он ни на что не решается и не допускается ни на какое собрание. Большинство, страдая от долгов, больших налогов и обид со стороны сильных, добровольно отдаются в рабство знатым, которые имеют над ними все права господ над рабами. Но вышеупомянутые два класса — это друиды и всадники. Друиды принимают деятельное участие в делах богопочитания, наблюдают за правильностью общественных жертвоприношений, истолковывают все вопросы, относящиеся к религии; к ним же поступает много молодежи для обучения наукам, и вообще они пользуются у галлов большим почетом. А именно, они ставят приговоры по всем спорным делам, общественным и частным; совершено ли преступление или убийство, идет ли тяжба о наследстве или о границах — решают те же друиды; они же назначают награды и наказания; и если кто — будет ли это частный человек или же целый народ — не подчинится их определению, то они отлучают виновного от жертвоприношений. Это у них самое тяжелое наказание. Кто таким образом отлучен, тот считается безбожником и преступником, все его сторонятся, избегают встреч и разговоров с ним, чтобы не нажить беды, как от заразного; как бы он того ни домогался, для него не производится суд; нет у него и права на какую бы должность» (Записки о галльской войне, VI, 13).

Немного переведем дух — уж очень длинными фразами писал Цезарь. А заодно и сделаем кое-какие выводы. Римский полководец был человеком неверующим и далеким от мистики, а потому не очень интересовался «богопочитанием». К тому же друидов он воспринимал в первую очередь как законников и управленцев, а не как служителей культа. И на это у него имелись веские основания: друиды были в то время серьезной политической силой, а «богопочитание» было тогда (как, впрочем, в любой другой стране в любое другое время) не в последнюю очередь мощным инструментом власти. Цезарь в своих «Записках» рассказывает нам об одном друиде из племени эдучей по имени Дивитиак (или Дивициак — в разных источниках по-разному).

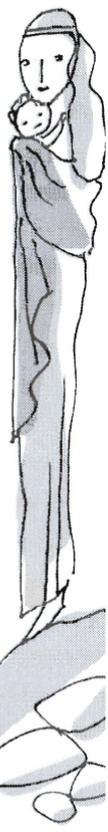
Для тех, кто все еще представляет себе друидов в виде белобородых старцев-колдунов, остановлюсь на этом персонаже особо. Начну с того, что известный специалист по истории кельтов Григорий Бондаренко очень метко прозвал Дивитиака друидом-администратором. И правильно, поскольку про то, как общался с богами этот Дивитиак, нам не известно ничего, а вот о том, как он вступал в дипломатические переговоры с Цезарем и вел их весьма успешно, мы хорошо осведомлены. Известно также, что в результате своей дипломатической деятельности этот друид стал другом римского народа. С ним дружил не только Цезарь, но и Цицерон. Правда, Цицерон, который интересовался не только политикой, сообщает, что Дивитиак умел предсказывать будущее по предзнаменованиям и умозаключениям, но как именно он это делал — так и осталось загадкой.

Однако вернемся к тому, что говорит Цезарь о друидах, в том числе и лично ему не знакомых:

«Во главе всех друидов стоит один, который пользуется среди них величайшим авторитетом. По его смерти ему наследует самый достойный, а если таковых несколько, то друиды решают дело голосованием, а иногда спор о первенстве разрешается даже оружием. В определенное время года друиды собираются на заседания в освященное время в стране карнутов (это одно из галльских племен. — *А. М.*), которая считается центром всей Галлии. Сюда отовсюду сходятся все тяжущиеся и подчиняются их определениям и приговорам. Их наука, как думают, возникла в Британии и оттуда перенесена в Галлию; и до сих пор, чтобы основательно с нею познакомиться, отправляются туда для ее изучения» (Записки о галльской войне, VI, 13).

Что же за наука такая была у друидов? Не знаю.

И никто не знает. Больше того, скорее всего никто никогда не узнает. От тех же античных авторов известно, что друиды свое учение не записывали, хотя предполагается, что, как и у жрецов всех времен и народов, священные тексты у них имелись. Некоторые наивно полагают, что друиды-де были поголовно неграмотными, но это не так: галлы времен Цезаря умели читать и писать и использовали

для письма аж три алфавита: греческий, латинский и лепонтийский. Причем грамотными были не только образованные люди, но, судя по надписям на керамических изделиях, и простые горшечники. Но священные тексты записывать не полагалось.

И если кто-то скажет вам, что он лично читал священные друидические тексты, не верьте ему. В лучшем случае его ввели в заблуждение любители мистификаций. В худшем — он уверен, что сам общался с призраками умерших друидов, и тут уж надо ненавязчиво посоветовать человеку отказаться от выпивки или чего похуже.

Всякие премудрости типа «гороскопа друидов» и прочие якобы дошедшие до нашего времени друидические сочинения — чистой воды вымысел из серии «я это придумал и сам в это поверил».

Я понимаю, что, признавшись в собственном неведении, неизбежно разочаровываю читателя, который, возможно, ждал от этой книги подробного пересказа сокровенных друидических представлений о мире. И если после этих строк вы скажете, что книга ерундовая, а автор — недоучка, я не обижусь. Знали бы вы, как часто приходится это слышать кельтологам в ответ на признание в том, что о друидах известно крайне мало! «Ну вот, а еще университеты заканчивали! — отвечают им с презрением. — А не знаете, что в последнем номере журнала для домохозяйек (вариант: на сайте шуток и приколов) настоящий друидический сонник опубликовали!» И что тут возразишь? Да ничего. Так читатели женских журналов и посетители сайтов шуток и прибауток и считают тебя дипломированным ослом.

Дошло до того, что кельтологи стали реагировать на слово «друид» очень нервно. Когда известный специалист по истории Ирландии Сергей Владимирович Шкунаев читал нам, тогда еще студентам и аспирантам, лекцию, то слово «друид» старался вообще по возможности опускать, а там, где оно было неизбежно, понижал голос, как будто говорил что-то очень неприличное. После лекции мне приснился сон: подходит к забору человек явно хулиганской наружно-

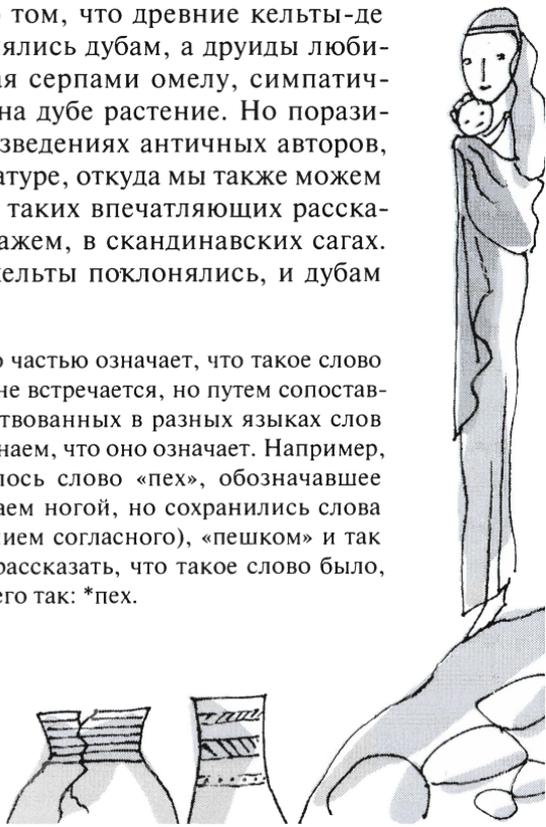
сти, оглядывается (нет ли кого поблизости?), берет из кармана мел и пишет через весь забор... да-да, то самое слово из пяти букв, которое на «д» начинается и на него же заканчивается.

Но тем не менее о друидах все же кое-то известно. Пусть они нам не оставили ни гороскопов, ни сонников, о них достаточно писали и древние греки с древними римлянами, и жители средневековой Ирландии, принявшие христианство, но вполне еще помнившие то время, когда люди верили во множество богов, а священнослужителями были эти самые... ну, вы поняли кто.

Итак, что же известно?

Во-первых, само название друидов. Это уже немало. Считается, что оно происходит от двух корней, один из которых, *dru-¹, обозначал дуб или дерево вообще, а другой, *wid-, состоит в родстве с русскими словами «вид», «видеть»; он обозначал не только «видеть», но и «ведать, знать». То есть на первый взгляд получается, что друид это «древовед», мистический ботаник. Именно поэтому в популярной литературе любят рассказывать о том, что древние кельты-де чуть ли не ежедневно поклонялись дубам, а друиды любили посидеть на ветках, срезая серпами омелу, симпатичное на вид паразитирующее на дубе растение. Но поразительно, что нигде, ни в произведениях античных авторов, ни в древнеирландской литературе, откуда мы также можем узнать о друидах многое, нет таких впечатляющих рассказов о мировом древе, как, скажем, в скандинавских сагах. То есть деревьям, конечно, кельты поклонялись, и дубам

¹ Звездочка перед словом или его частью означает, что такое слово (или его часть) нигде в текстах не встречается, но путем сопоставления различных засвидетельствованных в разных языках слов мы смогли его восстановить и знаем, что оно означает. Например, в русском языке не сохранилось слово «пех», обозначавшее часть тела, которую мы называем ногой, но сохранились слова «пехота», «пеший» (с чередованием согласного), «пешком» и так далее. Поэтому если я захочу рассказать, что такое слово было, но не сохранилось, я обозначаю его так: *пех.

в том числе, но скорее всего далеко не в первую и не в главную очередь.

Во-вторых, мы знаем, что друиды были не единственными, кто взаимодействовал со сверхъестественными силами. Греческий автор Страбон рассказывает о том, что ученых сословий в Галлии было аж три: кроме друидов, существовали еще и ваты (что-то вроде прорицателей) и барды — певцы и поэты. Барды и ваты, кстати, пережили друидов и продолжали существовать в средневековой Ирландии, Шотландии и Уэльсе долгое время после того, как последние из друидов либо постриглись в монахи, либо превратились в презренных божей (но об этом позже).

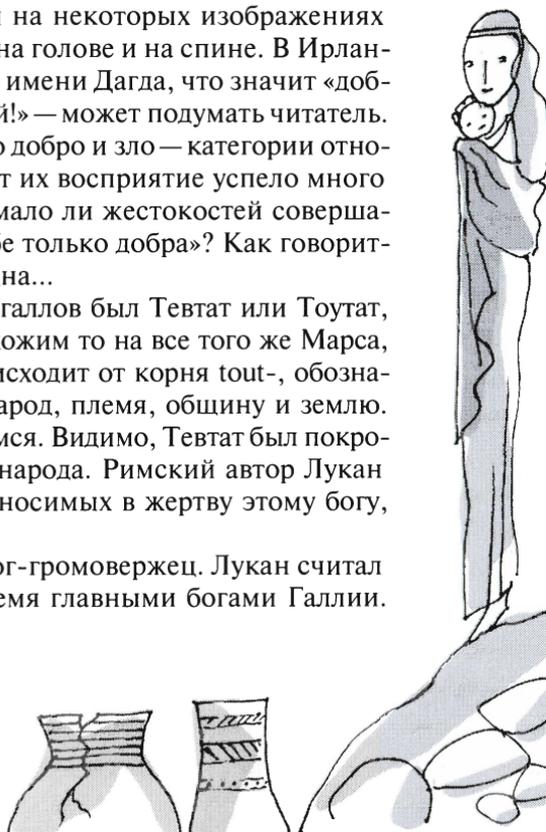
О воззрениях друидов на мир и природу греческие авторы пишут не так уж и мало, но, по мнению историков, доверять этим сведениям сложно: греки часто приписывали кельтским жрецам философские взгляды своих соотечественников. Говорили, например, что друиды, мол, разделяют учение Пифагора. Но это маловероятно. Исследователи считают, что религия, которую проповедовали друиды, намного древнее, чем учение самого первого философа Греции. Некоторые сравнивают друидов с сибирскими шаманами, и очень многие говорят, что роль друидов в обществе соответствовала той, которую в древней Индии выполняли жрецы-брахманы. И это представляется весьма правдоподобным: очень многое в устройстве кельтского общества и общественного устройства древней Индии совпадает до мелочей. Например, и там, и там цветом жреческого сословия был белый, а цветом воинов и царей, их предводителей, — красный. Много схожих моментов в ирландских текстах, где встречаются мифологические сюжеты, и в мифах древней Индии... Но об этом можно говорить много и долго, так что любопытных вновь отсылаю к списку дополнительной литературы. Скажу только, что большинство исследователей сходится на том, что и учение друидов, и учение брахманов — это продолжение (и в какой-то степени, наверное, переосмысление) более древней религии народа, который несколько условно называется индоевропейцами.

То, что нам доподлинно известно как из произведений античных авторов, так и из надписей, сделанных самими галлами, — это имена богов. Всех их не перечислишь и обо всех не расскажешь. Мой покойный учитель Виктор Павлович Калыгин составил целый словарь, где собраны все известные на сей день кельтские теонимы (так по-научному называются имена богов). Книга получилась небольшая, карманного формата, хотя на то, чтобы ее составить, ушло много лет. О многих богах неизвестно ничего, кроме имен: встретилось имя в посвященной ему надписи, и все. О других упоминается в римской, греческой и древнеирландской литературе — об этих можно рассказать поподробнее.

Одним из самых главных галльских богов был Эзус, которого римляне считали похожим на Марса, бога войны. Античные авторы пишут, что Эзусу приносили человеческие жертвы, умерщвляя несчастных через повешение на дереве. Изображали его обычно в виде бородатого или безбородого мужчины, стоявшего возле этого самого дерева с топором или серпом. Рядом с деревом на некоторых изображениях стоял бык с тремя журавлями на голове и на спине. В Ирландии ему соответствовал бог по имени Дагда, что значит «добрый бог». «Ничего себе добрый!» — может подумать читатель. Но тут надо помнить о том, что добро и зло — категории относительные, и за две тысячи лет их восприятие успело много раз поменяться. Да и сейчас мало ли жестокостей совершается со словами: «Я желаю тебе только добра»? Как говорится, кому война, кому мать родна...

Другим известным богом у галлов был Тевтат или Тоутат, которого римляне считали похожим то на все того же Марса, то на Меркурия. Его имя происходит от корня tout-, обозначающего в галльском языке народ, племя, общину и землю. С этим словом мы еще встретимся. Видимо, Тевтат был покровителем целого племени или народа. Римский автор Лукан рассказывает, что людей, приносимых в жертву этому богу, топили в большом чане.

Известен также Таранис, бог-громовержец. Лукан считал Эзуса, Тевтата и Тараниса тремя главными богами Галлии.

Тараниса сами галлы, став римскими подданными, отождествляли с Юпитером. Его изображали с молнией, спиралью или колесом. На некоторых изображениях он топчет како-го-то змеевидного монстра.

Были у галлов и богини. Рядом с Эзусом часто изображали его супругу Росмерту. Ее имя можно перевести как «заботящаяся, всевидящая». Поклонники Гарри Поттера сразу вспомнят заботливую хозяйку питейного заведения в Хогсмиде: да, да, Джоан Роулинг скорее всего не случайно выбрала для нее это имя. Очень часто богини были хранительницами рек: Секвана отвечала за реку Сену, на которой ныне стоит Париж (когда-то бывший городом Лютеция на территории племени паризиев), а Матрона — за реку Марну. Во многих надписях упоминается богиня Эпона, которую изображали в виде лошади или всадницы. Она отвечала за плодородие и здоровье.

Был среди галльских божеств и мастер на все руки. Одним из самых любимых богов древних кельтов, известным и в Галлии, и в Британии, и в Ирландии, был Луг, которого также называли Долгоруким и Искусным во всех ремеслах. Ему даже был посвящен праздник Лугнасад, который приходился на 1 августа (о праздниках речь пойдет чуть позже). Многие кельтские племена называли в честь Луга свои города. Наиболее известные из городов этого бога — Лион во Франции и Лейден в Голландии, но всех современных городов, когда-то называвшихся Лугудунум («город или крепость бога Луга»), и не перечислишь. Причина такой популярности Луга в том, что он владел многими ремеслами сразу, а древние кельты, среди которых было много искусных ремесленников, славившихся по всему древнему миру, как никто могли оценить такой дар.

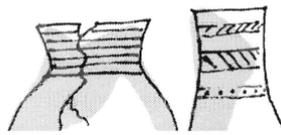
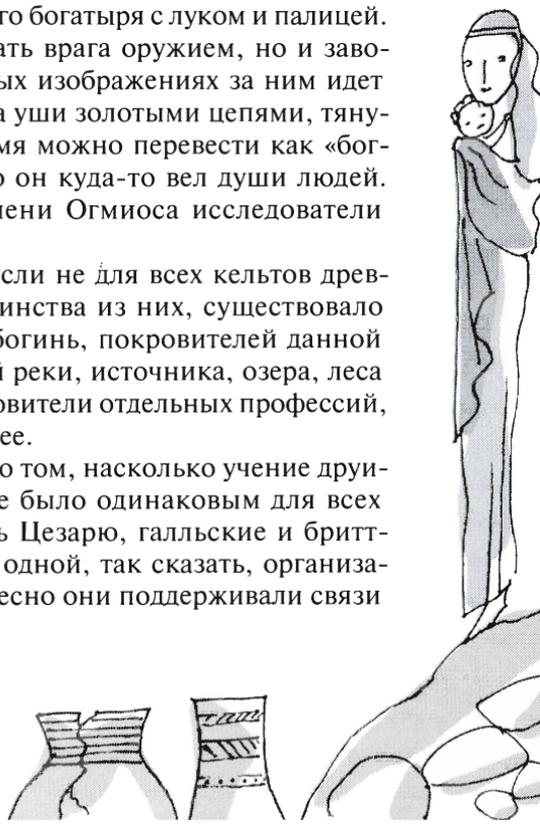
У кельтов была также репутация искусных врачей-лечей, и поэтому неудивительно, что еще одним любимым богом обитателей Галлии, Иберии и Северной Италии был Беленос, бог-исцелитель. Римляне называли его галльским Аполлоном. А вам имя Беленоса ничего не напоминает? Не приходит на ум выражение «ты что, белены объелся»? Если приходит, то вовсе не случайно. Обычно языкове-

ды предостерегают: не делайте скорых выводов из схожих по звучанию слов разных языков, это не родство, а просто совпадение! Чаше всего так оно и бывает, но в случае с белой совпадением отнюдь не случайное. Имя галльского бога и название ядовитого растения, которое использовалось в лечебных целях и до сих пор входит в состав некоторых лекарств, — родственные. Видимо, в древности снадобья из белены были настолько распространены, что стали синонимами лекарства вообще и даже имя бога-лекаря звучало как «белено-бог». В латинском языке это же растение называли *herba apollinaris* — аполлонова трава — и использовали не только как лекарственное, но и как наркотическое средство: жрицы Аполлона принимали ее для того, чтобы войти в состояние измененного сознания. Проводили ли подобные психоделические опыты галлы, нам неизвестно, но можно предположить, что и они были не прочь иногда взбелениться. Разумеется, исключительно в религиозных целях.

Огмос, или Огмиос, был похож на римского Геркулеса. Его изображали в виде пожилого богатыря с луком и палицей. Но он умел не только поражать врага оружием, но и завораживать словом: на некоторых изображениях за ним идет группа людей, привязанных за уши золотыми цепями, тянущимися от языка бога. Его имя можно перевести как «бог-проводник», и возможно, что он куда-то вел души людей. Хотя по поводу значения имени Огмиоса исследователи не прекращают споры.

Кроме этих богов, общих если не для всех кельтов древности, то хотя бы для большинства из них, существовало множество местных богов и богинь, покровителей данной области, какой-то конкретной реки, источника, озера, леса и так далее. Были боги — покровители отдельных профессий, например кузнецов. И так далее.

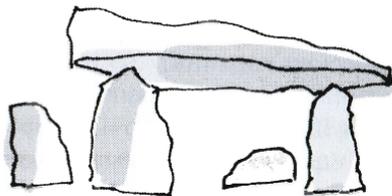
Остается открытым вопрос о том, насколько учение друидов о богах и мироустройстве было одинаковым для всех древних кельтов. Если верить Цезарю, галльские и бриттские друиды принадлежали к одной, так сказать, организации, а вот про то, насколько тесно они поддерживали связи

с друидами Ирландии, — неизвестно. Об ирландских друидах мы знаем из текстов, написанных христианами в раннем Средневековье, и поэтому сложно сказать, насколько вообще можно сравнивать жреческое сословие Галлии какого-нибудь 50 года до н. э. и тех друидов, которые стали злостными конкурентами святого Патрика примерно 500 лет спустя.

Но прежде чем продолжить разговор о друидах, придется развенчать еще одно очень стойкое и, увы, почти неистребимое заблуждение.

Глава 4
Загадки стоячих камней,
или Чего друиды никогда не делали

В очередной раз приехав в Бретань, я решила просто так погулять по побережью, не приставая к друзьям с расспросами на тему «А как это и вот это на вашем диалекте?».

Провожая меня в прибрежный городок Локмариакер, друзья, уставшие мучительно вспоминать родной язык, напутствовали:

— Городок, конечно, маленький, но скучать там не придется — вокруг одни дольмены и менгиры; будет чем заняться.

Действительно, буквально на каждом шагу, стоило только выйти из города (а он заканчивался, не успев начаться), обнаруживались огромные камни: одни из них стояли, как столбы, другие громоздились один на один наподобие гигантских столов, а из третьих были сложены целые галереи. Об этих камнях на протяжении веков, если не тысяче-

летий, слагались легенды и, что самое забавное, слагаются и до сих пор, правда, под видом ничем не подтверждаемых якобы научных гипотез, от которых у настоящих исследователей начинается тошнота, головная боль и прочие симптомы отравления эзотерикой.

Вот что обычно рассказывают: камни эти, мол, водрузили древние кельты, чтобы совершать там кровавые жертвоприношения. Дольмены и менгиры служили настоящими храмами под открытым небом, и друиды совершали подле этих камней кровавые жертвоприношения. Заманчивая романтическая картина, что и говорить. На старинных гравюрах обычно все так и изображали: бородатый друид — точь-в-точь Дед Мороз в ночной рубашке! — замахивается ножом или еще каким острым предметом, а пред ним на каменном алтаре лежит связанная по рукам и ногам жертва. Как правило, в качестве жертвы представляла юная красавица в живописно растерзанной одежде (видимо, в угоду мужской части зрителей). Жестокая и одновременно красивая картина, слишком красивая, чтобы быть правдивой.

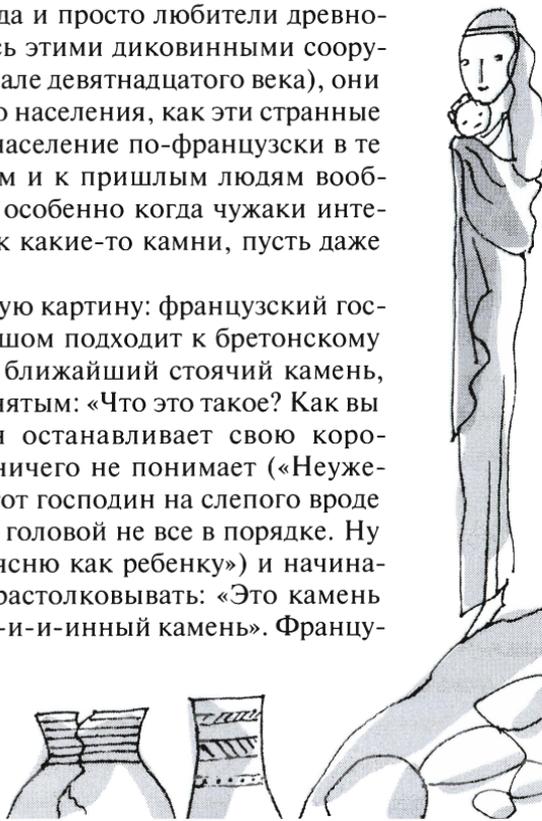
Что ж, многие до сих пор считают, что именно так все и было, хотя археологи весьма убедительно доказывают, что загадочные камни стоят на земле уже более трех тысяч лет, а некоторые еще постарше — специалисты называют дату 4800 лет до н. э. А кельты здесь появились гораздо позже, в середине первого тысячелетия до н. э.

К тому же если говорить о тех гигантских камнях, которые расположены на территории Великобритании и Франции, то вполне возможно, что друиды действительно их использовали как служители культа, пришедшие на смену неизвестным нам более древним жрецам, — ведь эти сооружения строились как капища, а свято место пусто не бывает, и каждая новая религия использует его по-своему. Только вот ведь незадача — на Кавказе, например, друидов и в помине не было, откуда же там взялись такие камни? Впрочем, в фантастических и ненаучно-популярных книжках можно встретить самые неожиданные объяснения всему. И если поверить им, что друиды — это посланные к нам инопланетяне или чудом выжившие жители Атлантиды, то, конечно, все возможно...

Но настоящие ученые мужественно признаются в собственном неведении: мы не знаем, говорят они, как назывались народы, построившие эти сооружения, не знаем, для чего и как эти постройки использовались, мы только можем установить их возраст и предположить, что они как-то связаны с культовыми действиями. Это не так интересно, как гипотезы романтиков, но по крайней мере честно.

На самом деле никто даже толком не знает, как правильно назвать эти памятники глубокой старины. Стоячие камни принято называть менгирами, те, которые похожи на столы, — дольменами, камни, расположенные по кругу, как английский Стоунхендж, — кромлехами. В любом путеводителе написано, что эти слова — бретонские, первое означает «длинный камень», второе «стол-камень», а третье — «закругленное место». Это так и не так. Да, слово «менгир» пришло во французский язык, а вслед за ним и во все другие из бретонского. Но в бретонском языке такого слова и в помине нет, а стоячий камень обозначает совсем другое слово «пёльван» — «столб-камень». Как же так получилось? Дело вот в чем: когда ученые да и просто любители древностей впервые заинтересовались этими диковинными сооружениями (а было это еще в начале девятнадцатого века), они решили выспросить у местного населения, как эти странные штуки называются. Местное население по-французски в те времена изъяснялось с трудом и к пришлым людям вообще относилось с недоверием, особенно когда чужаки интересовались такой ерундой, как какие-то камни, пусть даже гигантские.

Теперь представьте себе такую картину: французский господин с блокнотом и карандашом подходит к бретонскому крестьянину и, показывая на ближайший стоячий камень, спрашивает, стараясь быть понятным: «Что это такое? Как вы это называете?» Крестьянин останавливает свою корову, теребит в руках веревку, ничего не понимает («Неужели не видно, что это такое? Этот господин на слепого вроде не похож, стало быть, у него с головой не все в порядке. Ну да я его обижать не буду, объясню как ребенку») и начинает на ломаном французском растолковывать: «Это камень такой, длинный. Видите — дли-и-и-инный камень». Францу-

зу, естественно, и так понятно, что это камень и что он длинный. Тогда он спрашивает: «Нет, вы мне скажите, как это на вашем языке будет». Бретонец удивляется еще больше и переводит то, что только что сказал, на бретонский: «Мен хир» — так будет по-бретонски «длинный камень». Довольный француз записывает новое слово в блокнот, и рождается название «менгир». Ну а бретонец вечером в кругу семьи рассказывает, какого забавного городского идиота он видел сегодня на дороге.

Так что с самого начала пошли сплошные недоразумения и недопонимания между носителями местной традиции и исследователями. Дальше — больше. Например, те «новые легенды», которые создавали в своих произведениях писатели-романтики, про друидов и певцов-бардов, черпавших свое вдохновение в тени менгиров, ничего не имеют общего с преданиями, которые из уст в уста передавали бретонские крестьяне. А крестьяне просто верили в то, что камни эти волшебные. Да и как иначе, ведь сначала они служили язычникам, а когда в Бретань пришло христианство, старые камни не исчезли вместе со старой религией. Первые священники были умными людьми и понимали, что, разместив местные жители привыкли поклоняться камням-идолам на протяжении не одной тысячи лет, глупо, а то и опасно пытаться в одночасье убедить их в том, что это — грех. И вместо того, чтобы бороться с языческими камнями, священники решили их «приручить», как когда-то уже не раз делали жрецы других религий. Стали же священными источники, почитавшиеся волшебными еще в древности. Чаще всего достаточно было высечь на вершине менгира крест, а иногда даже и этого не делали, просто какая-нибудь старинная церемония с шествием к камню превращалась в крестный ход. И волки сыты, и овцы целы. А что народ рассказывает о странных камнях сказки и легенды — так это не страшно.

Особым почитанием всегда была окружена аллея из дольменов, называемая «камни фей», которая находится в Верхней Бретани, неподалеку от местечка Эссе. Говорят, что для того, чтобы ее построить, знаменитый Мерлин силой своего волшебства перенес тяжелые камни издалека. Что интересно, археологи с удивлением подтверждают: мно-

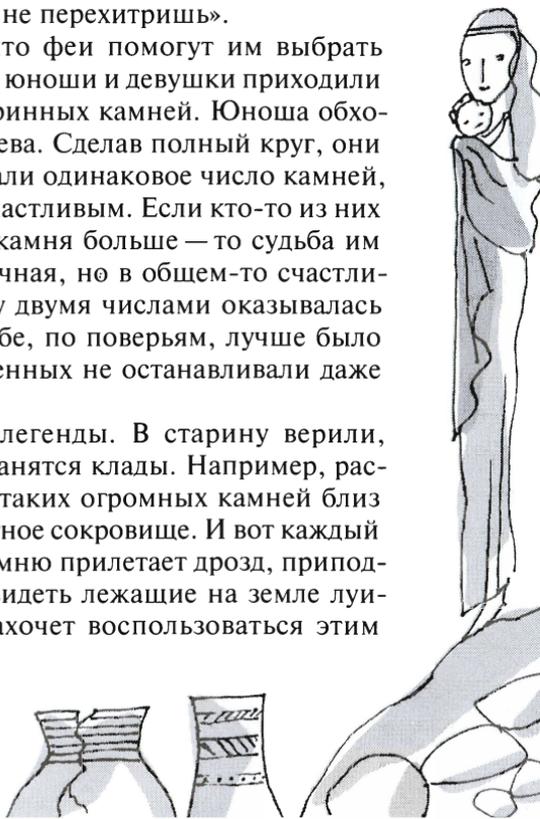
готонные плиты, из которых сложена аллея, действительно проделали многокилометровый путь, прежде чем их установили около Эссе. Только вот как это делали и кому, а главное, зачем это понадобилось?

По другой легенде, эту каменную аллею построили феи. Каждая из них должна была за один раз принести три огромных камня для постройки — по одному в каждой руке и один на голове. И горе той фее, которая не удержит хотя бы один камень. Уронив его на землю, она уже не могла поднять его и продолжать путь — ей приходилось возвращаться и начинать все сначала.

Говорят, что те, кто построил эту аллею, не прочь сыграть с людьми невинную шутку. Многие пытались сосчитать, сколько же камней в постройке, и каждый называет свое число — кто сорок два камня, кто — сорок три, а кто и сорок пять. Даже если один и тот же человек возьмется пересчитывать их по несколько раз, у него ничего не получится — каждый раз число камней будет разным. «С дьявольской силой не шути, — говорили в старину, — никто и никогда не мог сосчитать эти камни. Дьявола не перехитришь».

Но влюбленные верили, что феи помогут им выбрать свою судьбу. В старые времена юноши и девушки приходили в ночь новолуния к аллее старинных камней. Юноша обходил их справа, а девушка — слева. Сделав полный круг, они встречались. Если оба насчитали одинаковое число камней, то их союз должен был быть счастливым. Если кто-то из них насчитывал на один или два камня больше — то судьба им предстояла далеко не безоблачная, но в общем-то счастливая. Ну а если разница между двумя числами оказывалась слишком большая, то о свадьбе, по поверьям, лучше было и не думать. Впрочем, влюбленных не останавливали даже предостережения фей.

О менгирах тоже ходили легенды. В старину верили, что под стоячими камнями хранятся клады. Например, рассказывали, что под одним из таких огромных камней близ города Фужер спрятано несметное сокровище. И вот каждый год в ночь под Рождество к камню прилетает дрозд, приподнимает его, так что можно увидеть лежащие на земле луидоры. Но если кто-нибудь захочет воспользоваться этим

моментом и выхватить деньги, то огромный менгир раздавит его своей тяжестью.

А есть еще менгиры, которые в рождественскую ночь, пока в церквях служат мессу, сами идут к ручью на водопой, а потом возвращаются на свое место. Горе тому, кто окажется на дороге камня, который несется с огромной скоростью и может сокрушить все на своем пути. Однако, как гласят предания, находятся любители рискнуть: ведь в яме, оставленной отлучившимся менгиром, запросто может оказаться целое состояние. Если успеть его забрать, пока менгиры на водопое, остаток жизни проживешь безбедно. Правда, выжить мало кому удавалось: разгневанный менгир обычно гнался за вором, как разъяренный бык, и сминал беднягу в лепешку.

Один нехороший человек, правда, решил схитрить. Он где-то прослышал, что если кто-нибудь сможет найти трилистник с четырьмя листиками, то гнев менгира ему не страшен. Легенда умалчивает о том, сколько лугов, поросших клевером, прополз на четвереньках этот человек, но талисман он нашел. А чтобы подстраховаться (ведь менгиру скорее всего все равно захочется кого-нибудь задавить), хитрец подговорил одного деревенского паренька, которому очень нужны были деньги на свадьбу, принять участие в похищении. Все, казалось бы, было хорошо продумано, но охотник за сокровищем не учел того, что паренек тоже оказался не лыком шит. Может быть, у того был свой план, а может, просто как истинный христианин, он не мог допустить, что менгиры в их краю до сих пор не «окрещены», и загодя выцарапал на одном из них крест. И когда камни ринулись на бедного паренька, уносившего их золото, «освященный» менгир, мчавшийся первым, притормозил и после короткого раздумья устремился за обладателем языческого талисмана... Как говорится, не рой другому яму — сам в нее попадешь.

Но я, конечно, не собиралась искать сокровища, тем более что до Рождества было еще далеко. Просто было любопытно посмотреть на камни, о которых столько говорят и пишут. Первым делом я отправилась в небольшой музей под открытым небом, где за скромную плату можно было лицезреть

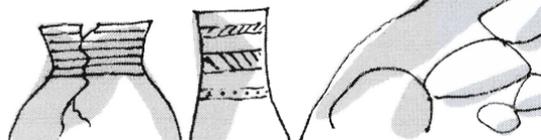
самый большой менгир Бретани — 20 метров в длину и весом примерно 280 тонн. Правда, гигант не стоял, как положено порядочному менгиру, а лежал на земле, расколотый на несколько частей. Случилось это скорее всего еще в древности, а от чего — никто не знает. Может быть, первобытных строителей подвела гигантомания, и они просто не смогли установить чудо-камень и уронили его. Возможно, камень все же постоял какое-то время, но потом обрушился из-за землетрясения. Местные жители утверждают, что его разбила молния. Кто знает, как было на самом деле?

Кстати, далеко не все менгиры и дольмены гигантские. Однажды, еще в студенческие годы, со мной произошел забавный случай. Это было в городке Пон Лаббе, куда нас с подругой пригласил однокурсник, уроженец этого городка. В числе прочих достопримечательностей он решил показать нам целую поляну дольменов. Мы дружно погрузились в его старенький «Форд» и проехали расстояние, которое вполне смогли бы осилить пешком. Выйдя из машины, я начала недоуменно оглядываться: а где же обещанные дольмены?

— Да вот же они, — подсказали мне, — посмотри вокруг.

И действительно, полянка была усеяна маленькими дольменами, самый высокий из которых доходил мне до колена. Я невольно рассмеялась, однако мой гид стал защищать карликовые дольмены, утверждая, что они не менее древние, чем те многометровые гиганты, которые так любят показывать туристам. Этого я отрицать не стала, но все же полянка произвела на меня несколько гнетущее впечатление, и вовсе не из-за размера древних построек. Невольно вспомнились московские лесопарки после майских праздников: под дольменами валялись фантики, окурки и несметное количество пустых бутылок, говоривших о том, что здесь регулярно совершались отнюдь не ритуальные возлияния.

— Да, — вздохнул мой провожатый, — не берегут у нас дольмены с менгирами, не берегут... Это еще ничего, это убрать можно, а вот лет двадцать-тридцать назад у нас насмотрелись фильмов про вашу целину и тоже принялись объединять мелкие поля, уничтожать межи... Под горячую руку и менгиры подворачивались: представь себе, стоит посреди поля менгир, вроде никому не мешает. В список памятников

не занесен по причине маленького роста. Конечно, можно каждый раз аккуратно объезжать его на тракторе, только это и времени требует, и внимания, и лишней траты топлива. А как же экономия? Вот и выкорчевывали менгиры, о которых ученые не прослышали. Сколько таких камней пропало, никто не знает.

Большим менгирам с дольменами действительно повезло. Их усиленно охраняет государство. В Локмариакере вплотную к ним не подойдешь: они огорожены веревочками, и десятки посетителей бродят толпами по узким дорожкам, глаза направо и налево. За пределами города, правда, есть подземные галереи, по которым можно свободно ползать. Около каждой установлен указатель и панно, объясняющее историю памятника на четырех языках: французском, бретонском, английском и немецком.

Самая красивая, на мой взгляд, галерея расположена в местечке Керере, у мыса Керпенхир, километрах в двух от Локмариакера. Я отправилась туда с утра пораньше, чтобы насладиться красотой древнего памятника, не сталкиваясь лбами с себе подобными. Снаружи вид не ахти какой: каменные плиты на вершине невысокого холма, некое подобие норы, у входа в которую небольшой — чуть выше человеческого роста — менгир. Спускаюсь в галерею. Пахнет солью и сыростью — немудрено, ведь море совсем рядом. Идти приходится на четвереньках: за несколько тысячелетий огромные плиты успели основательно врасти в землю. Хотя скорее всего изначально своды галереи и не были очень высокими: люди были гораздо меньше — вспомните хотя бы рыцарские доспехи в музеях, в них влезет не каждый тринадцатилетний мальчик. Что уж говорить про людей пятидесятилетней давности! Им-то, возможно, такие галереи казались высокими и просторными. Как бы то ни было, но нам, людям двадцать первого века, приходится беречь головы. В полный рост можно распрямиться только в конце галереи, в маленьком зале, и то если рост у вас не выше среднего.

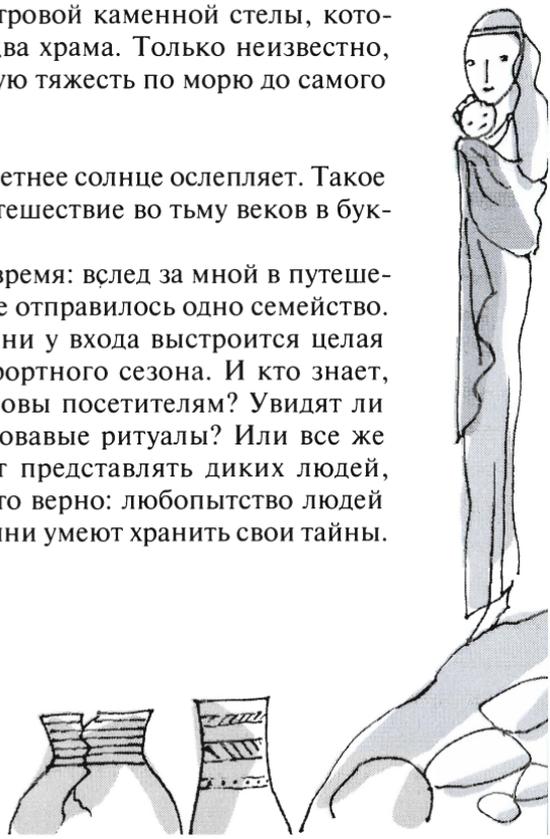
На панно, установленном неподалеку, нарисован план галереи и обозначены две плиты, на которых высечены загадочные рисунки. Однако увидеть их невозможно: в галерее царит мрак, и только изредка кое-где сквозь щель между

потолочными плитами пробивается лучик солнца. Пробираясь приходится на ощупь, отчего галерея становится еще более таинственной: неожиданно поворачивает, так же неожиданно оканчивается. Однако нащупать плиты с рисунками мне удалось. Более того, удалось их сфотографировать со вспышкой. И только когда фотографии были отпечатаны, я смогла узнать, что за послание оставили нам древние скульпторы.

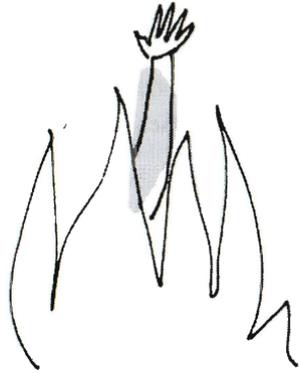
Что обозначают орнаменты из галереи Керере — неизвестно, однако один из них до боли напоминает традиционный мотив бретонской вышивки. Надо полагать, что местные кустики испокон веков повторяли орнамент, когда-то увиденный при свете факела в подземных галереях. Рассказывают удивительные вещи: например, на одной из плит дольмена в Локмариакере изображена половина какого-то животного. Вторая половина находится на плите дольмена острова Гавриниз (что в переводе с бретонского значит «козий остров»), который отстоит от Локмариакера на четыре километра. Ученые предполагают, что это две части одной, когда-то расколовшейся четырнадцатиметровой каменной стелы, которую поделили между собой два храма. Только неизвестно, на чем можно было везти такую тяжесть по морю до самого острова Гавриниз?

...После крошечной темноты летнее солнце ослепляет. Такое впечатление, что это было путешествие во тьму веков в буквальном смысле этого слова.

Все было сделано очень вовремя: вслед за мной в путешествие по таинственной галерее отправилось одно семейство. А ближе к обеденному времени у входа выстроится целая очередь — и так до конца курортного сезона. И кто знает, какие фантазии придут в головы посетителям? Увидят ли они процессии друидов и кровавые ритуалы? Или все же поверят археологам и станут представлять диких людей, одетых в шкуры? Что верно, то верно: любопытство людей не иссякнет, пока древние камни умеют хранить свои тайны.

Глава 5 Как святой Патрик друиду голову разбил

Итак, после лирического отступления на тему дольменов и менгиров вернемся к друидам. Вряд ли они бы так будоражили фантазию наших современников, если бы это жрецкое сословие не исчезло, оставив нам множество вопросов без ответов. Конечно, сейчас найдется немало людей в разных странах, в том числе и у нас, которые называют себя друидами и преемниками древних традиций. Но современными «друидами» (их называют еще неодруидами) — это что-то вроде клубов исторической реконструкции, появившихся в девятнадцатом веке. Сейчас я хочу продолжить рассказ об исторических друидах.

Судя по произведениям Цезаря и других античных авторов, они пользовались огромным влиянием и обладали исключительными привилегиями:

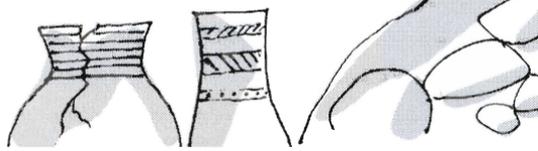
«Друиды обыкновенно не принимают участия в войне и платят податей наравне с другими, — пишет римский полководец. — Вследствие таких преимуществ многие отчасти сами поступают к ним в науку, отчасти их посылают родители и родственники. Там, говорят, они учат наизусть множество стихов, и поэтому некоторые остаются в школе друидов до двадцати лет» (Записки о галльской войне, VI, 14).

Насчет стихов советую запомнить, это нам позже пригодится. Пока что речь пойдет о том, что стало с друидами, когда они начали терять былую власть и могущество. Об этом-то нам известно достаточно много. В Галлии друиды были ярыми противниками римлян, периодически возглавляли антиримские восстания и потому с точки зрения римских властей подлежали уничтожению как класс. При этом причиной искоренения друидической религии часто называли практику кровавых жертвоприношений, которые, как мы уже видели, действительно имели место. Но как обычно бывает, масштаб этих жертвоприношений был сильно преувеличен в пропагандистских целях.

«Все галлы чрезвычайно набожны. Поэтому люди, пораженные тяжкими болезнями, а также проводящие жизнь в войне и в других опасностях, приносят или дают обет принести человеческие жертвы, — пишет Цезарь. — ...Некоторые племена употребляют для этой цели огромные чучела, сделанные из прутьев, конечности которых они наполняют живыми людьми; они поджигают их снизу, а люди сгорают в пламени» (Записки о галльской войне, VI, 16).

Эти колоссы из прутьев веками будоражат воображение читателей, а тем более писателей. На старых гравюрах и современных рисунках можно увидеть плетеных великанов размером с приличный небоскреб, в котором сотни людей задыхаются в дыму и обугливаются в пламени. Наши современники не отстают и живописуют ужасы друидизма во всей красе.

Воображение авторов рисует ужасающие картины: и тебе многометровые колоссы (странно только, что друиды были знакомы с современной метрической системой, которую их потомки — французы придумали в конце XVIII века!),

и невинные люди, которые выпадают с их верхних этажей и летят вниз подобно старушкам из рассказа Хармса...

Однако простой здравый смысл заставляет задуматься: нет ли тут некоторого преувеличения? Цезарь сообщает о том, что чаще всего в жертву богам приносили воров, грабителей и других преступников (что вполне правдоподобно, за такие вещи в те времена везде либо казнили, либо калечили). А если преступников не хватало, то в жертву приносили даже невинных. Ну, может, и такое случалось, но все-таки губить людей десятками и сотнями во славу богам вместо того, чтобы обратить их в рабство и заставить работать на себя, — это как-то странно. Впрочем, у античных авторов кельты часто предстают настолько же жестокими, насколько и скудоумными...

А как было на самом деле? Поскольку тема жертвоприношений (непреренно человеческих и, конечно же, массовых) не оставляет в покое впечатлительные умы уже как минимум два тысячелетия, на этом моменте придется остановиться особо. Данные археологии не подтверждают свидетельство Цезаря, или, говоря не научным, а простым языком, никаких следов гигантских жертвенных чучел не обнаружено. Обнаружено вот что: могильники с погребальной утварью, то есть предметами, которые должны были сопровождать знатных покойников в ином мире. В число этих предметов входили оружие, керамика, драгоценности, боевые или парадные колесницы. В святилищах находили кости людей и домашних животных, принесенных в жертву, но говорить о кровавых убийствах десятков и сотен людей не приходится.

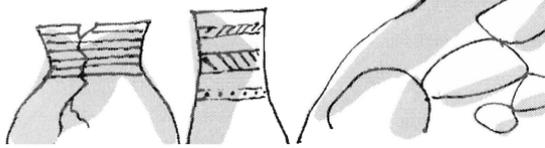
Если так уж хочется кровавых подробностей, то можно рассказать об охоте за головами, только это был отнюдь не жреческий, а воинский ритуал, кое-где на нашей планете еще существующий: воин должен был не просто убить врага, а привезти с поля боя его голову (каким образом и зачем — расскажу в главе, посвященной воинам). Но как мы помним, друиды в боевых действиях чаще всего не участвовали, так что они тут ни при чем. Впрочем, поскольку в каждой мало-мальски интересной книге жестокие сцены просто необходимы, то я вам обещаю, что в этой главе насилие непременно будет.

Но сначала расскажу о том, что же нам известно о друидах Ирландии. Известно о них по сравнению с их галльскими собратьями много чего, причем — что особенно ценно! — от самих же ирландцев, а не от путешественников или завоевателей. В отличие от Галлии и Британии Ирландия обошлась без римского владычества и лучше сохранила то, что сейчас принято считать культурной самобытностью. Поэтому и друиды продержались там намного дольше. В Галлии они скорее всего исчезли уже в первые столетия римского владычества, деградировав до уровня деревенских колдунов и знахарей, а местные боги постепенно были переименованы на римский лад. Позже на смену многобожию пришло христианство, и знахари с колдунами стали еще менее уважаемыми персонажами, хотя продолжали существовать достаточно долго. Носителями учености и наставниками стали священники и монахи, а от друидов, по всей видимости, не осталось даже смутного воспоминания: хватало проблем с различными разветвлениями христианства: то одно, то другое объявлялось ересью.

В Британии, возможно, друиды продержались чуть дольше. Есть сведения, что аж в конце V века при дворе бриттского короля Вортигерна служили какие-то маги, но словом «друиды» их не называли, и кем они были в действительности, можно только догадываться.

В Ирландии же христианство столкнулось с учением друидов, что называется, лоб в лоб, причем столкновение было столь сильным, что синяками и шишками дело не ограничилось. Крестил Ирландию святой Патрик — реально существовавший персонаж, после смерти ставший героем множества легенд. Так что где факты, а где легенды — разобраться сложно, и дальнейшее мне придется излагать без комментариев в стиле «это было по правде, а то — нет». Подвергать сомнению деяния этого святого — значит насмерть обидеть всех ирландцев, а мне совершенно не хочется этого делать. Тем более что многие факты я возьму из «Исповеди», написанной самим святым.

Итак. В V веке в состоятельной бриттской семье родился мальчик, которого назвали именем Патриций или, как тогда произносили, Патрикий (у бриттов в те времена было много имен римского происхождения). Дедом маль-

чика был священник, а отцом — дьякон. В шестнадцать лет Патрик (как не лингвист не удержусь от замечания: окончания в это время бритты перестали произносить, поэтому хоть и писали «Патрикий», а говорили «Патрик») попал в беду: его захватили ирландские пираты и вместе с другими пленниками продали в рабство. По его собственным воспоминаниям, до этого случая сын дьякона не отличался особенной набожностью, но за годы рабства с ним произошла перемена. Он обратился к Богу и стал проводить дни и ночи в непрестанных молитвах, и через шесть лет голос в ночном видении сообщил ему, что он скоро возвратится на родину. Послушавшись голоса, Патрик сбежал. Каким-то образом ему, беглому рабу, удалось сесть на корабль, который плыл то ли в Британию, то ли в Галлию. Вполне возможно, что его взяли на корабль с коварной целью продать кому-нибудь еще раз. Что там в итоге произошло, не совсем понятно, но Патрик со своими спутниками очутился в Галлии, в безлюдной местности, которую он по житийной традиции назвал пустыней. Разумеется, таких пустынь, которые описываются в Библии, в Галлии не наблюдалось, но что было, то было — после варварских набегов когда-то многолюдная страна была разорена и выглядела пустовато. Патрик неустанно молился, и Господь посылал ему и его спутникам пропитание.

Дальше происходят какие-то не совсем ясные события: Патрик снова попадает в рабство, но довольно быстро находит возможность вернуться домой, в Британию, откуда, уже став епископом, отправляется в Ирландию, чтобы обращать язычников в истинную веру. Вот тут-то ему и приходится столкнуться с тем, что далеко не все друиды радостно приняли крещение.

Для того чтобы увидеть ситуацию во всех красках, остановимся на том, как современные историки представляют себе ирландского друида V века от Рождества Христова. Здесь надо сказать, что быт и нравы ирландцев этого времени были весьма дикими даже по сравнению с Галлией времен Цезаря. Например, о знатных галлах известно, что они принимали пищу, сидя на полу возле низких столиков, а кушанья им подавали на блюдах или в мисках. Куски мяса они отрезали ножом (вилок тогда еще не было) и только потом отправляли

в рот. Археологи находят столько галльской посуды и кухонной утвари, что музеи отказываются принимать все это на хранение. В результате, как признался мне один археолог, имени которого, конечно, я не назову, ему приходится нарушать закон и хранить битую галльскую посуду у себя дома. И то, наверное, жена недовольна...

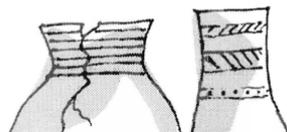
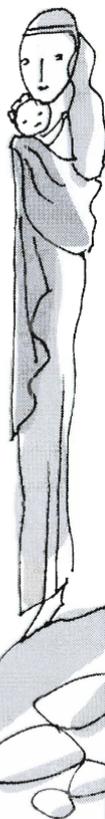
В Ирландии ни о каких столах и прочей мебели речи не шло, а глиняные миски, плошки и прочая кухонная утварь были вообще редкостью и после святого Патрика. В легендах о короле Суибне, сошедшем с ума и превратившемся в дикого лесного человека, обросшего перьями, рассказывается о том, как сердобольный святой Молинг попросил свою кухарку поить блаженненького молоком.

«И вот как давала она безумцу то молоко: на заднем дворе вырыла она подошвой своей сандалии небольшую ямку в земле и наливала туда каждое утро молоко для Суибне. Он же подходил к ямке и становился на четвереньки, а потом выпивал все до капли» («Безумие Суибне», перевод Татьяны Михайловой).

Конечно, для кого-нибудь попримечнее чаши не пожалели бы, но, видимо, кому попало пользоваться посудой не полагалось. Это просто, как говорится, штрих к портрету. А сам портрет оппонентов святого Патрика был весьма колоритным. Историк Григорий Бондаренко, много лет посвятивший изучению ранних ирландских текстов, считает, что внешне тамошние друиды напоминали индейских или сибирских шаманов. Вот что он рассказывает:

«В довольно поздней средневековой ирландской повести «Осада Друйм Давгаре» Мог Руйт, мунстерский друид, носит пестрый головной убор из птичьих перьев и крыльев и шкуру бурого безрогого быка. Он поднимается в небо и исполняет нечто вроде шаманского боевого ритуала (однако речь идет о полете его тела, а не особой шаманской души)».

В одном из жизнеописаний Патрика рассказывается, что первое его знакомство с пернатыми друидами произошло в то время, когда он впервые попал в рабство. Ирландец Мурьху, автор одного из первых житий святого, считает, что пираты продали юного Патрика в рабство друиду по имени Милух мокку Бойн. Однако сам святой об этом

ничего не пишет (может, друид так плохо с ним обращался, что и вспоминать не хотелось?).

Но вернемся к тому моменту, как Патрик, уже будучи епископом, отправился в Ирландию в качестве миссионера. Итак, он прибыл в Темру (ее называют иногда также Тарой), самое главное поселение на всем острове, центр королевской власти. В то время там правил верховный король Ирландии, которому подчинялись остальные короли. Звали его Лойгуре, сын Ниалла. При дворе короля находилось множество мудрецов-друидов, а также предсказателей. Два друида были особо приближены к королю. Их звали Лотрох и Лукет Маэл. Маэл — это скорее прозвище, оно означает «лысый, бритоголовый». Дело в том, что друиды особым образом выбривали голову; позже эта прическа превратилась в особую тонзуру ирландских монахов.

Эти двое действительно были толковыми предсказателями, потому что, как рассказывает автор жития: «с помощью своего магического искусства часто предрекали, что вскоре придет в их страну из-за моря чужой обычай». Их пророчество, записанное, конечно же, много позже, звучало так:

Придет бритоголовый
Из-за моря безумного,
Его плащ с дырой для головы,
Его посох загнут кверху,
Его стол на западе его дома;
Все его люди ответят:
«Аминь, аминь».

Перевод Григория Бондаренко

Под столом подразумевался алтарь, который в древних церквях стоял в западной части церкви. Несмотря на то что записан этот текст был уже после того, как бритоголовый Патрик пришел из-за моря, по мнению исследователей, он мог быть создан и до появления святого. И раньше в Ирландию проникали христианские миссионеры из Галлии и Британии, поэтому друиды наверняка прекрасно понимали, что рано или поздно новая религия вполне может заменить

старую. Можно представить себе, насколько им была неприятна мысль о том, что со сменой религии место возле короля займет не друид, а священник. Одним словом, конфликт был неизбежен. Понятно, что авторы житий святого Патрика изображают друидов жестокими злодеями, но чисто по-человечески их тоже можно понять...

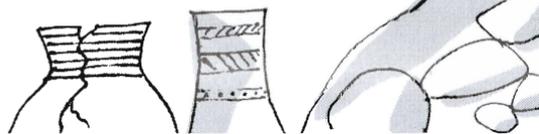
Самым известным эпизодом противостояния Патрика и друидов стало празднование Пасхи, совпавшее с местным праздником Бельтайн, который приходился на первое мая. Ключевым моментом этого праздника было ритуальное разжигание огня. Возжечь священный огонь должны были королевские друиды.

Для этой цели король Лойгуре и его свита, в том числе друиды, прорицатели и заклинатели, встретились ночью в Темре. И только было они собрались сделать все как надо и зажечь огонь со всей торжественностью, как — вот незадача! — увидели, что святой Патрик уже стоит с горящими пасхальными свечами. Король расценил это как явное неуважение к себе и к местным обычаям, друидам такой поворот событий тоже не понравился. Король захотел узнать, какой такой человек посмел зажечь огонь. Далее, чтобы не увлечься, не буду пересказывать этот эпизод, а процитирую более спокойного коллегу-историка Григория Бондаренко, который рассказывает о происшествии без прикрас:

«Только двое его могущественных друидов, Лохру и Лукет Маэл, могли сказать ему, кто зажег этот огонь. Вместе с этими друидами Лойгуре отправился к Патрику. Лохру начал разговор с Патриком и при этом поносил христианскую веру. Патрик же призвал Господа и просил, чтобы этот друид немедленно умер. Тут же друид поднялся в воздух, упал, стукнувшись головой о камень, и мозг его разлетелся в разные стороны».

С современной точки зрения как-то не очень красиво получилось, но для древних ирландцев самое то, что надо. Григорий предупреждает читателя: «разбитые головы и разлетающиеся брызги мозга врагов мы встретим позже и в традиционной светской древнеирландской литературе».

Пораскинув мозгами друида, приближенные короля, видимо, решили, что христианский бог сильнее, и некото-

рые из них прямо там и уверовали. Правда, первое время отношение к Патрику было не самое дружелюбное.

Когда на следующий день в Темре состоялся праздничный пир, туда явился Патрик. Никто из собравшихся королей, князей и друидов не встал, чтобы его поприветствовать. Исключением стал главный филид короля по имени Дувтах (филиды — это ученые и поэты-сказители в древней Ирландии, о них позже я расскажу в подробностях). Он, видимо, хорошо запомнил ночную сцену. Вместе с Дувтахом пировал молодой филид Фиакк, который также уверовал во Христа, впоследствии крестился и стал епископом. Филиды очень быстро сориентировались в ситуации и стали первыми последователями Патрика, многие из них приняли монашеский обет, а другие заняли довольно высокие позиции в церковной иерархии. Не совсем понятно, считались ли филиды частью друидического сословия или были независимой корпорацией. В первом случае, возможно, филидами называли тех друидов, которые приняли христианство, а во втором случае получается, что филиды могли частично конкурировать с друидами и примкнули к Патрику из этих соображений. Ясно только одно: в ранних ирландских текстах друидов и филидов то и дело путают.

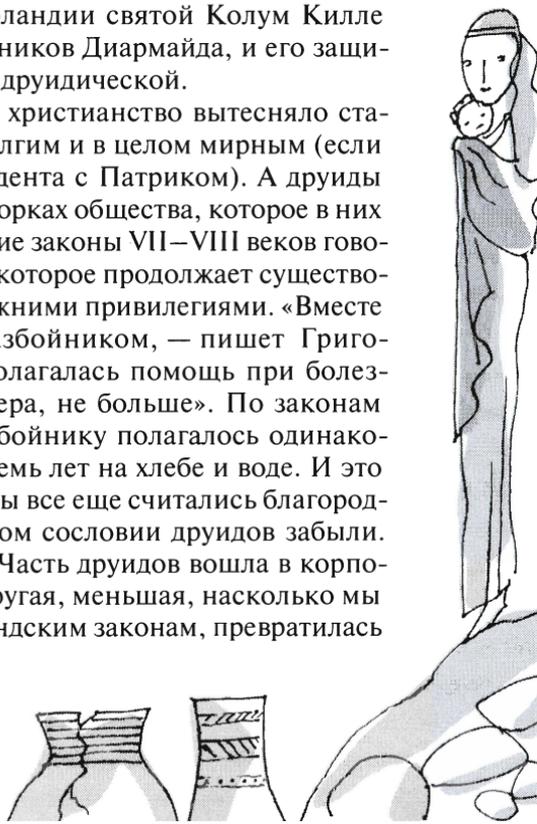
У святого Патрика остался только один достойный противник — друид Лукет Маэл. Сначала этот бритоголовый попытался отравить Патрика, да ничего не вышло. После этого Лукет Маэл вызвал епископа на поединок. Правда, собирались они не драться, а выяснить, чьи магические способности сильнее. Друид вызвал снегопад, покрывший белым ковром равнину Темры. А Патрик сделал так, что снег растаял. Тогда друид вызвал тьму, а Патрик ее рассеял. В общем, какое бы пакостное колдовство друид ни выдумывал, святой все равно рассеивал его чары и восстанавливал порядок. В конце концов соревнующиеся стороны так увлеклись, что друид заживо сгорел в огне, вызванном Патриком. Больше серьезных соперников у миссионера не осталось.

С тех пор начинается история христианской Ирландии, но друиды исчезли далеко не сразу. Физически их никто

не истреблял, и некоторые короли продолжали пользоваться услугами придворных жрецов. Другое дело, что многие друиды (или филиды?) добровольно принимали новую веру. Видимо, она больше соответствовала духу времени. Хотя кто сейчас разберется во всех причинах...

Тем не менее ирландские хроники свидетельствуют, что и через сто лет после Патрика королевские друиды помогали правителям в военных делах, создавали так называемую «друидическую ограду», защищавшую воинов в бою. Известно, что в 561 году друиды создали такую защиту для короля Диармайда мак Кербала. Благодаря чему погиб только один воин короля, да и то потому, что по неосторожности выскочил за пределы невидимой ограды. Король Диармайд, видимо, был одним из последних правителей, поддерживавших друидов и хранящих старые традиции. Он даже попытался возродить ритуальный пир Темры и был последним королем, которому удалось провести этот пир. По всей видимости, к церкви он относился не очень доброжелательно, и ее представители отвечали ему полной взаимностью. Известный далеко за пределами Ирландии святой Колум Килле поддерживал военных противников Диармайда, и его защита оказалась намного сильнее друидической.

Постепенно, шаг за шагом христианство вытесняло старую религию. Процесс был долгим и в целом мирным (если не считать пасхального инцидента с Патриком). А друиды со временем оказались на задворках общества, которое в них более не нуждалось. Ирландские законы VII—VIII веков говорят о друидах как о сословии, которое продолжает существовать, но уже не пользуется прежними привилегиями. «Вместе с филидом-сатиристом и разбойником, — пишет Григорий Бондаренко, — друиду полагалась помощь при болезни на уровне крепкого фермера, не больше». По законам того времени и друиду, и разбойнику полагалось одинаковое наказание за проступок: семь лет на хлебе и воде. И это при том, что формально друиды все еще считались благородными людьми!» Вскоре о самом сословии друидов забыли. Как пишет все тот же автор: «Часть друидов вошла в корпорацию филидов-«поэтов», а другая, меньшая, насколько мы можем судить по ранним ирландским законам, превратилась

в изгоев и маргиналов общества, прозябающих на окраине обитаемого мира».

Воображение рисует печальную картину: там, где кончается земля и под скалистым обрывом плещется беспощадное море, горит костер. Он зажжен не для того, чтобы выполнить древний ритуал: старый бездомный друид просто хочет согреться. Он суетится, подкладывает веточки, чтобы суровый ирландский ветер не задул чахлое пламя. Он кутается в когда-то добротную, но уже наполовину истлевшую одежду, чтобы спастись от пробирающей до костей сырости. Его глаза слезятся то ли от едкого дыма, то ли от мысли о том, что когда-то представители его профессии сживали на пирах у королей, и даже самые могущественные правители не принимали важных решений, не посоветовавшись с друидом. А теперь что? Теперь все уже забыли о тех временах... И всякий может обидеть старика, который пытается удержать древнее знание, ускользающее, как вода между пальцев.

Впрочем, это где-то уже было: кажется, у Андерсена, в сказке про девочку со спичками. Поэтому не стану заниматься плагиатом, скажу только, что со временем о друидах повсюду забыли, и ничего с этим не поделаешь. Забудем о них и мы и перейдем к следующей главе.

Глава 6 Цари, короли, обидные стихи и несгораемые кровати

О друидах пришлось говорить много и долго, но кельтское общество было довольно простым. Цезарь, рассказывая о том, что в Галлии, мол, было всего три сословия: друиды, всадники и все остальные, несколько упрощает ситуацию. А уж говоря о том, что «все остальные» были абсолютно бесправны и находились на положении рабов, попросту кривит душой. Вполне возможно, что ему выгодно было изобразить своих противников, знатных галлов, людьми жестокими и бездушными, нещадно эксплуатировавшими собственный народ.

Данные, полученные от археологов и те, которые можно извлечь из ранних ирландских текстов, дают несколько иную картину. Помимо двух знатных сословий — жрецов и военной аристократии, существовала прослойка ремесленников, которые пользовались в обществе

немалым уважением. Например, особым почетом окружены были кузнецы, которых вряд ли можно было назвать бедными и угнетенными. Но начнем рассказывать все по порядку. Итак, как же было устроено общество у древних кельтов?

Обычно под обществом подразумевалось то, что в Ирландии называли *túath*; в Галлии подобное слово тоже существовало, сохранилась основа *teut-* или *tout-*, входившая в состав имен собственных (вспомним бога Тевтата или Тоутата). Как бы поточнее перевести это? Часто для обозначения этого самого *туата* или *тоута* используется слово «племя», но это не совсем точный перевод, потому как часто под *туатом* подразумевали не только людей, а еще и территорию, где они проживали. Получается племя + страна. Вот это и есть общество в понимании древних кельтов. Это очень важный момент: исследования, как мои собственные, так и моих коллег, показывают, что для древних кельтов, как и для многих других народов древности, очень важно было осмыслить и обозначить пространство, где проживает общество, и получалось, что общественная жизнь определялась естественным ландшафтом. Обычно представители одного племени занимали территорию, в центре которой располагалась пригодная для возделывания земля, а окаймляли ее пустоши, болота, горы и другие бесплодные участки. Часто невозделанная земля была не просто естественной границей между территориями разных племен, но и священным пространством, где возводились храмы, совершались разные ритуалы, а также устраивались ярмарки, велись переговоры между предводителями племен и так далее.

Во главе племени стоял царь или король — называйте как хотите, хотя уже сложилась традиция: если мы говорим об античном мире, то называем правителя царем, а если о Средневековье — то королем. Поэтому в Галлии у нас будут цари, а в Ирландии короли, но суть от этого не меняется: по-галльски правителя назовут *rix*, по-древнеирландски *rí* — это слова родственные. В Галлии во времена Цезаря царская власть кое-где уже была отменена: дружившее с Римом племя эдуев управлялось племенным советом, похожим на римский сенат, а руководил им человек, называемый вергобрет (верховный судья), которого путем голосова-

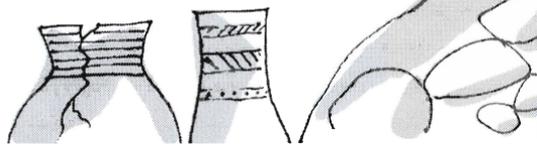
ния избирали сроком на год. Такое нововведение возникло под римским влиянием и, насколько известно, больше нигде у кельтов не встречалось.

Что же должен был делать король и чего он делать не имел права? Как бы высоко ни стоял он над своими подданными, его власть была жестко ограничена законами. В отличие от многих древних обществ, где правитель мог быть одновременно и главным жрецом, в Галлии и древней Ирландии (и на других территориях, где жили кельты, предположительно тоже) существовало четкое разделение власти на священную и мирскую. В обязанности царя-короля входило поддержание порядка в стране, а общаться с богами и устанавливать связи с иным миром — это уже было не его дело.

В раннем Средневековье в Ирландии существовало такое понятие, как «правда короля». Если она соблюдалась, то земля, которой он правил, была благополучна, давала щедрый урожай, а люди — счастливы, то есть сыты и здоровы. Король должен был быть справедливым к своим подданным, щедрым, удачливым и, разумеется, красивым. Последнему моменту ирландцы уделяли особое внимание: считалось, что король, у которого имеется какой-нибудь физический или даже косметический недостаток, не может обеспечить стране благоденствие. Странно, скажете вы. А ведь в этом есть нехитрая логика: если уж о себе не можешь позаботиться и быть в хорошей физической форме (а красота — это прежде всего здоровье), то куда ж тебе такому страной-то управлять?

История донесла до нас массу случаев, когда, получив увечье в бою, король вынужден был сложить с себя полномочия и уступить место другому правителю. Ирландский король Конгал Каех, правивший Уладом (современным Ольстером, он же Северная Ирландия), был укушен пчелой и ослеп на один глаз, в результате чего лишился власти. Этот факт засвидетельствован летописями и считается достоверным.

А вот следующий эпизод, конечно, вымышленный, но он очень красноречиво свидетельствует о том, насколько важно было королю сохранить свою красоту и насколько он оказывался уязвимым перед магической поэзией филида. Рассказывают, что филид Неде попросил у короля Кайера кинжал. Тот отказался, ссылаясь на то, что связан запретом, кото-

рый не позволяет расставаться с этим кинжалом. Тогда Неде сочинил сатиру, то есть злобное стихотворение, насылающее на короля порчу. Сатира подействовала: на щеках короля вскочило три волдыря. А с волдырями — что за король?

Немудрено, что полученное увечье правители всеми силами пытались скрыть от окружающих. Рассказывают то ли реальный случай, то ли легенду о короле Фергусе мак Лети (неизвестно, жил ли он на самом деле или это персонаж преданий). Однажды он увидел морское чудовище, и его лицо исказилось от страха да таким и осталось. По закону он должен был быть немедленно низложен, но мудрецы решили, что этот досадный недостаток можно скрыть. Когда Фергус прибыл домой, к нему запретили подпускать полоумных и просто дураков, которые могли бы во всеуслышание сказать: «А король-то наш урод!» К тому же ни под каким видом правитель не должен был видеть собственное отражение. Поэтому ему предписывалось мыть голову, лежа на спине. В течение семи лет все шло, как и было задумано, король не покидал своего дома, и о его беде никто не знал. Но однажды рабыня, которая мыла ему голову, сдуру проболталась королю по поводу увечья. Фергус разгневался, убил рабыню на месте (правильно говорят, молчание — золото!), после чего отправился к озеру, где впервые увидел чудовище, но уже не испугался (терять-то нечего), а вступил с ним в бой. Ему удалось победить страшную тварь, но сам он умер от полученных ран.

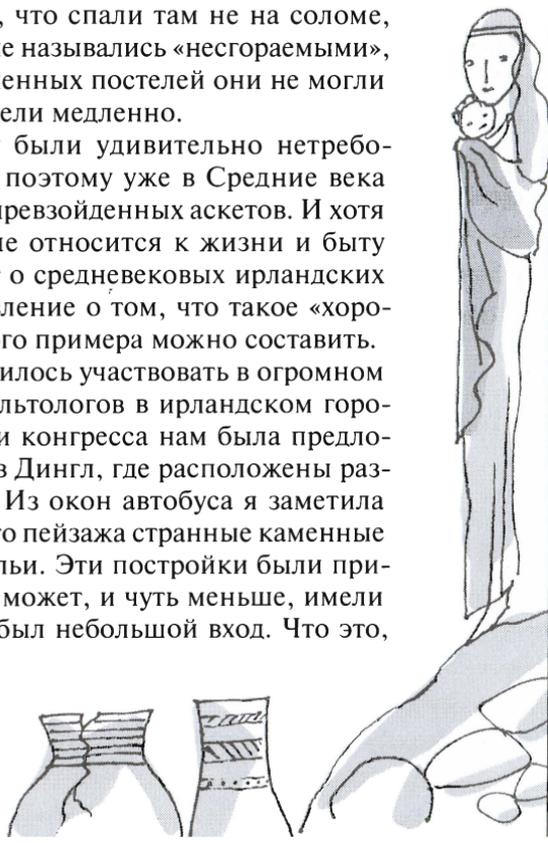
Вообще быть королем в древней Ирландии — не такая уж завидная доля. Король был связан множеством запретов, или, как их называли, гейсов. Гейсы были не только у королей, но и у многих знатных воинов, по крайней мере такую картину нам рисуют ирландские саги. Нарушить подобный запрет было нельзя — это грозило гибелью нарушителю, а иногда и не только ему. И очень часто герои ирландских легенд попадали в мучительные ситуации, когда и нарушить запрет нельзя, и не нарушишь — плохо будет, как в истории короля Кайера, которому гейс запрещал отдавать кому бы то ни было свой кинжал. Гейсы были у каждого свои, но, кроме них, как считают историки, были и общие для всех королей Ирландии запреты, в основном

связанные с тем, где королю можно находиться, а где нельзя. И только если король соблюдал все предписанные законами условия и не нарушал запретов, он мог рассчитывать на то, что его правление может быть успешным. При этом реальной властью король обладал только на территории своего туата, который должен был охранять от вражеских вторжений: и галльские племена, и ирландские постоянно хотели подчинить себе соседей, угнать друг у друга скот, увести людей в рабство и так далее.

Жизнь и быт правителей были, как правило, довольно скромными: даже в Галлии, которая испытала влияние богатого Средиземноморья, не существовало пышных дворцов и помпезных царских резиденций, а уж об Ирландии и говорить нечего. Даже в VII веке н. э. ирландские короли обитали в укрепленных домах, которые даже крепостями — не то что дворцами! — нельзя было назвать. Они мало чем отличались от крестьянских жилищ — разве что были окружены земляными валами. Даже жилище верховного короля в Темре отличалось, по мнению исследователей, от домов простых людей тем, что спали там не на соломе, а на деревянных нарах, которые назывались «несгораемыми», поскольку в отличие от соломенных постелей они не могли моментально вспыхнуть и горели медленно.

Вообще ирландцы в быту были удивительно нетребовательны, вероятно, именно поэтому уже в Средние века за ними закрепилась слава непревзойденных аскетов. И хотя то, что я расскажу дальше, не относится к жизни и быту древних кельтов (речь пойдет о средневековых ирландских монахах), кое-какое представление о том, что такое «хорошее жилище», с помощью этого примера можно составить.

В 1999 году мне посчастливилось участвовать в огромном международном конгрессе кельтологов в ирландском городе Корк. После рабочей части конгресса нам была предложена экскурсия на полуостров Дингл, где расположены различные памятники старины. Из окон автобуса я заметила то тут, то там посреди сельского пейзажа странные каменные штучки, издали похожие на улы. Эти постройки были примерно человеческого роста, а может, и чуть меньше, имели форму колокола, и у каждой был небольшой вход. Что это,

я сначала не поняла и подумала, что каменное нечто, наверное, как-то связано с сельским хозяйством. Мне рассказали, что действительно сейчас эти постройки иногда используют как загоны для скота, но изначально они были предназначены для людей. Старшие коллеги, специалисты по ирландской истории, объяснили, что это старинные кельи.

— Но как же там помещались монахи?! — удивилась я. — На мой взгляд, поместиться в этом улье можно, только хорошенько скрючившись.

— А они в них и не жили, — был ответ, — а только спали. Ну, может, в непогоду прятались.

— А спали как? В позе эмбриона?

— Именно так.

— Но это же ужасно неудобно!

— А зачем монахам удобство?

А действительно, зачем? Но я, честно говоря, все же слабо представляю себе, как можно спать, свернувшись в таком колоколе, где места не больше, чем в утробе матери перед самым рождением человека.

Но это были еще цветочки. Немного позже мы поехали посмотреть один из старинных ирландских монастырей. Я по глупости своей ожидала увидеть какое-нибудь мрачное строение, обнесенное высокой стеной, здание с кельями, куда можно будет войти и посмотреть, как жили монахи... Как бы не так! От монастыря остались одни развалины, но и они давали представление о том, как, собственно, жили эти самые монахи без всяких излишеств типа келий и трапезных. Для тех, у кого нет воображения, на территории монастыря имелся стенд с картинкой. Сам монастырь был на редкость маленьким, однако же в нем умудрялись проживать до трех десятков монахов. Обитали они в домиках, сложенных из плоских камней и похожих на те же кельи-ульи, только побольше. Ни о каких окнах речи не было, только маленькая дверь, в которую, по-моему, едва можно было пройти, согнувшись. В эти круглые постройки монахи набивались в количестве нескольких человек и спали вповалку то ли на соломе, то ли на шкурах. О мебели и посуде, конечно же, никто и не думал ввиду полного отсутствия и того, и другого.

— И как же они жили в таких условиях? — удивилась я.

— А нормально. Все остальные-то жили еще хуже.

— Куда уж хуже-то?

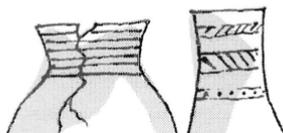
— Но ведь крестьяне жили в таких же домах, только целыми семьями, да вдобавок еще и держали в них скотину.

Тоже верно. Жить надо проще.

От местной церкви почти ничего не сохранилось, зато посреди монастыря гордо возвышался крест. То, что это был крест, я не сразу уловила. Издали он был похож на обыкновенный стоячий камень, ростом примерно с меня, вроде тех, на которых в раннем Средневековье ирландцы делали надписи с помощью собственного алфавита, называемого огам (вместо букв в нем использовались черточки). Много таких камней я видела в коридорах университета в Корке. На этом же огамических надписей не было, где-то по боку шла незатейливая латиница, а на плоской поверхности камня был высечен огромный цветок со стеблем и листиками в виде завитушек. Так по крайней мере я поняла этот рисунок. И только приглядевшись, заметила, что у цветочка четыре лепестка и что они, собственно, и являют собой крест. Рядом из земли торчал камешек поменьше, на котором был высечен обыкновенный крест без затей. Видимо, для таких вот непонятливых, как я.

Как выглядит старинная ирландская часовня, я узнала позже. На пути обратно автобус остановился около какого-то придорожного кафе, и нам отвели полчаса на то, чтобы мы могли попить чего-нибудь и просто погулять. Недалеко от этого кафе находилась постройка под названием Gallarus Oratory. Надпись на открытке с этой церковью, невесть каким образом оказавшейся потом у меня, гласила:

«Эту часовню построили 1300 лет назад. Она является прекрасным примером постройки из сухой кладки. Крышу образуют стены, которые постепенно соединяются наверху. Длина — 8 метров, ширина — 5 метров, высота — 5 метров. Часовня была построена первыми христианами (имелось в виду, конечно же, «первыми христианами в Ирландии». — *А. М.*), которые очень любили свое ремесло. Тогда жизнь была проще, и люди гораздо лучше понимали Бога и Его волю, чем сейчас».

Это уж точно. Внутри часовни не было ничего. Ни алтаря, ни тем более каких-то украшений, росписей и архитектурных излишеств. Ровный земляной пол. Каменные стены, плавно соединяющиеся вверх. Только в стене напротив входа высоко, почти под самой крышей, было маленькое окошко. И сквозь него на пол, на самую середину часовни, падал свет. Все. И что самое удивительное, постояв в этой часовне минуту, я поняла, вернее, всем нутром почувствовала, что именно этого и достаточно, чтобы думать о Боге.

Такой вот средневековый ирландский аскетизм и минимализм. Можно было бы назвать его верхом скромности, если не знать, что и короли-то жили немногим лучше. Конечно, у королей и просто знатных людей было много скота, быстрые кони, охотничьи собаки, одевались, да и питались они куда лучше, чем обычные люди. Например, пиво пили чаще. В одном из ирландских законодательных трактатов VII века говорится: «...тот не настоящий владыка, кто не ставит выпить каждое воскресенье». Ирландские короли проводили досуг за игрой в фидхелл, что-то вроде шахмат. Простые люди в такие игры не играли. Вот и вся разница.

Так что не следует представлять себе ни галльских, ни тем более ирландских правителей погрязшими в роскоши. Роскошь в древние времена существовала на Востоке и в Средиземноморье и так далеко на север не забиралась.

Глава 7 Женский вопрос

Про королей я рассказала, но ведь были еще и королевы. А еще — просто знатные влиятельные дамы, а также прорицательницы и так далее. Многие историки считают, что в кельтском обществе женщины пользовались такой свободой, которая была редкостью даже для древнего мира, а уж о Средних веках и говорить нечего. После принятия христианства и переосмысления общественных отношений свобода женщин и в Галлии, и в Британии, и в Ирландии была ограничена, но по-прежнему положению тамошних дам могли бы позавидовать многие феминистки девятнадцатого столетия.

Некоторые историки пишут даже о так называемом кельтском матриархате, но это все же преувеличение: чаще всего у кельтов, как и у других народов, власть доставалась мужчинам. Но королева,

правящая племенем или стоящая во главе войска, нико-го не шокировала. А вот о друидах женского пола, зани-мавших какие-либо высокие посты, история не сохранила упоминаний, и об их наличии мы не знаем. Хотя, конечно, это не помешало художественным фантазиям о друидесах — взять хотя бы оперу Винченцо Беллини «Норма». Опера, конечно, великолепная, но кельтологи на нее не ходят: уж очень смешно, а за громкий хохот из зала могут выгнать. Очень хорошо об этой опере написал уже упоминавшийся Гельмут Биркхан, и я не удержусь от очередной цитаты:

«Когда в 1831 году в Милане поднялся занавес и нача-лось первое действие «Нормы» Беллини, зрители оказались в священной роще друидов. Камень и дуб друидов были, естественно, посвящены богу (!) Ирменсулю (читатель, уже знакомый с религией галлов, тоже сочтет такое боже-ство как минимум странным. — *А. М.*). Жрица этого «бога» носила абсолютное абсурдное верхненемецкое имя Адальд-жиза (Адальгиза), а подруга жрицы и провидицы Нормы именовалась, соответственно, Клотильдой. Очевидно, либ-реттист Феличе Романи не слишком хорошо ориентировался в кельтском мире!» От себя добавлю: само имя Норма тоже какое-то уж очень некельтское...

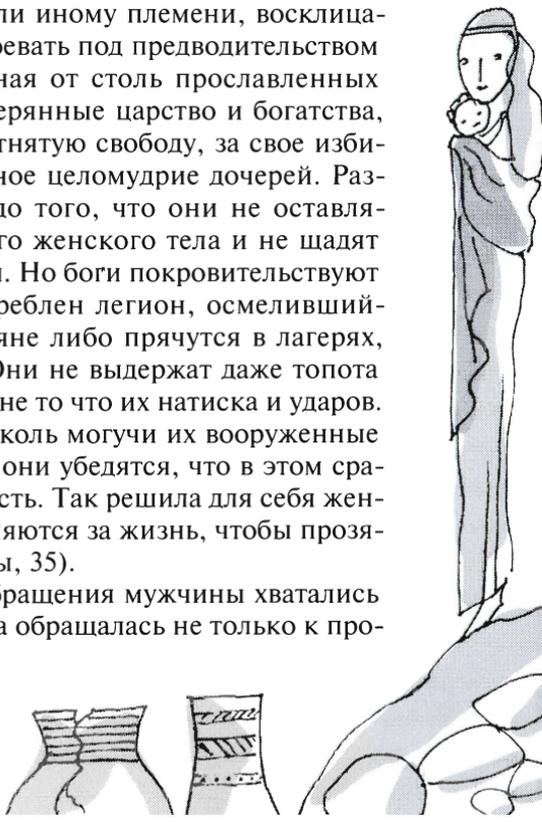
Как бы то ни было, но женщины-прорицательницы суще-ствовали и, вполне возможно, играли не последнюю роль в жизни общества. Однако домыслы и догадки в нашу зада-чу не входят. Остановимся на том, что известно и засвиде-тельствовано. О том, как обстояли дела с положением жен-щин в древней Галлии, мы знаем из произведений античных авторов. Плутарх в своем сочинении «О доблести женщин» пишет, что кельтские дамы были настолько влиятельными, что могли выносить решения по вопросам войны и мира. Известны имена женщин-полководцев. Самая знаменитая из них — Боудикка, правительница бриттского племени ике-нов, обитавших на восточном побережье острова Брита-нии, в 60—61 гг. н. э. возглавила антиримское восстание. Ее имя переводится как «победоносная», хотя военная удача ей сопутствовала не всегда.

Началась ее история с того, что она стала женой царя Пратсотага или Прасутага, как называет его римский исто-

рик Тацит. После смерти мужа царица сама стала править икенами, и вот тут-то и начались большие неприятности. Покойный Пратсотаг перед смертью завещал свое царство римскому императору, полагая, что представители римской администрации будут на его стороне и поддержат двух его дочерей, которые, по замыслу царя, и должны были управлять его народом. Отметим тут же, что для бриттов, как и для других кельтов, сама мысль, что власть можно завещать дочерям, а не родственникам мужского пола, была вполне естественной и ни у кого из местных не вызывала вопросов. Римляне, видимо, не настолько либерально относившиеся к женщинам, власти дочерей правителя не признали. Они немедленно конфисковали земли у местной знати и жестоко поглумились над вдовой и дочерьми царя. Девушек изнасиловали, а саму Боудикку высекли плетьюми. Такого обращения женщины не стерпели, и Боудикка возглавила восстание против римлян. Вот как Тацит рассказывает о ее пламенных речах:

«Боудикка, поместив на колеснице впереди себя дочерей, когда приближалась к тому или иному племени, восклицала, что британцы привыкли воевать под предводительством женщин, но теперь, рожденная от столь прославленных предков, она мстит не за потерянное царство и богатства, но как простая женщина за отнятую свободу, за свое избитое плетьюми тело, за поруганное целомудрие дочерей. Разнузданность римлян дошла до того, что они не оставляют неоскверненным ни одного женского тела и не шадят ни старости, ни девственности. Но боги покровительствуют справедливому мщению: истреблен легион, осмелившийся на битву; остальные римляне либо прячутся в лагерях, либо помышляют о бегстве. Они не выдержат даже топота и кликов столь многих тысяч, не то что их натиска и ударов. И если британцы подумают, сколь могучи их вооруженные силы и за что они идут в бой, они убедятся, что в этом сражении нужно победить или пасть. Так решила для себя женщина; пусть же мужчины цепляются за жизнь, чтобы прозябать в рабстве» (Тацит, *Анналы*, 35).

Разумеется, после такого обращения мужчины хватались за оружие. К тому же Боудикка обращалась не только к про-

стым смертным, но и к местной богине Андрасте. По мнению историков, для современников это могло означать, что царица и богиня — это два воплощения одной сущности. По описаниям античных историков эта женщина производила сильное впечатление: высокий рост, громкий голос, устрашающий облик, густые ярко-рыжие волосы, достигавшие бедер, — чем не богиня войны? Захватывая римские города, бритты мстили, зверски издеваясь над римскими женщинами, платя за унижение предводительницы, в потом совершали жертвоприношения богине Андрасте. Однако через некоторое время восстание было подавлено, а Боудикка приняла яд, чтобы не сдаваться на милость победителям, которые уж точно бы не сделали с ней ничего хорошего.

Еще одна героическая бриттская женщина — это Картимандуя, царица бригантиев, самого многочисленного и могущественного племени во всей Британии. В 51 году она сумела захватить в плен царя Каратака, предводителя антиримского восстания, и передала его римлянам. Воинственная Картимандуя решила оставить своего мужа, царя Венутия. Венутий, между прочим, был не каким-нибудь рохлей-подкаблучником, а вполне себе могущественным правителем, который то опирался на римлян, то выступал против них. Но по причинам, которые нам остались неизвестными, царица предпочла мужу его же бывшего оруженосца Веллоката. Думаете, после этого она потеряла трон и все такое? Нет, все произошло с точностью до наоборот: Веллокат стал царем бригантиев!

Венутий, разумеется, оказался недоволен таким поворотом событий, в результате чего разгорелась гражданская война между двумя мужьями и заодно между сторонниками и противниками Рима. Большая часть бригантиев выбрала сторону Венутия. Тогда царица (а решения, по всей видимости, принимала в первую очередь она) призвала на помощь римские когорты, которые поддержали ее, но нанести окончательное поражение Венутию не смогли.

Кстати или нет, но вспомнился анекдот: к бензоколонке подъезжает большая черная машина, в ней — президент страны и его жена. Немолодой работник бензоколонки заправляет машину.

— Привет! — говорит ему жена президента.

— Это кто такой и откуда ты его знаешь? — удивляется президент.

Жена отвечает:

— Это мой бывший поклонник, я ходила с ним в кино до того, как встретила тебя.

За бензин уплачено, машина отъезжает.

— Ты сделала правильный выбор, дорогая, — рассуждает президент, — а то была бы женой работника бензоколонки!

— Нет, — уверенно отвечает его супруга, — если бы я его не бросила, он бы был президентом!

Примерно так и обстояли дела у древних бриттов.

Власть доставалась мужу царицы, и кто в данный момент являлся ее мужем, тот и считался царем. А кто будет мужем — решала она сама. И хотя бригантти были недовольны тем, как повела себя Картимандуя, они, по всей видимости, осуждали ее не за свободный выбор мужа, а за сговор с римлянами. Для древних бриттов, ирландцев, а возможно, и для остальных кельтов сама идея того, что королем можно стать, женившись на королеве, была вполне приемлемой, если не сказать — естественной.

Как считают специалисты по истории и мифологии кельтских народов, царица или королева считалась живым воплощением страны, которой она управляла, и стать ее мужем значило сочетаться мистическим браком с подвластной страной. Так что гражданская война за право быть супругом женщины-страны — вполне понятная ситуация. Но исторических примеров подобного рода немного. А вот в произведениях древнеирландской литературы женщина-власть встречается не раз.

Самый яркий образ женщины-власти — это королева Медб, повелительница Коннахта, один из главных персонажей цикла ирландских саг под названием «Похищение быка из Куальнге». Легендарная королева — властная, своенравная, мудрая и безжалостная, по замыслу записавших эти легенды монахов, вроде бы должна вызывать осуждение (как никак кровопролитную войну начала), но отчего-то вызывает восхищение. Возможно, до принятия христианства идеальная королева должна была быть похожей на Медб.

Интересно, что легендарная королева при всех своих боевых качествах не была эдаким «мужиком в юбке» (м-да, когда говоришь о кельтах, это выражение вообще теряет всякий смысл, но вы меня поняли). Она женственна, но это не покорная женственность, не трогательная беззащитность и не безропотное подчинение; это что-то другое: пьянящая сила, с которой можно слиться, но не присвоить себе. При этом такая женщина не потерпит рядом с собой мужчину-слабака. Вот как говорит об этом сама Медб:

«Если бы мой муж был боязливым, наш союз был бы неравным, ибо я сама бросаюсь в битву и поединки. Позор для жены, если она смелее собственного мужа, но нет позора, если они оба смелы».

Как пишет историк Григорий Бондаренко: «Имя королевы Медб можно было бы с определенной долей стилизации перевести на русский как «медвяная»... Конечно, речь здесь идет о пьянящем медовом напитке, известном в свое время и на Руси. Вероятно, имя королевы было связано с определенным ритуалом подношения медового напитка королю, ритуалом, включавшим также брачный союз короля с подносившей ему мед королевой-богиней».

И если кто-то из мужей называл Медб «моя богиня», то это было ни в коей мере не патетическое преувеличение. А мужей у нее, согласно легенде, было четверо — разумеется, последовательно, а не одновременно. Причем трое из них стали королями Коннахта лишь благодаря этому браку.

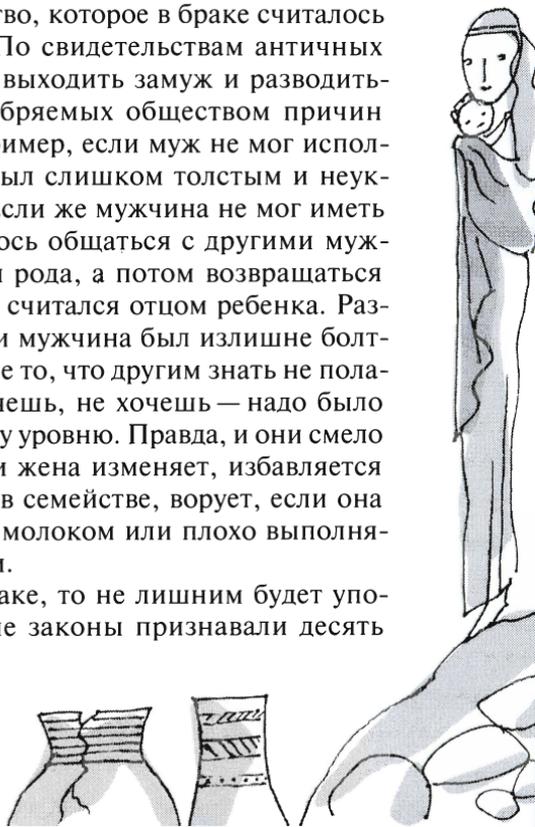
Но не надо думать, что это исключительно ирландское изобретение: исследователи сравнивают ирландские саги с древнеиндийской литературой. В знаменитой «Махабхарате» упоминается царевна Мадхави, чье имя тоже можно перевести как «медвяная». У нее также было четверо мужей, и все четверо стали царями. Исследователи считают, что ирландская и индийская литература сохранили в этих ярких образах память о древнем обычае передачи власти от женщины мужчине, достойному такого дара.

Правда, жить с такой женщиной достойнейшему из достойных было трудновато: Медб считала себя свободной от такого, казалось бы, традиционного обязательства, как супружеская верность.

Но одно дело — царица, королева и тем более вымышленный персонаж, а что можно сказать об обычных женщинах? По всей видимости, независимо от положения в обществе, кельтские женщины пользовались такими же (или почти такими же) правами, как и мужчины. Я говорю об этом с некоторой осторожностью, так как за всех женщин всех племен, которые мы считаем кельтскими, не поручусь. Более или менее достоверно нам известно положение женщин в Ирландии в раннем Средневековье, и на основании этого можно лишь предполагать (но не утверждать!), что и у галлов, и у бриттов, и у кельтиберов и т. д. дела обстояли примерно так же.

О положении ирландских женщин нам известно из сборников законов, согласно которым женщина наравне с мужчиной могла заключать договоры от своего имени, обращаться в суд, наследовать имущество. Женщине, как и мужчине, полагался выкуп за нанесенное оскорбление и определялась «цена чести» — в зависимости от ее общественного положения. Женщины имели право не только выбирать себе мужа, но и разводиться по собственной инициативе, а после развода — возвращать свое имущество, которое в браке считалось общим для обоих супругов. По свидетельствам античных авторов, точно так же могли выходить замуж и разводиться галльские женщины. Одобряемых обществом причин для развода было много: например, если муж не мог исполнять супружеский долг или был слишком толстым и неуклюжим в супружеском деле. Если же мужчина не мог иметь детей, то женщине позволялось общаться с другими мужчинами в целях продолжения рода, а потом возвращаться к супругу, который по закону считался отцом ребенка. Развод одобрялся и в случае, если мужчина был излишне болтлив и рассказывал о своей жене то, что другим знать не полагалось. Так что мужьям — хочешь, не хочешь — надо было соответствовать определенному уровню. Правда, и они смело могли требовать развода, если жена изменяет, избавляется от нежеланного прибавления в семействе, ворует, если она не может выкормить ребенка молоком или плохо выполняет хозяйственные обязанности.

И если уж речь зашла о браке, то не лишним будет упомянуть, что те же ирландские законы признавали десять

одобряемых разновидностей сожительства. Выходить замуж женщине разрешалось с 14 лет, и она могла выбирать любой вариант брака. Все десять перечислять не стану — в основном разница в том, кому принадлежала собственность в браке, остановлюсь лишь на самых любопытных. Например, был так называемый «союз с проходящим мужчиной», что-то вроде того, что в наши дни условно называется гостевым браком, когда мужчина время от времени приходит к женщине с разрешения ее родственников. Правда, согласие рода на общение женщины с мужчиной было не обязательным. Вполне законным считался брак, при котором женщина уходила к мужчине без разрешения родственников, и брак, при котором женщину тайно от родственников похищал возлюбленный. Возникает вопрос — а что же тогда осуждалось законом? Противоестественным считалось изнасилование, за которое полагалось серьезное наказание, и союз двух умалишенных. И хоть это специально не оговаривалось, но для современного читателя, наверное, нужно уточнить, что в ирландских законах речь идет только о союзе мужчины и женщины. Что бы там ни говорили античные авторы по поводу галлов и бриттов, но однополые браки законами не допускались, и речи о них вообще не шло. А вот многоженство, по всей видимости, практиковалось. По мнению историков, изучающих средневековые ирландские генеалогии, представители королевских семей и другие высокопоставленные лица благородного происхождения были отцами стольких сыновей, что одна жена при всем желании и старании не смогла бы их родить.

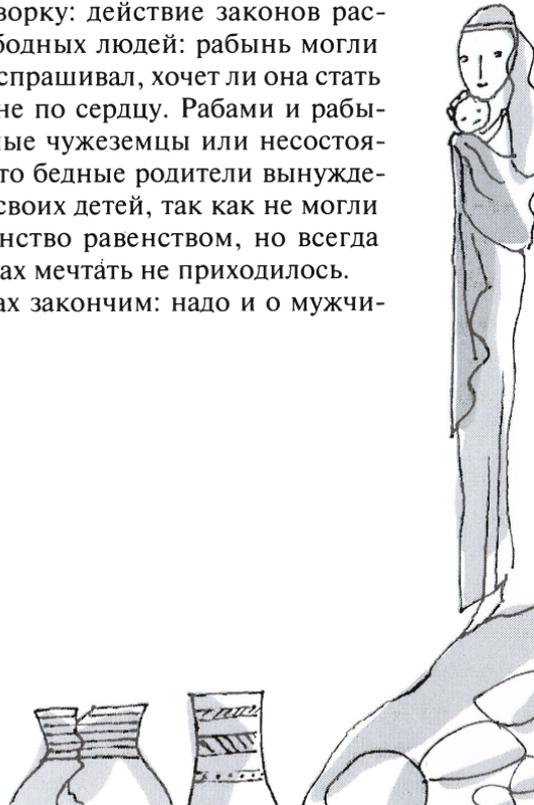
Хотя как считают историки, несмотря на равные права в теории, на практике ведущую роль в обществе играли мужчины: как это бывало в любом обществе во все времена — одно дело иметь права и другое — или воспользоваться. И тем не менее, как мы уже видели на примере бриттских цариц, кельтские женщины мало в чем уступали мужчинам и наравне с ними бросались в бой. В Ирландии только в VII веке, когда христианство уже прочно укоренилось, в сводах законов появился запрет для представительниц так называемого слабого пола участвовать в сражениях. Этот запрет нам известен благодаря «Закону Адомнана», где

в довольно мрачных тонах описывается женщина-воительница недавнего прошлого:

«Вот работа, которую должна была исполнять лучшая женщина, — идти в битву, на поле битв, на собрания и в военный лагерь, на поединок и в ополчение ранить и убивать. На одном плече она несет сумку с едой, а на другом — свое дитя. Деревянное копьё висело у нее за спиной. Тридцати футов длиной было оно, на одном конце его помешался железный крюк, которым она хватала за волосы другую женщину из войска противников. Ее муж стоял за ней и держал в руках палку, подгоняя жену в битву. Ибо в то время головы женщин и две их груди брали как трофеи». По мнению Григория Бондаренко, преувеличений в этом мрачном описании не так уж много, сомнение у историка вызывает только муж-подкаблучник, который робко тыкает палочкой в жену, чтобы та пошустрее добывала трофеи. Конечно, ирландские воины мужского пола были и сами не робкого десятка, но о них — в следующей главе.

Говоря о свободных нравах и правах женщин, нужно сделать одну существенную оговорку: действие законов распространялось только на свободных людей: рабынь могли купить и продать, и хозяин не спрашивал, хочет ли она стать его возлюбленной или он ей не по сердцу. Рабами и рабынями изначально были пленные чужеземцы или несостоятельные должники. Бывало, что бедные родители вынуждены были продавать в рабство своих детей, так как не могли их прокормить. Так что равенство равенством, но всегда находился кто-то, кому о правах мечтать не приходилось.

На этом рассказ о женщинах закончим: надо и о мужчинах рассказать.

Глава 8 Благородные головорезы

Царь или король был предводителем того сословия, которое Цезарь называет всадниками. Всадники, благородные воины... Нет-нет, только не надо себе представлять рыцаря без страха и упрека, да еще на белом коне! В предыдущих главах мы убедились в том, что жизнь древних кельтов была простой и довольно жестокой. А уж представителей более сурового класса, чем воины, придумать сложно. Нас может слегка сбить с толку слово «аристократия», которое часто применяют в книгах по древней истории по отношению к галльской знати, — вернее, современное понимание этого слова. Аристократическая осанка, аристократические манеры... Все это совершенно не из той оперы.

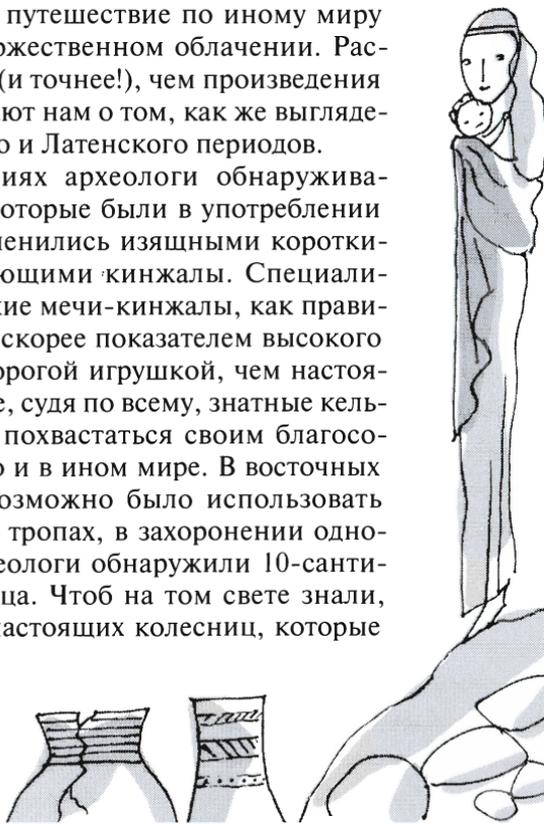
Попробуем себе представить, что это такое — быть воином в древнем кельтском обществе. Понятно, что с точки

зрения истории это будет, как обычно, некое не совсем точное обобщение.

Цезарь называет знатных воинов всадниками, так как они сражались верхом. Галлы не использовали боевые колесницы в отличие от бриттов и ирландцев. Разумеется, хороший конь стоил дорого, а уж колесница и подавно. Именно поэтому древнеирландская литература изобилует подробными описаниями коней и колесниц. В этом плане древние мужчины ничем не отличались от современных, с упоением обсуждающих дорогие автомобили. Тут напрашивается продолжение в виде разговоров о пиве и футболе, поэтому сразу уточню: пиво у древних кельтов было, а футбола в его современном виде еще не было.

Еще один мужской «пунктик» — это оружие. Разумеется, оно несколько отличалось от эпохи к эпохе и от местности к местности, поэтому давать в этой главе подробное описание всех типов оружия нет смысла (да и главы не хватит). В бою чаще всего использовались копья и мечи, а защищались воины щитами. Археологи находят захоронения знатных воинов, отправленных в путешествие по иному миру во всеоружии и в полном торжественном облачении. Раскопки гораздо красноречивее (и точнее!), чем произведения античных авторов, рассказывают нам о том, как же выглядели аристократы Гальштатского и Латенского периодов.

В гальштатских погребениях археологи обнаруживают повозки, длинные мечи, которые были в употреблении до VI века до н. э., а после сменились изящными короткими мечами, более напоминающими кинжалы. Специалисты считают, что такие короткие мечи-кинжалы, как правило, богато украшенные, были скорее показателем высокого общественного положения, дорогой игрушкой, чем настоящим боевым оружием. Вообще, судя по всему, знатные кельты эпохи Гальштата любили похвастаться своим благосостоянием не только в этом, но и в ином мире. В восточных Альпах, где совершенно невозможно было использовать колесницы на крутых горных тропах, в захоронении одного богача-соледобытчика археологи обнаружили 10-сантиметровую колесницу из свинца. Чтоб на том свете знали, с кем дело имеют... Остатки настоящих колесниц, которые

находят в погребениях, украшены не хуже ножей и мечей: на оси прикрепляли металлические кольца, издававшие при движении мелодичный звон. На одной из таких колесниц было аж 48 звенящих колечек!

Погребения Латенской эпохи рассказывают нам о воинах, чьи тела в бою защищали панцири из материи или кожи и прикрывали щиты, обитые железом, а сражались эти воины с помощью копий и железных мечей с богато украшенными ножами. Впрочем, украшением оружия латенские знатные воины не ограничивались. В те времена кольца, браслеты и прочие нателные ювелирные изделия не считались исключительно дамскими игрушками.

Руки знатных воинов украшали бронзовые и золотые кольца, браслеты; плащи застегивались при помощи богато украшенных фибул. «Визитной карточкой» аристократа Латенской эпохи принято считать торквес — украшение, которое у славян именовалось шейной гривной. Этот незамкнутый обруч с шариками на обоих концах, чаще всего сделанный из золота, носили на шее. Обруч часто был не прямой, а витой, а шарики украшались различными орнаментами или делались в виде голов животных или людей. Тут можно сказать одно — фантазия ювелиров и их заказчиков не знала пределов. И археологам, раскапывающим очередное захоронение, остается только восхищаться древними мастерами, которых иначе как художниками не назовешь.

Но, разумеется, для представителей воинской знати украшения были в первую очередь не произведения искусства, а показателями принадлежности к высшим слоям общества, или, по-простому говоря, признаками собственной крутости.

Вообще, если говорить о нравах кельтских воинов, хочется употреблять самые простые и хлесткие выражения, поскольку нравы в воинской среде царили отнюдь не утонченные. И если судить по древнеирландской литературе, главным вопросом для воинов было выяснение того, кто из них самый геройский герой. В те далекие времена героизм заключался не в спасении детей из горящих домов и не в принесении себя в жертву родной стране, а в убиении врагов и отрезании их голов, угоне скота и прочих действиях, которые сейчас

мы назвали бы преступными. Поводом похвастаться такими подвигами и выяснить, кто же всех смелее и удачливее, служили застолья: самый большой и самый лакомый кусок за столом доставался тому, кто оказывался самым сильным и смелым среди присутствующих. Легко представить себе, сколько находилось желающих признать себя самым-самым... Нередко пиры заканчивались драками. Самый известный рассказ о такой неудачной дележке — это ирландская сага «Повесть о кабане Мак-Дато», которую обычно читают все студенты, изучающие древнеирландский язык. Начинается она с того, что в доме у человека, прозванного Мак-Дато, начинается пир, на который собираются самые известные воины. Перед ними оказывается зажаренная туша кабана...

— Добрый кабан, — сказал Конхобар.

— Поистине добрый, — сказал Айлиль. — Но кто будет его делить, о Конхобар?

— Чего проще! — воскликнул Брикрэн, сын Карбада, со своего верхнего ложа. — Раз здесь собрались славнейшие воины Ирландии, то, конечно, каждый должен получить долю по своим подвигам и победам. Ведь каждый нанес уж не один удар кому-нибудь по носу.

— Пусть будет так, — сказал Айлиль.

— Прекрасно, — сказал Конхобар. — Тут у нас немало молодцов, погулявших на рубеже.

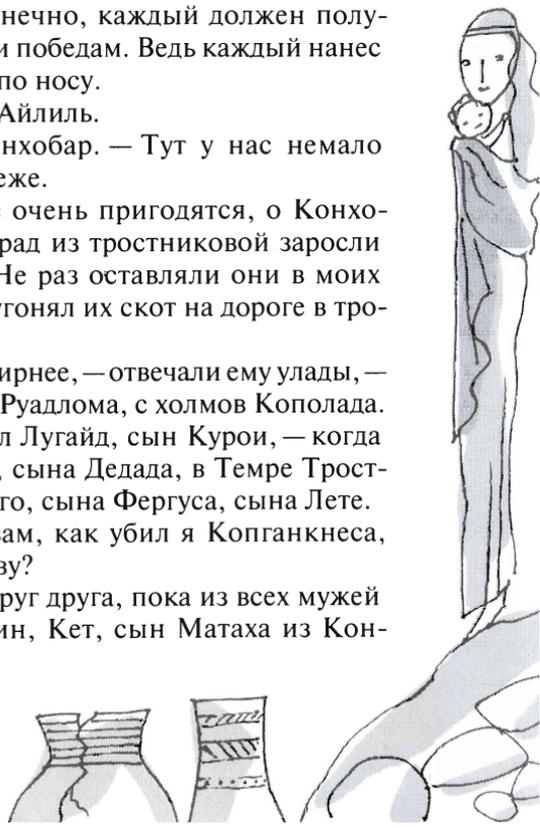
— Нынче вечером они тебе очень пригодятся, о Конхобар! — воскликнул Сенлайх Арад из тростниковой заросли Конолад, что в Коннахте. — Не раз оставляли они в моих руках жирных коров, когда я угонял их скот на дороге в тростники Дедаха.

— Ты оставил у нас быка пожирнее, — отвечали ему улады, — своего брата Круахнена, сына Руадлома, с холмов Кополада.

— Лучше того было, — сказал Лугайд, сын Курои, — когда вы оставили в руках у Эхбела, сына Дедада, в Темре Тростниковой, вашего Лота Великого, сына Фергуса, сына Лете.

— А что, если я напомню вам, как убил я Копганкнеса, сына Дедада, сняв с него голову?

Долго бесчестили они так друг друга, пока из всех мужей Ирландии не выдвинулся один, Кет, сын Матаха из Кон-

нахта. Он поднял свое оружие выше всех других. Взяв в руку нож, он подсел к кабану.

В переводе Александра Александровича Смирнова, знаменитого русского литературоведа и одного из первых исследователей кельтских языков в России, воины выражаются весьма интеллигентно. Ирландский текст несколько проще. Впрочем, можете себе представить, как именно шел разговор, если спор продолжился следующим образом:

— Эй, отойди от кабана! — воскликнул Конал.

— А у тебя какое право на него? — спросил Кет.

— У тебя есть право вызвать меня на поединок, — сказал Конал. — Я готов сразиться с тобой, Кет! Клянусь клятвой моего народа, с тех пор, как я взял копьё в свою руку, не проходило дня, чтобы я не убил хоть одного из коннахтов, не проходило ночи, чтобы я не сделал набега на землю их, и ни разу не спал я, не подложив под колено головы коннахта.

— Это правда, — сказал Кет. — Ты лучший боец, чем я. Будь Анлуан здесь, он вызвал бы тебя на единоборство. Жаль, что его нет в доме.

— Он здесь, вот он! — воскликнул Конал, вынимая голову Анлуана из-за своего пояса. И он метнул ее в грудь Кета с такой силой, что у того кровь хлынула горлом. Отступил Кет от кабана, и Конал занял его место.

— Пусть поспорят теперь со мной! — воскликнул он.

Ни один из воинов Коннахта не дерзнул выступить против него. Но улады сомкнули вокруг него щиты наподобие большой бочки, ибо у плохих людей в этом доме был скверный обычай тайком поражать в спину.

Конал принялся делить кабана. Но прежде всего он сам впился зубами в его хвост. Девять человек нужно было, чтобы поднять этот хвост; и, однако же, Конал быстро съел его весь без остатка.

Коннахтам при дележе Конал дал лишь две передние ноги. Мала показала им эта доля. Они вскочили с мест, улады тоже, и все набросились друг на друга. Началось такое побоище, что груда трупов посреди дома достигла высоты стен. Ручьи крови хлынули через порог.

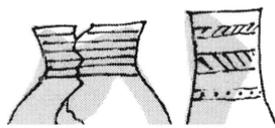
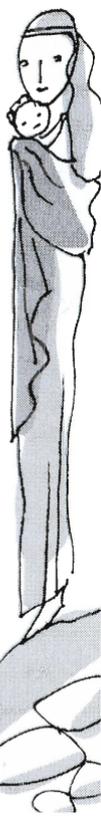
Затем вся толпа ринулась наружу. С великим криком стали они там резаться. Поток крови, лившейся во дворе, мог бы привести в движение мельницу. Все избивали друг друга. Фергус вырвал дуб, росший посреди двора, вместе с корнями, и вымел им врагов за ограду двора.

Побоище продолжалось за воротами.

Даже если допустить некоторое художественное преувеличение, можно представить себе, что примерно так оно и бывало на самом деле: дележка, драка... А зажатый кабан остывал... И благородные воины в богатых одеждах и золотых украшениях вели себя примерно так же, как современные мальчишки-пятиклассники. Только учителя, который бы мог на них прикрикнуть и вызвать в школу родителей, рядом не было.

Впрочем, я слишком упрощаю: нельзя сводить действия древних воинов к одной необузданной агрессии и желанию заявить во всеуслышание «Я тут самый сильный!». И если герои ирландских саг то в одной истории, то в другой произносят слова типа: «Не было и ночи, чтобы я не спал, подложив под колено голову убитого врага», дело не в дикой кровожадности. Отрубленная голова (предпочтительно вражеская) у кельтских воинов от Галлии до Ирландии считалась вместилищем силы убиенного. Считалось даже, что отрубленная голова какое-то время может жить собственной жизнью. В древней Ирландии воины носили головы врагов на поясах — чем их больше, тем больше почтения победителю.

В южной Галлии, в местечке Рокпетрюз, археологи обнаружили храм с колоннами. В колоннах имелись особые ниши, где хранились человеческие черепа. Наверное, когда-то неизвестные нам воины приносили сюда головы врагов и посвящали богам. Хотя, как и в Ирландии, многие здесь не расставались с жутковатыми на наш современный взгляд трофеями. О том, как с этими головами обычно обращались в Галлии, рассказывает Диодор Сицилийский: по его словам, головы наиболее сильных врагов галлы бальзамировали кедровым маслом, а потом укладывали в ларцы, чтобы при случае похвастаться гостям — вот какого врага

победил я сам, или мой отец, или кто-то еще из родственников.

Да что там античные авторы — даже сказки современных кельтских народов делают отрубленные головы действующими лицами повествования. До сих пор помню, какое впечатление произвела на меня в юности бретонская легенда «Собака мертвой головы», которую я прочитала мрачной непогожей ночью под завывание океанского ветра: в ней злой брат убил доброго брата, отрубив ему голову. Эта голова потом зажила свой жуткой жизнью и так и бродила по окрестностям кладбища, пока не встретила злого брата... И ничем хорошим встреча не кончилась. Эта легенда была записана в самом начале двадцатого века. Так что отрубленные головы действительно оказались весьма живучими: в народной памяти они просуществовали примерно два тысячелетия. Охоту за головами в Галлии запретили римляне, как только завоевали галлов — уже в I веке до н. э. этот обычай считался диким и жестоким.

В Ирландии, возможно, он продержался дольше. При этом ирландские саги описывают особый, не совсем понятный нам, современным читателям, ритуал. Рассказывается, как знаменитый воин по имени Коналл Кернах из Улада сражался с противником по имени Мес Гегра. Понимая, что битва проиграна, Мес Гегра решил покориться врагу достойно.

— Добро же, о Коналл, — сказал он. — Знаю, ты не уйдешь, пока не возьмешь с собой мою голову. И положи мою голову на свою голову, а мою честь — на свою честь.

Конал сделал не совсем так: отрубил противнику голову и положил ее на камень у брода. Из шеи вытекла капля крови, каким-то образом попала в верхнюю часть стоячего камня (эту верхнюю часть в ирландском тексте тоже называют головой). Верхушка камня от этой капли крови отвалилась и упала в реку, а сам Коналл почему-то стал косым. Видимо, коварный Мес Гегра рассчитывал уже после собственной смерти с помощью отрубленной головы нанести вред противнику. Что было бы, если бы Коналл водрузил голову врага на свою собственную, — неизвестно. Но понятно, что хорошего было бы мало. Вообще в этом описании

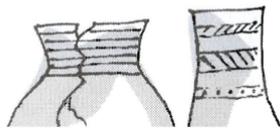
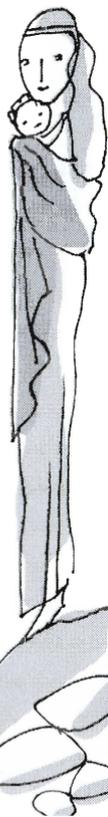
много неясности. Наверное, в то время, когда обычай присвоения чести врага через его отрубленную голову был жив или по крайней мере не до конца забыт, пояснений к расказу не требовалось.

Но мы можем догадаться, что голова считалась вместилищем ценных для воина качеств, которые победитель мог присвоить себе с помощью каких-то ритуальных действий. Видимо, именно это должен был проделать Коналл. Впрочем, разрушение камня его не испугало, и он приложил голову врага (вероятно, уже безопасную) к своему затылку, после чего его косоглазие излечилось. Именно так — в виде двух голов, соприкасающихся затылками, изображался двуликий бог в уже упомянутом галльском храме в Рокпетрюэ. Видимо, это как-то связано с ирландским ритуалом, но как именно — остается только догадываться.

После этого Коналл-победитель увел с собой вдову Мес Гегры, так как, по всей видимости, жена побежденного тоже переходила в собственность победителя (это как-то плохо стыкуется со свободой женщины в кельтском обществе, но, как я уже говорила, одно дело — законы, одинаковые для всех, и совсем другое — оказаться один на один с воображенным убийцей, который размахивает перед твоим носом свежесрубленной головой мужа). Голову Мес Гегры целиком сохранять он не стал, а приказал вынуть из нее мозг, порубить мечом и смешать с известью, после чего слепить из этого «теста» шар. Подобные шары-трофеи жители Улада хранили на вершине кургана.

Были и другие способы «компактного» хранения трофеев: воины отрезали вражеские языки. Правда, такие трофеи нередко оказывались поддельными: средневековые ирландские авторы утверждают, что воинам случалось прихвастнуть количеством убитых врагов и они предъявляли не только человеческие языки, но и языки четвероногих животных.

По мнению историка Григория Бондаренко, постоянные битвы и поединки в ирландских сагах — не преувеличение. Не только знатные воины, но и практически все свободные мужчины Ирландии постоянно воевали между собой. «Среди кельтов древности на континенте и на Британских

островах, — пишет он, — война и насилие были практически нормой повседневной жизни, причем для свободного мужчины участие в войне было делом чести и престижа. Свидетельством подобной почти постоянной войны в Ирландии могут служить анналы, согласно которым год не проходил без столкновений войск враждующих королей и коалиций». Если добавить к этому стихийно возникающие стычки, как принято сейчас говорить, «на бытовой почве», например из-за лучшего куска на пиру, неосторожного слова в чей-то адрес или намеренного оскорбления, то получается, что все мужчины постоянно друг с другом дрались. Но дрались не просто так, а с соблюдением массы воинских ритуалов.

Насилие царило не только на земле, но и на воде. Ирландское море и Гебридские острова находились в руках ирландских морских разбойников, которые хозяйничали там до появления викингов. Именно они в свое время похитили святого Патрика, если помните. Пираты носились по водным просторам на лодках, называемых «курах». Делали эти курахи так: деревянный каркас обтягивали дублеными бычьими кожами, а швы между кожами замазывали коровьим жиром. Посередине обтянутой кожей снаружи и изнутри лодки устанавливали мачту с парусом. Курахи были легкими, но прочными за счет гибкости. Конструкция оказалась настолько удачной, что их использовали на западном побережье Ирландии аж до XX века. А в 1976 году известный путешественник Тим Северин построил такую лодку, чтобы повторить плавание святого Брендана, который, по преданию, доплыл на курахе аж до Америки.

Можно представить себе, каким быстрым и надежным казалось это средство передвижения веке в пятом, когда ирландские пираты наводили ужас на жителей побережья, появляясь из-за горизонта на своих маленьких (иногда всего из одной бычьей шкуры) лодочках. Известный бриттский автор святой Гильда стал свидетелем набегов ирландских и пиктских пиратов на римскую Британию.

«Мерзейшие банды скоттов (то есть ирландцев. — А. М.) и пиктов, нравами отчасти разные, но согласные в одной и той же жажде пролития крови колодники, более покры-

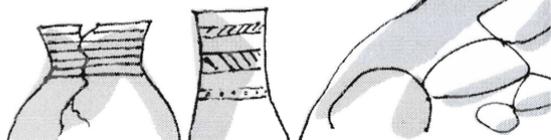
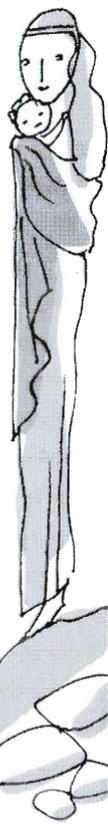
вающие волосами лицо, чем постыдные и к постыдным близкие части тела — одеждой» — так описывает внешность пиратов святой. Вид разбойников для человека, воспитанного в духе римской культуры, хорошо знавшего произведения Вергилия, Овидия и таких церковных авторов, как Кассиан и Иероним, был мало того что диким, так вдобавок и оскорбительным.

Однако привычка воевать совсем раздетыми или почти не одетыми происходила не от крайней бедности пиратов, а от древней воинской традиции. Еще греческий автор Полибий за много веков до Гильды рассказывал о наемниках в войсках кельтов, которые не стригли волос, не брили бород и сражались обнаженными. По всей видимости, отсутствие одежды и доспехов должно было утешить врага — мол, не боимся мы вас настолько, что даже тело не прикрываем. А может быть, этот странный воинский обычай объяснялся каким-то иным образом, и нагота носила некий не совсем понятный современным людям священный смысл.

Но домысливать и пытаться объяснить этот обычай я с вашего позволения не стану. И поскольку читательницы, возможно, представят себе длинноволосых полуобнаженных красавцев, точь-в-точь как на рекламных картинках в гламурных журналах, играющих мускулами и шеголяющих легкой богемной небритостью, на всякий случай предупрежу: нигде ни разу эти воины прекрасными не названы... Да, и еще: нигде не написано про то, как обнаженные воины сражались наповал своей красотой кельтских женщин-воительниц. Поэтому развивать столь волнующую тему, увы, не будем.

Вернемся к разбойникам.

Разбой во всех его проявлениях — будь то морские набеги или угон скота — считался достойным делом для мужчины. Молодые неженатые юноши объединялись в группировки, которые в современном обществе назвали бы преступными. Эти (да простят меня историки!) бандформирования обитали отдельно от чуть более спокойного ядра общества, вдалеке от жилья. Юноши занимались охотой и грабежами и жили себе в лесах и на пустошах вне закона и в свое удовольствие. В Ирландии их называли фениями (fian). В средневековой

ирландской литературе фении всячески порицаются и считаются пережитком языческого прошлого. Вполне вероятно, что дело тут не в том, что фении творили разбой (кто его так или иначе в то время не творил?), а в особых ритуалах, которые объединяли разбойников, — во все века мужские братства, включая современные молодежные группировки, выбирают свою манеру одеваться, свои знаки различия и так далее. Из ирландских текстов не всегда понятно, чем отличались разбойники от обычных людей, но упоминания об особой стрижке и татуировках фениев позволяют нам получить некие нечеткие «штрихи к портрету».

Кто же подавался в разбойники? Как правило, выходцы из благородных семей, не получившие наследства, то бишь безземельные и не обремененные семейными узами. Среди них встречались даже сыновья королей. По всей видимости, королям не приходилось краснеть за таких сыновей. В конце концов, сами короли занимались ровно тем же, но в других масштабах...

Такой образ жизни фении вели до того самого момента, когда отец или другой родственник умрет и оставит им наследство. Поскольку благородные родители фениев проводили изрядную часть времени в битвах и поединках, ждать наследства приходилось не так уж долго: годам к двадцати у большинства появлялась возможность вступить во владение имуществом и оставить поднадоевший разбой. С получением наследства бандит становился добропорядочным землевладельцем, остепенившись, женился, но... мы-то уже знаем, что порядочный человек в любой момент был готов устроить побоище из-за куска свинины.

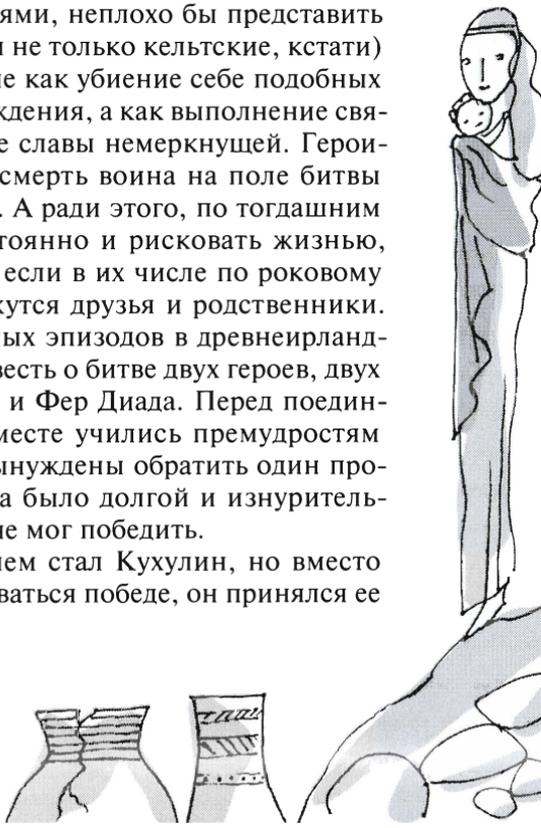
Позже, в XVIII и XIX веках, в Западной Европе стали идеализировать Средневековье, и образ разбойника, в том числе и фения, превратился в эдакую романтическую картинку — благородный, бесстрашный, вольный, независимый, конечно же, в чем-то наивный, но справедливый... Но честно говоря, не думаю, чтобы писатели или читатели эпохи романтизма испытали бы большую радость, попадись они настоящим фениям на большой дороге...

Возникает вопрос — почему же вольные и независимые воины грабили и убивали направо и налево безнаказанно?

Куда смотрели власти? А властям наличие таких разбойников, то есть, простите, бесстрашных героев, было выгодно. Некоторые из фениев, по всей видимости, имевшие самый высокий статус, могли состоять на службе у короля. Есть упоминания о том, что фении охраняли королевские покои, а также заступались за женщин, которым не выплатили причитающиеся по закону деньги (например, выкуп за невесту). Историки предполагают, что фении могли быть своеобразными «полицейскими отрядами» при королях.

О воинском сословии можно рассказывать еще долго: практически в любой ирландской саге речь идет о военных действиях и стычках отдельных героев, а античные авторы наперебой рассказывают о том, насколько воинственными были древние галлы, бритты и другие братские народы. Если представить, какой была повседневная жизнь в обществе, где постоянно кто-то с кем-то воевал, за кого-то мстил, сводил счеты, становится немного не по себе: ни дать ни взять постоянные разборки криминальных группировок, совсем как в лихие девяностые. Но прежде чем проводить параллели с современными событиями, неплохо бы представить себе, что древние кельтские (и не только кельтские, кстати) воины воспринимали войну не как убийство себе подобных ради собственного самоутверждения, а как выполнение священных ритуалов и обретение славы немеркнушей. Героическая жизнь и героическая смерть воина на поле битвы обеспечивали ему бессмертие. А ради этого, по тогдашним представлениям, стоило постоянно и рисковать жизнью, и убивать противников, даже если в их числе по роковому стечению обстоятельств окажутся друзья и родственники. Одним из самых пронзительных эпизодов в древнеирландской литературе считается повесть о битве двух героев, двух названных братьев, Кухулина и Фер Диада. Перед поединком они вспоминают, как вместе учились премудростям боевого искусства, которые вынуждены обратить один против другого. Их битва у брода была долгой и изнурительной — несколько дней никто не мог победить.

В конце концов победителем стал Кухулин, но вместо того, чтобы, как обычно, радоваться победе, он принялся ее горько оплакивать:

Все было игрой, забавой для нас,
Пока не столкнул нас проклятый брод.
Одному и тому же обучались мы.
Чем этот владел, владел и тот.
Нас воспитала приемная мать,
Чье имя превыше всего для нас!

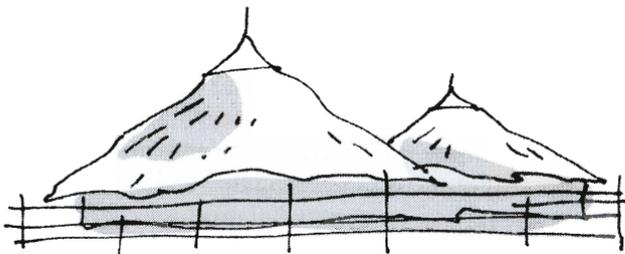
<...>

Все было игрой, забавой для нас,
Пока не столкнул нас проклятый брод!
Казалось, что брат не познает невзгод,
Покуда Судный день не придет!
Вчера Фер Диад, как гора, был — и вот
В тень превратил его битвы исход.

Перевод Сергея Шкунаева

И хотя нужно делать скидку на то, что ирландские саги (или как правильнее их называть — повести) были записаны уже после принятия христианства и нового осмысления таких понятий, как ценность человеческой жизни, не стоит сбрасывать со счетов наличие у суровых и порой жестоких воинов обыкновенных человеческих чувств и привязанностей.

Глава 9
Тема маленького человека
у древних кельтов,
или Как закалялась сталь

Если о друидах нам известно что-то более или менее вразумительное, а о воинском сословии мы знаем так много, что масса интересных фактов остается за пределами этой книги, то третье, низшее, сословие, самое многочисленное, кормившее, одевавшее два высших и снабжавшее воинов и духовенство всем необходимым для жизни, в древних и средневековых текстах упоминается редко. Если верить Цезарю, то третье сословие было на положении рабов и полностью зависело от всадников, облагавших бедных работяг непосильной данью.

Как уже говорилось в одной из предыдущих глав, это несколько упрощенное понимание. По крайней мере данные археологии свидетельствуют о том, что ремесленникам в древней Галлии и прочих областях, населенных кельтами, жилось не так уж плохо, и судя

по тому, как свободно они путешествовали, их положение было отнюдь не рабским.

Особым почетом пользовались кузнецы: еще в Гальштатскую эпоху кельты стали известны античному миру прежде всего как горняки и металлурги. По ходу дела хочется развенчать еще один современный миф о кельтах, которых принято считать одними из самых «экологичных» народов древности: мол, бегали друиды по дубовым рощам, соединялись с природой и жили в гармонии со всем живым. Ничего подобного! Начиная с Гальштатской эпохи, кельты безжалостно рубили деревья, копали шахты, строили плавильные печи и уже упомянутые солеварни — словом, наносили европейской природе очень серьезный урон. Но судя по всему, их это не очень беспокоило, потому что на железе, как и на добыче соли, запросто можно было разбогатеть, что многие и делали весьма успешно. Особенно востребовано было железо из Норика, которое охотно покупали римляне много веков подряд, как при республике, так и при императорах.

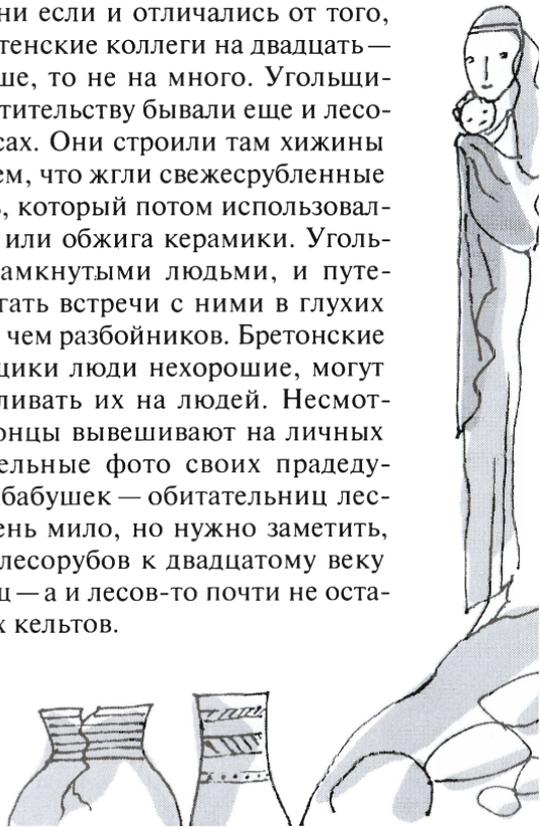
Археологи до сих пор находят свидетельство не просто высокого достатка, а просто-таки впечатляющего богатства влиятельных кельтов, населявших территорию нынешней восточной Австрии. Жили они за счет того, что контролировали соляную торговлю. Соль отправляли вниз по Дунаю и обменивали на товары, которые к северу от Средиземноморья не производили: например, на вино. Известно, что точно так же поступали на юг и обменивались на вино и другие товары, в том числе знаменитое норикское железо. Из этого неминусово следует наличие еще одной категории неблагородных, но при этом не самых бедных людей — торговцев.

Добыча железа и торговля солью весьма успешно продолжались и в Латенскую эпоху. Именно в это время металлургам удалось внести некоторые усовершенствования в производственный процесс. Несмотря на то что железо, которое производили их гальштатские предшественники, было очень чистым и отличалось высоким качеством, у него был серьезный недостаток: зачастую оно оказывалось слишком мягким. Пришлось подумать-подумать, да и изобрести сталь,

то есть насытить железо углеродом и другими элементами при высокой температуре. Труд кузнеца был сродни колдовскому: из руды получались различные предметы, в том числе оружие и украшения, поэтому кузнецы пользовались особым уважением и почетом. В ирландских сагах кузнецы иногда предстают такими же полноценными героями, как и воины, а в современных сказках кельтских народов кузнецам часто приходится иметь дело с существами, населяющими мир иной.

Далеко за пределами земель, населенных кельтами, славились кельтские керамические изделия. И хотя горшечники не вошли в легенды и сказки (все-таки глина — материя более приземленная и не такая загадочная), но и они были явно не последними парнями на деревне.

Еще один важный персонаж в среде ремесленников — угольщик. Эта профессия, пусть и не такая уважаемая, как кузнечное дело, но нужная и важная, кое-где просуществовала аж до двадцатого века: по крайней мере мне лично доводилось видеть старые фотографии бретонских угольщиков, чей труд и образ жизни если и отличались от того, что вели их гальштатские и латенские коллеги на двадцать — двадцать пять столетий раньше, то не на много. Угольщики, которые иногда по совместительству бывали еще и лесорубами, селились в глухих лесах. Они строили там хижинки или землянки и занимались тем, что жгли свежесрубленные деревья, превращая их в уголь, который потом использовался в печах для плавки железа или обжига керамики. Угольщиков считали суровыми, замкнутыми людьми, и путешественники старались избегать встречи с ними в глухих чашах, опасаясь их не меньше, чем разбойников. Бретонские крестьяне верили, что угольщики люди нехорошие, могут управлять волками и натравливать их на людей. Несмотря на это, современные бретонцы вывешивают на личных интернет-страничках трогательные фото своих прадедушек-угольщиков и своих прабабушек — обитательниц лесных хижин. Выглядит это очень мило, но нужно заметить, что усилиями угольщиков и лесорубов к двадцатому веку в Бретани не то что глухих чаш — а и лесов-то почти не осталось. А началось все с древних кельтов.

Археологи, объединившись со специалистами в области металлургии, решили подсчитать, сколько же дерева требовалось выплавка металла и изготовление керамики в древности. Вот какие цифры приводит Гельмут Биркхан: на каждый период работы печи, необходимый для выработки одного килограмма сырого железа, требовалась примерно тонна древесного угля, то есть 25 кубических метров дерева. Несколько килограммов железа выплавили — целой роши как не бывало!

А ведь в древности кельты, обитавшие на территории современных Франции, Бельгии, Швейцарии, Германии, Австрии и Чехии, выплавляли не только железо, но еще золото, серебро, медь, свинец, изготавливали бронзу или олово... А теперь мы удивляемся, путешествуя по Западной Европе: почему там почти совсем нет лесов?

Но древние лесорубы, угольщики, кузнецы и горшечники так далеко в будущее не заглядывали. Тогдашние ремесленники были в первую очередь озабочены тем, чтобы совершенствовать свое мастерство, для чего нередко пускались в дальние путешествия. О некоторых из них нам по счастливой случайности иногда становится известно.

Так, история сохранила имя Эликона, ремесленника-гельветы (то есть жителя Гельветии, современной Швейцарии). Знаем мы о нем то, что он некоторое время жил и работал в Риме, попутно обучаясь местным приемам работы с металлом. Проработав какое-то время в Италии, Эликон вернулся домой, где, несомненно, стал на голову выше своих собратьев по профессии. И, вероятно, таких случаев было немало. Винсент Мегоу, известный специалист по искусству древних кельтов, так рассказывает о наиболее «продвинутых» мастерах того времени: «Можно себе представить, что, вернувшись домой, кельтские “гастарбайтеры” повышали свой статус в собственных общинах, только в то время этому способствовал не подержанный “Мерседес”, а кувшины с носиком и ситилы “Мейд-ин-Итали”» (на русский язык эту цитату перевела Нина Чехонадская).

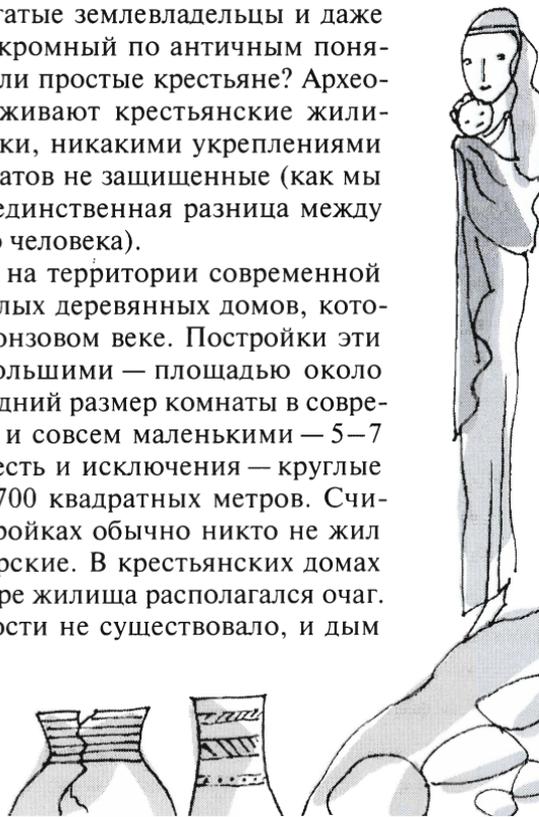
Еще одна немаловажная деталь: среди ремесленников было много грамотных людей. Сохранилось немало надписей, сделанных галльскими горшечниками. Когда изде-

лия разных мастеров помещали в общую печь для обжига, на черепках или табличках обычно записывали, сколько и какие предметы кому принадлежали. Довольно часто и горшечники, и кузнецы оставляли на своих изделиях забавные надписи вроде «Nata vimpi curmi da» («Девушка-красавица, дай пива»).

О крестьянах что Гальштатской, что Латенской эпохи нам известно меньше. В отличие от ремесленника, который, как мы видим, мог запросто взять, да и уехать на заработки в чужую страну, крестьянин по роду деятельности был привязан к земле. Этот опять же не означает, что положение крестьянина было в буквальном смысле слова рабским: крепостного права в нашем понимании у кельтских народов не было ни в древности, ни в Средние века. Говоря о зависимых крестьянах, мы имеем в виду тех, кто своей землей не владел, а арендовал ее у землевладельца. Довольно рано отношения землевладельцев и арендаторов были закреплены в законах: древнеирландские законодательные тексты подробно расписывают статус фермера.

Мы помним о том, что богатые землевладельцы и даже цари и короли вели весьма скромный по античным понятиям образ жизни. Как же жили простые крестьяне? Археологи довольно часто обнаруживают крестьянские жилища и хозяйственные постройки, никакими укреплениями в отличие от жилищ аристократов не защищенные (как мы помним, зачастую это была единственная разница между жилищем знатного и простого человека).

На Британских островах и на территории современной Франции находят следы круглых деревянных домов, которые начали строить еще в бронзовом веке. Постройки эти могли быть относительно большими — площадью около 15 квадратных метров (это средний размер комнаты в современной городской квартире) и совсем маленькими — 5–7 квадратных метров. Правда, есть и исключения — круглые дома-гиганты площадью до 700 квадратных метров. Считается, что в маленьких постройках обычно никто не жил и их использовали как мастерские. В крестьянских домах обычно был один вход; в центре жилища располагался очаг. Никаких дымоходов в древности не существовало, и дым

выходил через отверстие в соломенной крыше над очагом. Иногда крышу дома поддерживало несколько столбов. Особенным комфортом, как мы помним, не отличались даже жилища знатных людей, а уж о крестьянских домах и говорить не приходится. Далеко не везде существовали отдельные загоны для скотины, под одной крышей зачастую жили и люди, и животные. В небольшом круглом домике могла жить целая семья с множеством детей. Впрочем, те, кому довелось пожить в коммунальной квартире, наверное, легко могут себе представить, каково это было. Разве что в городских квартирах скот в комнатах не держали...

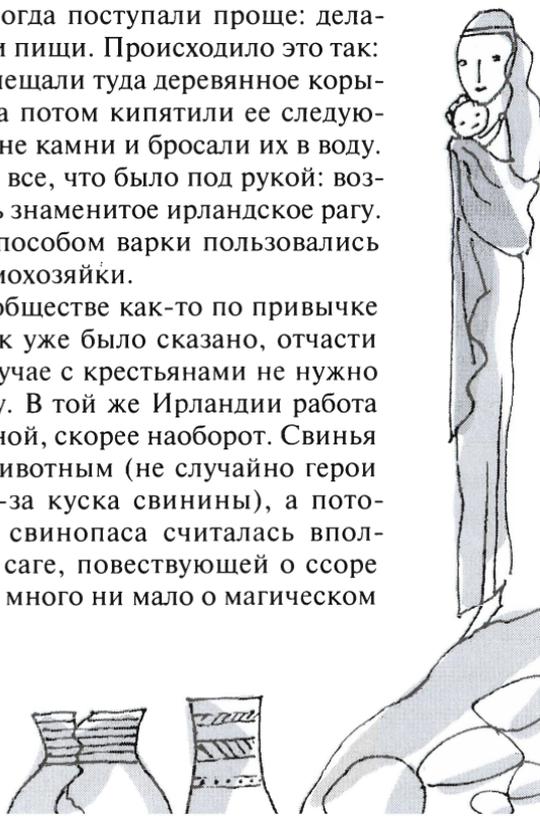
Деревянные дома были относительно недолговечными; они постепенно ветшали, их разрушали и на том же месте возводили новые. В некоторых поселениях, по мнению археологов, дома обновлялись до шести раз, разрушались и отстраивались заново в течение столетий. Несколько жилых построек, круглых амбаров или ям для хранения зерна и для жертвоприношений, загонов со скотиной обносили общей оградой, и получался хутор или деревенька. В целом круглые домики, хозяйственные постройки, крытые соломой и окруженные плетнем, выглядели примерно так же, как современные африканские поселки.

Позже, к концу железного века, появилось некоторое разнообразие: дома начинают строить из камня, и они меняют форму — становятся не только круглыми, но и прямоугольными, а еще появляются дома с внутренними дворами, больше похожими на современные постройки, называемые по-английски *courtyard-house*. Разумеется, каменные постройки служили дольше и потому сохранились лучше. Как тут не вспомнить сказку о трех поросятах? Не буду притягивать ее к данным археологии за свиные уши и выдвигать непроверенные предположения о том, что, мол, придумали эту сказку в те времена, когда кто-то строил хижинки из прутьев и соломы, а кто-то вполне мог себе позволить быть всех умней и сложить дом из камней, но сколько занимаюсь исследованием сказок, столько убеждаюсь — на пустом месте они не рождаются. Но раз уж зашла речь о трех поросятах, скажу только, что в наших детских книжках эту сказку называют английской, но я встречала и ее бретонский вариант,

где поросята отличались не именами, а окрасом: один был красный, другой желтый, а третий — зеленый, да к тому же... Нет, нет, пересказывать ее здесь не буду, в бретонском варианте она очень неприличная. Но мораль та же: каменный домик лучше.

Кроме домов, археологи часто обнаруживают крестьянские орудия труда: в ирландских торфяниках находят то остатки сохи, то деревянные сосуды. Я уже сказала о том, что быт ирландцев в древности, да и позже, в Средние века, был более чем скромным и аскетичным по сравнению с повседневной жизнью остальных кельтов. Вот только несколько любопытных фактов: если на континенте гончарное ремесло было в большом почете, то в Ирландии керамической посуды не имелось либо почти, либо совсем, по крайней мере археологи к своему изумлению, ее следов в Ирландии не обнаружили. Лингвисты отмечают, что собственного, не заимствованного слова для обозначения гончара в ирландском языке нет. Предполагается, что в древности на Изумрудном острове горячую пищу готовили либо в металлических котлах, либо в сосудах из кожи, а иногда поступали проще: делали специальные ямы для варки пищи. Происходило это так: рыли прямоугольную яму, помещали туда деревянное корыто. В корыто наливали воду, а потом кипятили ее следующим образом: раскаляли на огне камни и бросали их в воду. Потом в кипятке варили сразу все, что было под рукой: возможно, именно так и родилось знаменитое ирландское рагу. Правда, таким «походным» способом варки пользовались в основном охотники, а не домохозяйки.

Положение крестьянина в обществе как-то по привычке считается крайне низким. Как уже было сказано, отчасти это так и было. Однако и в случае с крестьянами не нужно грести всех под одну гребенку. В той же Ирландии работа свинопаса не считалась позорной, скорее наоборот. Свинья была у кельтов священным животным (не случайно герои на пиру спорили именно из-за куска свинины), а потому должность королевского свинопаса считалась вполне достойной. В ирландской саге, повествующей о ссоре двух свинопасов, речь идет ни много ни мало о магическом состязании:

Как произошла ссора двух свинопасов? Нетрудно сказать.

Охал Охни был королем Сида¹ Коннахта, и был у него свинопас. Был свинопас и у Бодба, короля Сида Мунстера...

И была между этими двумя королями большая дружба. Служили у них два свинопаса. Фриух и Рухт звали их. Фриух служил свинопасом у Бодба, а Рухт — у Охала. Крепка была их дружба, и много постигли они в тайном ремесле и колдовском знании — принимать они могли любые обличья, как делал это Монган, сын Фиаху.

Перевод Сергея Шкунаева

Нашлись злые люди, поссорившие этих двух достойных мужей, которые сначала превратились в птиц, а потом продолжали мериться колдовской силой следующим образом:

И разошлись они в разные стороны. Бросился один из них в реку Синанн, а другой — в реку Сиур. Два года провели они под водой. Первый год провели они в реке Синанн и пытались там пожрать друг друга, а второй год провели они в реке Сиур.

Потом превратились они в двух оленей, выбрал себе каждый стадо из молодых оленец, и бились они друг с другом за то, кому быть первым.

Потом превратились они в двух воинов и сражались друг с другом.

Потом превратились они в двух призраков и пугали друг друга.

Потом превратились они в два снежных облака и хотели засыпать снегом земли друг друга.

А потом из снега того закапали они дождем на землю и превратились в двух личинок. Весной поселился один из них в реке Круйнд в Куальнге, и корова Дайре, сына Фиахны, проглотила его случайно, когда пила воду. А другой поселился в реке Гарад в Коннахте, и корова Айлила и Медб проглотила его случайно, когда пила воду. И когда настал срок, родилось у этих коров два теленка. И выросли из них быки — Финнбенах, Белорогий с Равнины Ай, и Дуб, темно-бурый бык из Куальнге.

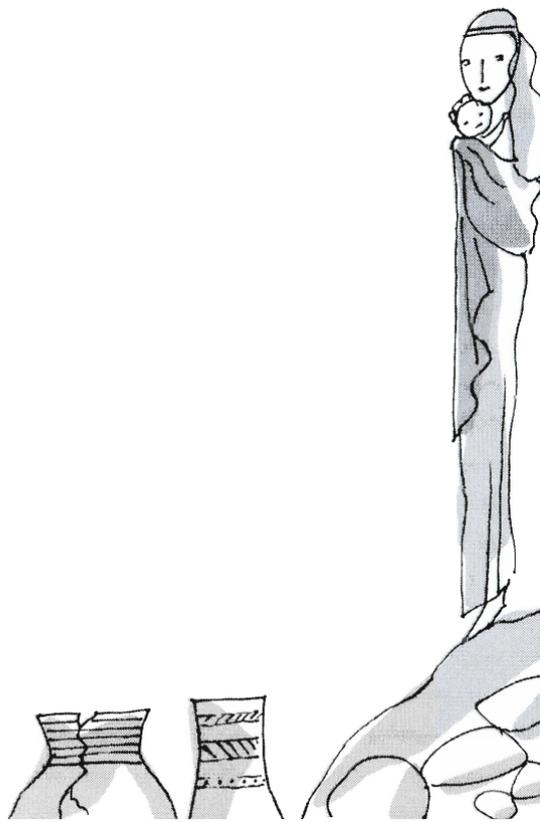
Перевод Сергея Шкунаева

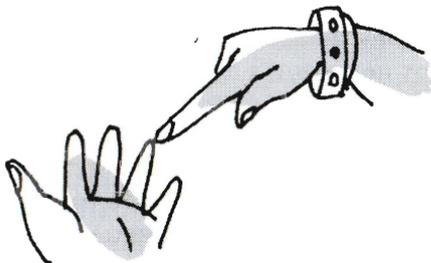
¹ Сидами в Ирландии называли королевства потустороннего мира; часто народная фантазия располагала сиды внутри пустых холмов. Обитателей этих королевств тоже называли сидами.

Ну а из-за этих двух быков началась такая великая война, что про нее сложили множество саг. Так что ирландский свинопас — это вам не какой-нибудь всеми презираемый зама-рашка из притчи о блудном сыне или из сказки Андерсена.

Расписывать детали жизни и быта простых ирландцев, галлов, бриттов, гельветов, кельтиберов и прочих можно бесконечно долго. Но в мою задачу это не входит. О повседневной жизни простых кельтских крестьян лучше всего рассказывают не книги, а археологические, исторические и краеведческие музеи. К счастью, в наши дни не обязательно даже ехать в другую страну, чтобы полюбоваться на археологические находки: у большинства музеев существуют сайты с фотографиями и «виртуальными экспозициями». Скажу только напоследок, что лично мне повседневная жизнь простых людей кажется не менее интересной, чем истории о битвах и завоеваниях.

Глава 10 Кельтский след в истории и языках мира

Вот и закончился далеко не полный рассказ о древних кельтах. Но история кельтских народов на этом не кончается. Кельты не вымерли как мамонты, не исчезли со страниц летописей, но чем дальше, тем скромнее становилась их роль.

Мы уже знаем, что римляне постепенно подчинили себе Галлию, Иберию, Британию. Только до Ирландии не добрались. Восточных кельтов, обитавших на территории современных Германии, Австрии и Чехии, потеснили германцы. Галаты в Малой Азии постепенно растворились, смешались с местным населением, и упоминаний о них в Средние века мы не находим.

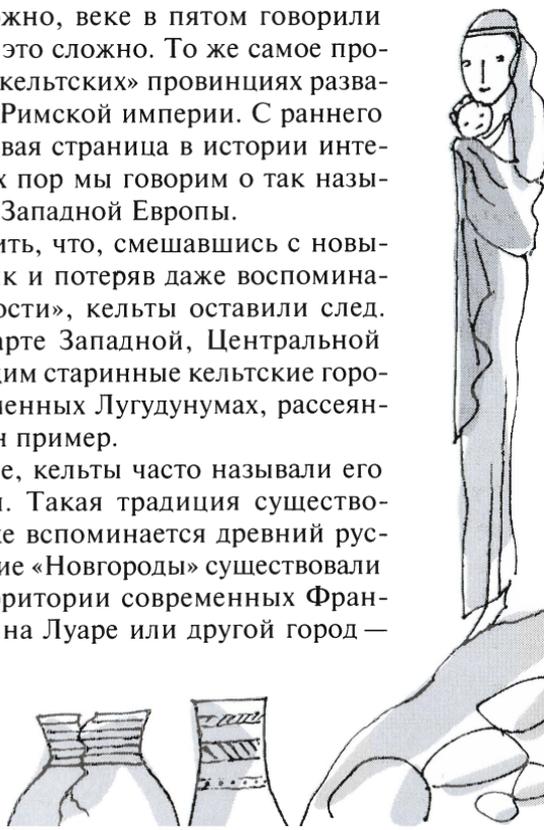
Великое переселение народов привело не только к падению Западной Римской империи, но и к тому, что бриттам пришлось уступить англам и саксам значительную часть своей территории. Частич-

но бриттское население удержалось на севере, в Кумбрии, частично — на территории современных Уэльса и Корнуолла, где их потомки — валлийцы и корнцы — проживают до сих пор. Часть бриттов перебралась через Ла-Манш, на полуостров Арморика, западная часть которого в те времена была не очень плотно заселена, и в память о своей родине назвала полуостров «малой Британией» в отличие от «Великобритании», то есть «большой Британии» — так зовут ее бретонцы сейчас. В наши дни мы называем этот полуостров Бретанью, а ее жителей — бретонцами (убедительно прошу не путать с британцами — жителями острова Британия и гражданами Соединенного Королевства!).

Уже в конце античного периода жители Галлии, называвшиеся галло-римлянами, в большей степени считали себя наследниками римской культуры, чем собственно галлами. Этому немало способствовало то, что народная латынь к этому времени почти повсеместно вытеснила галльский язык — разве что где-то в глухих деревнях Оверни (бывшей территории племени арвернов) совсем уж необразованные и некультурные люди, возможно, веке в пятом говорили по-галльски, да и то доказать это сложно. То же самое происходило и в других бывших «кельтских» провинциях развалившейся на куски Западной Римской империи. С раннего Средневековья начинается новая страница в истории интересующих нас народов: с этих пор мы говорим о так называемых «кельтских окраинах» Западной Европы.

И все же хорошо бы помнить, что, смешавшись с новыми народами, переняв их язык и потеряв даже воспоминание о собственной «кельтскости», кельты оставили след. Во-первых, до сих пор на карте Западной, Центральной и Восточной Европы мы находим старинные кельтские города. Я уже писала о многочисленных Лугудунумах, рассеянных по Европе, а вот еще один пример.

Основывая новое поселение, кельты часто называли его «Новый город», Новиодунум. Такая традиция существовала не только у них: сразу же вспоминается древний русский город Новгород. Кельтские «Новгороды» существовали и по берегам Дуная, и на территории современных Франции (например, город Невер на Луаре или другой город —

Нён-сюр-Беврон) и Швейцарии (город Ньон). Конечно, со временем длинное название «Новиодунум» сокращали и переиначивали, и в названиях Невер, Нён и Ньон оно угадывается с трудом. Другие Новиодунумы и вовсе были переименованы: один из них, расположенный на территории современной Румынии, теперь зовется Исакча и напоминает современникам о турецком владычестве, а не о кельтском прошлом.

Довольно часто на карте Европы заметны не названия городов, а названия кельтских племен. Например, Богемия — одна из областей Чехии. Название это означает «страна бойев» — имеется в виду воинственное племя или, по другим версиям, группа племен. Бойи прославились тем, что в середине IV века до н. э. из Галлии переселились в Италию, в долину реки По, откуда вытеснили живших там умбров и этрусков. Позже бойев разбили римляне, и побежденным пришлось отступить на восток.

Племена, которые в «записках» Цезаря названы белгами, дали название целой стране, которую мы называем Бельгией. Правда, ее жителей именуем уже не белгами, а бельгийцами.

Иногда не области, а их столицы получали свое название по имени проживавшего там кельтского племени. Самый известный и уже упоминавшийся пример — это город Париж, бывший столицей племени паризиев. На уроках истории французским школьникам, конечно же, рассказывают, что когда-то их город назывался Лютецией, но никто это название в повседневной жизни уже давно не употребляет. Еще один пример — город Ренн, столица современной Бретани, который когда-то именовался Кондате — «слияние двух рек» и был главным городом племени редонов.

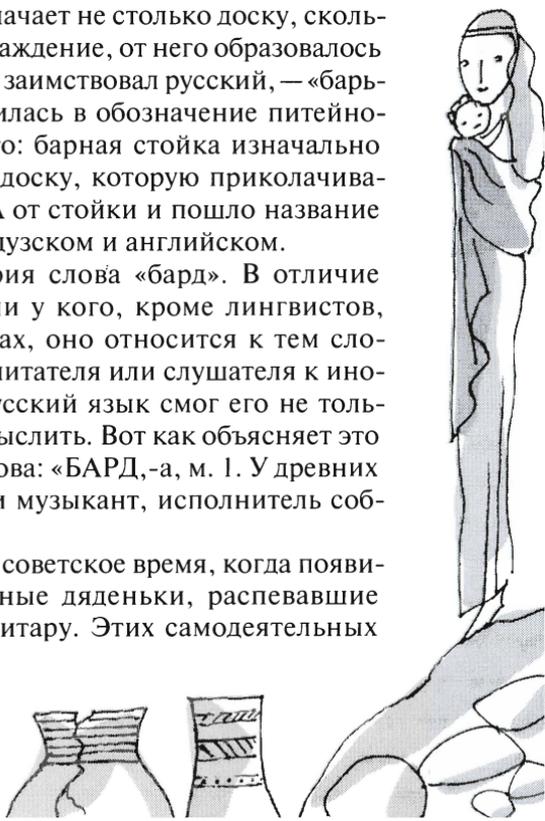
О кельтском прошлом многих городов, особенно тех, которые далеко отстоят от современных кельтских окраин, уже мало кто помнит. Хотя случаются и забавные повороты самосознания. Например, в последнее время некоторые жители Чехии предпочитают считать себя не славянами, а кельтами. С первого взгляда это выглядит несколько комично, но причина такого «окельтения» вполне понятна: в Западной Европе славян не очень-то любят (и это еще мягко сказано), а вот кельты с точки зрения славянина — что-то более западное.

По крайней мере так оно представляется жителю Восточной Европы, который не в курсе того, как англичане относятся к ирландцам, а французы — к бретонцам. Смех смехом, но некоторые основания для кельтского самосознания у чехов имеются: кельты на территории современной Чехии жили и в общем-то никуда физически не исчезли, а всего-навсего смешались с другими народами, занявшими эту территорию позже.

Еще один след, оставленный кельтами, — это слова, вошедшие во многие европейские языки, причем некоторые из них обогатили и русский. Один пример тому — слово «брюки» — уже приводился на страницах этой книги. Слово «бар», пришедшее в наш язык из английского, тоже кельтского происхождения. В галльском языке оно обозначало доску (и сохранилось в современных языках: в валлийском есть слово *bar*, а в современном бретонском — *barenn*). Из галльского это слово попало в народную латынь, на которой говорили галло-римляне и которая постепенно превратилась в современный французский язык. В современном французском слово *barre* обозначает не столько доску, сколько черту, перекладину или заграждение, от него образовалось еще одно слово, которое позже заимствовал русский, — «барьер». Но как же доска превратилась в обозначение питейного заведения? Да очень просто: барная стойка изначально представляла собой обычную доску, которую приколачивали к старым пустым бочкам. А от стойки и пошло название питейного заведения во французском и английском.

Не менее интересна история слова «бард». В отличие от бара и барьера, которые ни у кого, кроме лингвистов, не вызывают мыслей о кельтах, оно относится к тем словам, которые сразу отсылают читателя или слушателя к иностранной культуре. Однако русский язык смог его не только заимствовать, но и переосмыслить. Вот как объясняет это слово Толковый словарь Ожегова: «**БАРД**, -а, м. 1. У древних кельтов: певец-поэт. 2. Поэт и музыкант, исполнитель собственных песен».

Второе значение возникло в советское время, когда появились бородатые интеллигентные дяденьки, распевавшие грустно-наивные стихи под гитару. Этих самодеятельных

поэтов-певцов надо было как-то назвать. При этом название должно было быть достаточно красивым: хоть и именовали объединения бородатых романтиков КСП — клубами самодеятельной песни, но слово «самодеятельность» к тому времени уж слишком прочно приросло к поселковым клубам и приходившим в упадок провинциальным домам культуры. Вот и называли певцов под гитару бардами. (В раннем детстве, когда я еще не начала интересоваться кельтами, я была твердо уверена, что слово «бард» происходит от слова «борода», настолько впечатлил меня подчеркнуто мужественный облик каэспэшников). Ну а дальше больше — образовалось и новое прилагательное: стали говорить о бардовских песнях, бардовских фестивалях, бардовской эстетике. И вот что интересно: когда говорят или пишут о поэзии исторических кельтских бардов, то называют ее иначе — бардической.

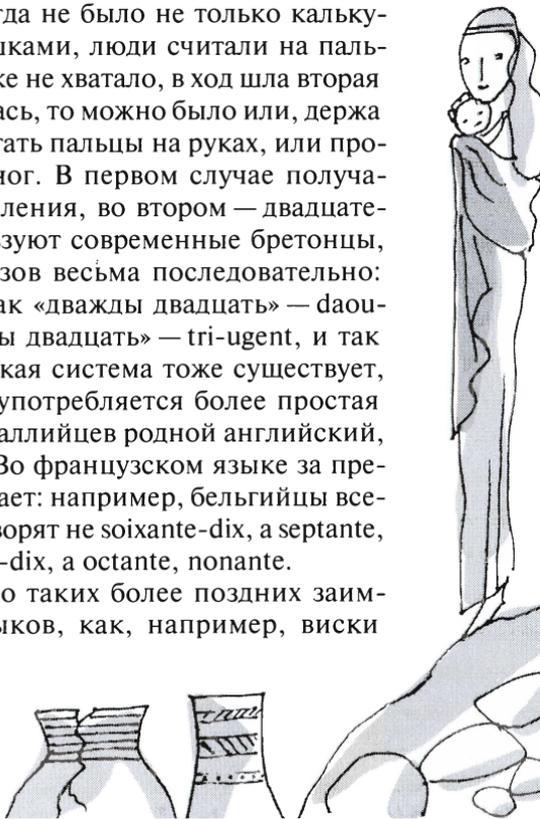
Но влияние кельтов заимствованием слов не ограничивается.

Все, кто когда-либо изучал французский язык, с ужасом вспоминают, с каким трудом им давались числительные. Освоить счет до пятидесяти труда не составляло, а вот дальше начиналась свистопляска. Ну скажите, как запомнить, что шестьдесят по-французски будет *soixante*, шестьдесят девять — *soixante-neuf*, а семьдесят — *soixante-dix*, то есть шестьдесят-десять? И дальше мы продолжаем счет в том же духе: шестьдесят-одиннадцать, шестьдесят-двенадцать, пока не дойдем до восьмидесяти. Тут нас снова ждет сюрприз — если по-русски восемьдесят это восемь десятков, то по-французски — четыре двадцатки, *quatre-vingt*. И чем дальше, тем сложнее счет: восемьдесят пять, к примеру, будет *quatre-vingt-cinq*, то есть $4 \times 20 + 5$. А чтобы сказать «девяносто», нужно произнести что-то вроде «четырежды двадцать да десять» — *quatre-vingt-dix*. Потом пойдут числительные типа «четырежды двадцать да одиннадцать» и так далее. А если учесть, что числительные второго десятка тоже состоят из двух частей, например, 19 будет *dix-neuf*, то есть десять да девять, то получается, что для того, чтобы сказать «девяносто девять», французу придется произнести буквально следующее: «четыре двадцатки да десять да девять». Жутко неудобно, правда?

Но откуда взялась такая сложная и к тому же непоследовательная система? Почему до пятидесяти французы считают десятками, а потом вдруг переходят на двадцатки? Без кельтов и тут не обошлось. Как мы помним, предком французского языка был тот латинский, на котором говорили в завоеванной римлянам Галлии, и понятно, что от классической латыни этот язык отличался примерно так же, как речь персонажей фильма «Мимино» от русского литературного (на котором и русские-то люди в повседневной жизни не разговаривают, его не на всякой радиостанции сейчас услышишь). Разумеется, «галльская латынь» хоть и оставалась латынью, но приобрела «кельтский оттенок». А в галльском языке, как и в родственных ему современных бриттских языках (валлийском, корнском и бретонском — о том, в каком родстве между собой состоят кельтские языки, я расскажу чуть позже), принято было считать не десятками, а двадцатками. Почему так — никто не знает.

Известно лишь, что сама идея подразделять числительные на десятки и двадцатки обуславливается строением человеческого тела: в древности, когда не было не только калькуляторов, но и счетов с костяшками, люди считали на пальцах. Если пальцев на одной руке не хватало, в ход шла вторая рука, а когда и она заканчивалась, то можно было или, держа один десяток в уме, снова считать пальцы на руках, или продолжать, используя пальцы ног. В первом случае получалась десятичная система счисления, во втором — двадцатеричная. Ее до сих пор используют современные бретонцы, причем в отличие от французов весьма последовательно: сорок по-бретонски звучит как «дважды двадцать» — *daou-ugent*, шестьдесят как «трижды двадцать» — *tri-ugent*, и так далее. В валлийском языке такая система тоже существует, но в разговорной речи чаще употребляется более простая десятичная — у большинства валлийцев родной английский, и им так считать привычнее. Во французском языке за пределами Франции тоже так бывает: например, бельгийцы всегда считают десятками: они говорят не *soixante-dix*, а *septante*, не *quatre-vingt* или *quatre vingt-dix*, а *octante*, *nonante*.

Я не стану здесь говорить о таких более поздних заимствованиях из кельтских языков, как, например, виски

(от ирландского *uisce beatha* — «вода жизни»; это слово пришло к нам через английский). Кельты оказали очень сильное влияние на культуру стран Западной Европы, а позже — США. Например, стиль музыки, называемый кантри, ставший настоящей визитной карточкой Северной Америки, — это упрощенный вариант ирландской народной музыки. Или как однажды остроумно и немного едко выразился один мой знакомый музыкант: «Кантри — это кельтская музыка, из которой вытрясли душу».

Совершенно не хочется заканчивать эту главу плачем по потерянному могуществу кельтов. Жизнь продолжалась, и кельты заняли новое место в изменившемся мире. Но прежде чем вести речь о более близких к нам временах, необходимо рассказать о кельтских языках — ведь это то, что до сих пор объединяет кельтские народы (хотя, конечно, современных кельтов объединяет не столько владение родным языком, сколько отсутствие этого владения и попытки сохранить и возродить свои языки). А я до сих пор рассказывала о чем угодно, только не о языках. Самое время восполнить этот пробел.

Как уже говорилось в самом начале, когда шла речь о кельтских народах, под ними я имею в виду тех, кто говорит или говорил до недавнего времени на различных кельтских языках. Самое время рассказать более подробно, что же это за языки такие и в чем их своеобразие и отличия от других языков.

Люди давно задумывались, почему одни языки похожи друг на друга, как близкие родственники, а другие отличаются очень сильно. Сравнивая между собой разные языки, ученые обнаружили, что некоторые из них действительно состоят между собой в родстве, некоторые в близком, некоторые — в очень далеком. И точно так же, как представители благородных семейств составляли генеалогическое древо своих предков, языковеды составили генеалогическое древо языков, состоящих между собой в родстве и распространенных от западных окраин Ев-

ропы аж до Индии. Так и называли эти языки — индоевропейскими. К индоевропейским языкам относится и русский. Считается, что все эти языки произошли от одного общего, который весьма условно называется праиндоевропейским. Языка этого никто никогда не слышал и ни одного текста на нем не записано. Языковеды примерно представляют себе, что это был за язык, как он был устроен, и даже могут частично восстановить слова и грамматику этого языка, но утверждать, что можно воссоздать этот язык полностью и говорить на нем, — это уж слишком. Хотя были и такие попытки.

Внутри индоевропейской семьи существуют группы. Из школьного курса мы знаем, что есть, например, славянская группа языков, куда, кроме русского, относят украинский, белорусский, польский, чешский, словацкий, сербский, хорватский и так далее. Славянская группа делится на подгруппы: мы различаем южные, восточные и западные славянские языки.

Кельтские языки тоже относятся к индоевропейским, они состоят в наиболее близком родстве с германскими языками (к германской группе относятся английский, немецкий, скандинавские языки и некоторые другие) и с италийскими, самым известным из которых является латинский язык и образовавшиеся от него романские языки (как мы помним, это языки бывших провинций Западной Римской империи — поэтому на романских языках говорят во многих странах Западной Европы от Португалии до Румынии).

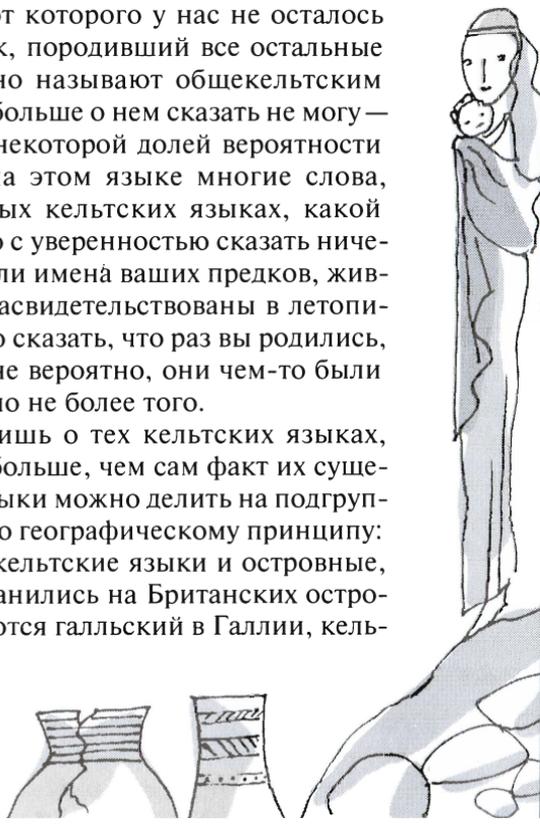
Это краткое и, может быть, несколько скучное введение нужно для того, чтобы у читателя не складывалось ложное впечатление, что кельты и их языки появились внезапно из ниоткуда. «Родословная» кельтских языков нам хорошо известна. Осталось разобраться в том, что за языки в кельтскую группу входят и какова степень родства между ними.

По поводу того, как разделить на подгруппы языки внутри кельтской группы, существует несколько мнений. В науке часто так бывает: на один и тот же предмет существует несколько точек зрения, причем каждая из них по-своему разумна и логически объяснима. И если ученый гово-

рит «Есть несколько гипотез, объясняющих это явление» или «Это можно объяснить вот так, а можно и вот эдак», не следует считать, что наукой занимаются какие-то дурачки или недоучки, не могущие раз и навсегда дать каждой вещи одно-единственное верное и понятное объяснение. Часто так бывает, что, выступая в какой-нибудь передаче и комментируя некое явление, научный работник высказывается осторожно, перебирая несколько вариантов, потому что хорошо понимает, сколь сложен и многогранен предмет разговора. А бравый журналист уверенно рассказывает то немногое, что он знает, да так, будто это и есть драгоценная истина в последней инстанции. И верят журналисту, даже если он по незнанию порет несусветную чушь: вот, мол, раз уверенно говорит, значит, знает, а этот недотепа сомневается — ничего не знает, стало быть. Это я говорю к тому, чтобы читатель не удивлялся, что одного-единственного и при том стопроцентно удачного и неоспоримого способа разделить кельтские языки на подгруппы нет.

Но для начала перечислю, какие кельтские языки нам известны. Самым древним, от которого у нас не осталось ни единой надписи, был язык, породивший все остальные кельтские языки. Его условно называют общекельтским или протокельтским. Ничего больше о нем сказать не могу — был, и все тут. Мы можем с некоторой долей вероятности предполагать, как звучали на этом языке многие слова, сохранившиеся в современных кельтских языках, какой могла быть его грамматика, но с уверенностью сказать ничего не можем. Точно так же, если имена ваших предков, живших веке в пятнадцатом, не засвидетельствованы в летописях, мы можем с уверенностью сказать, что раз вы родились, то предки у вас были, и вполне вероятно, они чем-то были похожи на вас сегодняшних, но не более того.

Дальше я буду говорить лишь о тех кельтских языках, о которых нам известно чуть больше, чем сам факт их существования. Итак, кельтские языки можно делить на подгруппы и так, и эдак. Во-первых, по географическому принципу: различают континентальные кельтские языки и островные, то есть те, которые распространились на Британских островах. На континенте у нас имеются галльский в Галлии, кель-

тиберский на территории современной Испании и лепонтийский в Северной Италии. На этих языках сохранились различные надписи, и поэтому мы можем составить хотя бы какое-то представление о них. Как уже понял читатель, на кельтских языках говорили и восточнее Галлии, и южнее (у тех же галатов, пока они не слились с местным населением, тоже какое-то время сохранялся свой язык), но мы говорим лишь о тех языках, на которых хотя бы что-то можно почитать.

К островным языкам относят как живые языки, так и мертвые: ирландский язык в Ирландии, шотландский в Шотландии, мэнский на острове Мэн, валлийский в Уэльсе, корнский в Корнуолле, кумбрийский, который был распространен предположительно до XI века на севере современной Англии и юге Шотландии, и бретонский в Бретани. Те, кто хорошо представляет себе карту Западной Европы, возмутятся: как это бретонский язык, распространенный на Армориканском полуострове, на территории Франции, на самом что ни на есть континенте, вдруг попал в число островных? Это не ошибка, ведь предки современных бретонцев, бритты, — бывшие островитяне.

Есть еще один признак, по которому кельтские языки можно разделить на две группы в зависимости от того, как они развивались после того, как общекельтский язык разделился на две ветви. Эти ветви лингвисты называли гойдельскими или q-кельтскими языками и бриттской ветвью или p-кельтскими языками. К гойдельским языкам относятся ирландский, шотландский и мэнский, а к бриттским — валлийский, кумбрийский, корнский и бретонский. Сходства между языками внутри подгрупп, тонких веточек, расходящихся от ветви общекельтского, бросаются в глаза всем, кто берется за изучение живых (или не очень) кельтских языков. А между подгруппами разница огромная. Если взять такие обиходные слова, как «голова» и «пять», то в ирландском языке мы увидим *ceann*, *coic*, а в современном бретонском те же слова будут звучать как *penn*, *petr*. Таких примеров наберется множество, так что можно говорить о закономерности: там, где в гойдельских языках звук, который произносится как [k], в бриттских будет

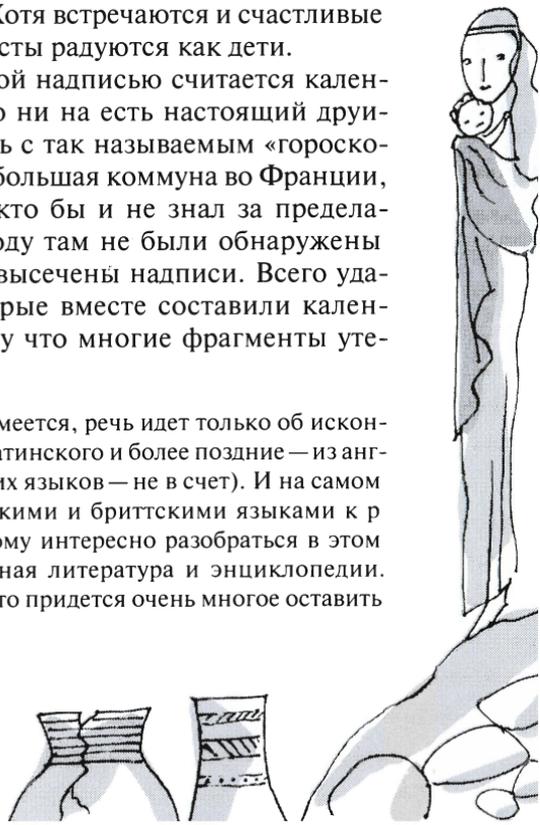
звук [p]¹. Оба эти звука происходят из индоевропейского *kw.

На всякий случай напоминаю читателю, что звездочка перед обозначением этого звука означает, что в текстах в таком виде он не засвидетельствован. А буква w, парящая в воздухе рядом с k, обозначает призвук, сопровождавшийся, вероятно, огублением, то есть произносили это «к», скорее всего, свертывая губы в трубочку, как будто хотели задуть пламя свечи. По тому, как этот звук отразился в островных языках, их можно разделить довольно четко. А с континентальными сложнее. Про галльский язык сложно сказать что-то вразумительное — бывает, что в одних и тех же словах встречаются и q-, и p-, хотя p- чаще; про кельтиберский и лепонтийский и сказать-то толком нечего: маловато текстов для того, чтобы делать какие-то выводы.

Число надписей на галльском, кельтиберском и лепонтийском исчисляется сотнями, но подавляющее их большинство удручающе однообразны: «такой-то, сын такого-то, воздвиг это (например, каменную стелу, на который высечена надпись) богу такому-то». И все. Хотя встречаются и счастливые исключения, которым лингвисты радуются как дети.

Самой знаменитой галльской надписью считается календарь из Колиньи — самый что ни на есть настоящий друидический календарь (не путать с так называемым «гороскопом друидов!»). Колиньи — небольшая коммуна во Франции, неподалеку от Лиона. Ее никто бы и не знал за пределами страны, если бы в 1897 году там не были обнаружены кусочки бронзы, на которых высечены надписи. Всего удалось найти 73 обломка, которые вместе составили календарь (увы, не полный, потому что многие фрагменты ут-

¹ Я очень и очень упрощаю. Разумеется, речь идет только об исконных словах (заимствования из латинского и более поздние — из английского, французского и других языков — не в счет). И на самом деле различия между гойдельскими и бриттскими языками к p и q не сводятся. Но для тех, кому интересно разобраться в этом как следуют, существует научная литература и энциклопедии. А это книжка популярная, так что придется очень многое оставить за кадром.

рны и пока что не обнаружены). Составлен и записан он был, по мнению исследователей, в первом веке нашей эры. Благодаря этой находке мы знаем названия галльских месяцев, а также много других интересных фактов. Например, то, что этот календарь был лунно-солнечным, и (как это ни печально для тех, кто во всем и везде стремится видеть кельтское своеобразие) не очень сильно отличался от календаря, которым пользовались греки и римляне. Интересно то, что галльский календарь делил и месяц, и год, и более длинные периоды на две половины — темную и светлую. Именно в таком порядке — сначала темная полоса, а потом — светлая. Это вполне стыкуется с тем, что рассказывает о галлах Цезарь: он упоминает о том, что счет они вели не по дням, а по ночам, и сутки у них начинались с ночи, а не с рассвета, как мы привыкли.

Год начинался первого ноября, с наступлением темного сезона. Нам известно, что в Ирландии началом года был праздник Самайн, когда два мира, наш и иной, соприкасались и можно было запросто проникать из одного в другой. С этим праздником вышла забавная история: ирландцы, в массовом порядке переселявшиеся в Северную Америку, завезли туда традицию праздновать Самайн в канун первого дня ноября. Со временем праздник полюбился и ирландцам и, как бывает в Америке, стал принадлежать всем, но при этом видоизменился и сменил название. Теперь его стали называть Хеллоуин. О том, что он символизирует начало нового года, забыли, а от встречи двух миров остались только передевания в ведьм и прочих чудищ да обычай делать устрашающую тыквенную голову со свечкой внутри. Мода на Хеллоуин распространилась далеко за пределами США и попала в Западную Европу, а позже и к нам. И не спешите называть его новомодным американским веянием — этому празднику больше двух тысяч лет.

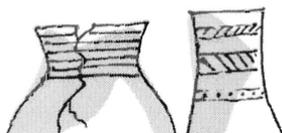
Весна начиналась первого февраля с праздника Имболк. Начало светлого времени года и летних сельскохозяйственных работ праздновали 1 мая (да-да, наш любимый праздник весны и труда тоже не после Октябрьской революции родился!). В Ирландии называли этот праздник Бельтайн, а следующим после него был Лугназад, названный так в честь

уже известного нам бога Луга, и праздновали его 1 августа. Когда в Галлию, Ирландию и другие кельтские страны пришло христианство, то старые праздники никуда не делись, просто их стали называть по-другому. Имболк стал праздником святой Бригитты в Ирландии и Шотландии, а во Франции 1 ноября празднуют День всех святых и вспоминают тех родных и близких, кто ушел в мир иной, — вот и отголосок встречи двух миров.

Год в календаре из Колиньи состоял из привычных нам 12 месяцев, но был на два дня короче нашего. А для того, чтобы примирить между собой лунный и солнечный календари, приходилось каждые два с половиной года прибавлять вставной 13-й месяц. Месяцы делились на короткие по 29 и длинные по 30 дней. Короткие месяцы считались «плохими» (именно так они и обозначены в календаре из Колиньи), а длинные — «хорошими».

Примерно так же, по всей вероятности, вели свое летоисчисление не только в Галлии, но и в других землях, населенных кельтами. Так что мы можем с большой долей вероятности сказать, что находка из Колиньи — это то немногое, что нам известно о «науке» друидов. Но были и другие интересные надписи.

Почти сто лет спустя, в 1983 году, во время охранных раскопок в местечке Ларзак археологи обнаружили свинцовые таблички, на которых был выцарапан текст. Дальше за дело взялись лингвисты. Края свинцовых табличек были слегка повреждены, но тем не менее специалистам удалось прочесть и понять целый текст на галльском языке. находка оказалась чрезвычайно интересной (журналисты в таких случаях сказали бы «сенсационной»). Написан текст был колдуньями, которые, обращаясь к местной богине Адагсоне, наводили порчу на своих враждебных коллег. Поименный список прокливаемых прилагался, причем особенно крепко доставалось там даме по имени Севера Тертионикна. Интересное имя, кстати говоря, — наполовину римское, наполовину местное. Чем эта Севера Тертионикна так насолила другим ведьмам, неизвестно. Здравый смысл заставляет предположить, что, возможно, речь шла о двух конкурирующих колдовских «корпорациях», которые что-то между

собой не поделили и решили свести счета таким вот образом. По почерку видно, что надписи наносили два разных человека, но строить предположения относительно того, что же побудило двух разных авторов исписать эти таблички именно так, мы не будем. На сегодня этот порченаводительный текст считается самой длинной галльской надписью. Но — кто знает? — вдруг в ближайшее время отыщется что-то еще более содержательное.

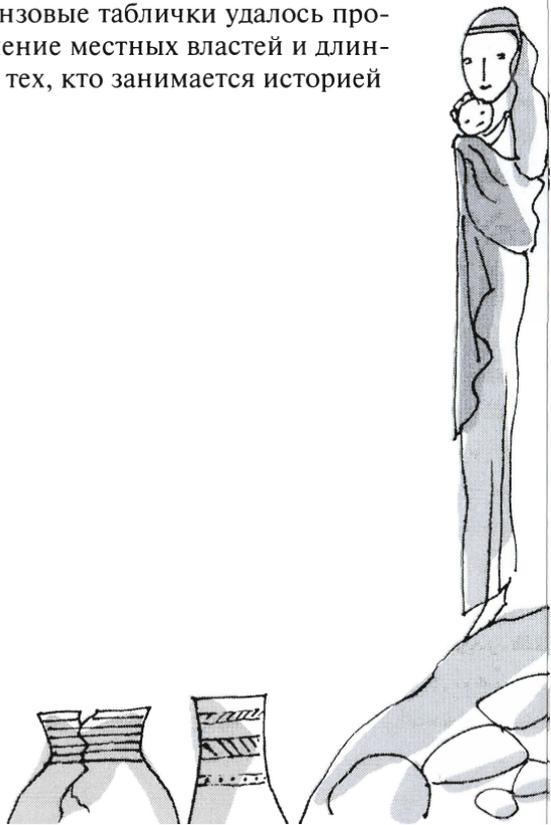
Похожая надпись-проклятие была обнаружена чуть раньше, в 1971 году в городке Шамальер. Проклятие не ограничивается поименным списком, оно уж очень забористое, с обращением к богам Нижнего мира, и направлено против каких-то персонажей с римскими именами, которые, по всей видимости, не сдержали клятвы или обещания. За это неизвестный автор таблички пытался наслать на них страшные болезни. В целом надпись понятная, за исключением последней строчки. На ней я остановлюсь особо, во-первых, потому что она сама по себе красивая, почти поэтическая, а во-вторых, на ее примере очень хорошо видно, как сложно читать надписи на мертвых языках. Галльский язык известен не так уж плохо по сравнению с кельтиберским и лепонтийским; большинство надписей прочесть и понять может без особого труда студент филологического факультета. Но бывают и сложные моменты, над которыми самые крупные специалисты ломают голову.

Надпись из Шамальера заканчивается строчкой: «luge dessummiis luge dessumiiis luge dessumiiis luxe». Очевидно, что здесь повторяются какие-то слова, схожие по звучанию и написанию, но, вероятно, имеющие разный смысл. Чтобы понять смысл темной фразы, лингвисты сближают встретившиеся в ней формы слов с уже известными и на основе этих сравнений делают предположения, которые очень часто подтверждаются, когда археологи находят новые надписи, где значение тех или иных слов и словоформ более ясно. Чаще всего бывает, что при таком подходе у разных ученых получается примерно один и тот же перевод. Но с этой фразой вышло иначе. Получилось аж пять вариантов:

1. Я приношу удачу клятвой (трижды), клятвой!
2. Уничтожь тех, кого я проклял (трижды), уничтожь!
3. Я готовлю (их) для бога Луга (трижды).
4. Я готовлю их для клятвы (трижды). Клянись!
5. Я исправляю их с помощью Луга (трижды), (с помощью) Луга!

И каждый перевод по-своему обоснован...

Еще сложнее бывает, когда от древнего языка остались рожки да ножки — надписей мало, какие-то выводы на их основе делать сложно. Долгое время так было с кельтиберским языком, пока археологи не обнаружили в Боторите, испанском городке неподалеку от Сарагосы, бронзовые таблички с надписями на кельтиберском. Читать их сложнее, чем галльские, так как алфавит, который использовали кельтиберы, был не совсем привычным: буква могла обозначать и один звук, и целый слог. Галлы-то чаще всего писали латинскими и греческими буквами, лишь добавляя некоторые знаки для звуков, которых ни в латыни, ни в греческом не было. И все же бронзовые таблички удалось прочесть и обнаружить постановление местных властей и длинные списки имен, ценные для тех, кто занимается историей кельтских языков.

Глава 12 Лениция, провекция и другие красивые слова

О древних языках можно рассказать еще много интересного, но эта книга не только о них. Поэтому перейдем к более близким нам временам и к языкам, на которых можно не только читать послания, пришедшие из глубины веков, но и поболтать с теми, кто на них говорит в наши дни.

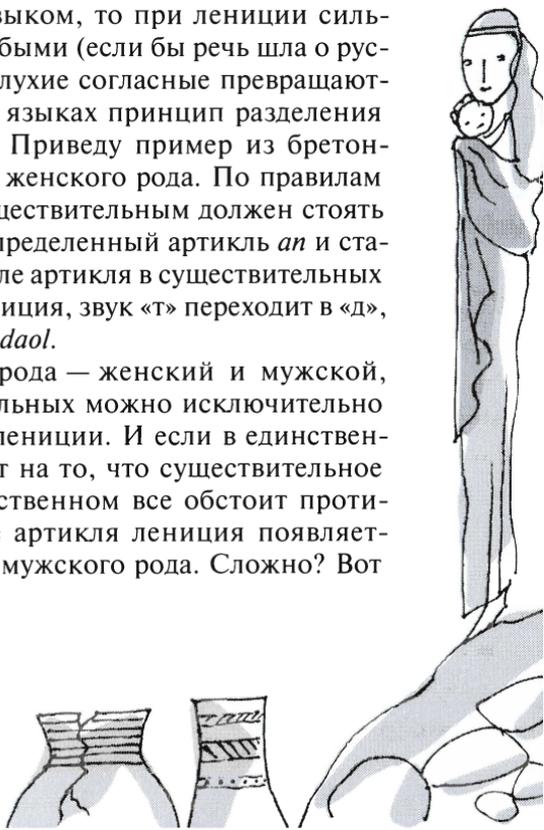
Разница между древними, континентальными кельтскими языками и современными, теми из островных, которые худо ли, бедно дожили до наших дней, огромная.

Древние кельтские языки по своему грамматическому строю были похожи на древнегреческий и латинский языки: например, в галльском, кельтиберском и лепонтийском были падежи. Падежи изначально были и в индоевропейском праязыке (считается, что их было

аж восемь), поэтому во всех древних языках, которые от него отпочковались (и от которых остались связанные тексты или хотя бы отрывочные надписи), имелась довольно сложная падежная система, примерно такая же, как в современном русском. В латыни, как и в русском языке, было шесть падежей, в древнегреческом — пять, а в галльском — шесть. Во многих современных европейских языках, таких как английский или французский, падежей нет. Вышло это так: еще в народной латыни окончания падежей стали произноситься нечетко, потом из шести падежей осталось два, прямой и косвенный. И в современном французском мы обходимся вообще без падежной системы. То же самое происходило с кельтскими языками: в древнеирландском языке было целых пять падежей, а в современном осталось только два. А в бриттских языках падежи и вовсе исчезли. Зато и в гойдельских, и в бриттских языках появилась такая оригинальная и изящная вещь, как мутация — изменение первого согласного звука слова. Приведу пример одной из мутаций, которую называют красивым словом «лениция».

Если говорить научным языком, то при лениции сильные согласные становятся слабыми (если бы речь шла о русском языке, мы бы сказали: глухие согласные превращаются в звонкие, но в кельтских языках принцип разделения согласных несколько иной). Приведу пример из бретонского языка: слово *taol* (стол) женского рода. По правилам в бретонском языке перед существительным должен стоять артикль, поэтому мы берем определенный артикль *an* и ставим его перед словом *taol*. После артикля в существительных женского рода происходит лениция, звук «т» переходит в «д», и в результате мы получим *an daol*.

В бретонском языке два рода — женский и мужской, и определить род существительных можно исключительно по наличию или отсутствию лениции. И если в единственном числе лениция указывает на то, что существительное женского рода, то во множественном все обстоит противоположным образом: после артикля лениция появляется только у существительных мужского рода. Сложно? Вот пример.

Слово *merc'h* (дочь) женского рода, поэтому об одной дочери мы скажем, используя определенный артикль *ar*: *ar merc'h*. Если же дочерей много, мы скажем: *ar merc'hed*.

Если возьмем слово *mab* (сын) с определенным артиклем, получим: *ar mab*. А во множественном числе: *ar vibien*.

Сложно? А если я прибавлю к этому, что, кроме лениции, в современном бретонском языке существуют еще и другие мутации с не менее красивыми названиями: провекция, спирантная мутация и вдобавок к ним смешанная мутация? Студенты, которым я преподаю бретонский язык в МГУ, поначалу удивляются: как же бретонцы говорят и при этом не забывают, какую мутацию когда делать? Я отвечаю вопросом на вопрос: а вы, когда говорите по-русски, задумываетесь всякий раз, в каком падеже должно стоять каждое из существительных, прилагательных и местоимений? Нет? Вы так привыкли говорить и вам так удобно? И тут же рассказываю им про одного знакомого француза, который был уверен, что в русском на самом деле не все так сложно с падежами, что его разыгрывают: ведь каждому нормальному человеку понятно, что на языке с таким количеством падежей говорить невозможно в принципе! Но мы же с вами как-то говорим, и ничего.

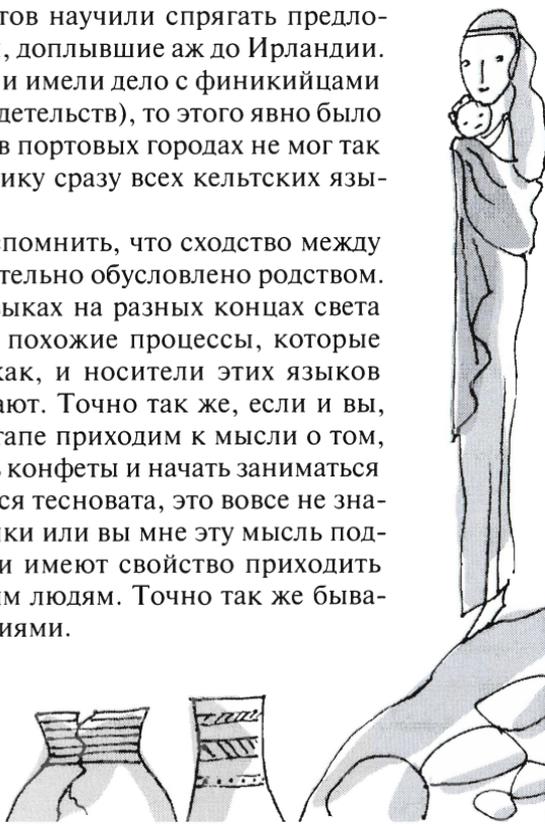
Так вот и те, кто с детства говорит на бретонском или на каком-нибудь другом кельтском языке, не задумываясь, соблюдают сложную систему правил, которые в грамматиках сводят в огромные справочные таблицы мутаций. Другое дело, что чем дальше, тем, увы, таких людей меньше. Поэтому в Бретани выпускают записные книжки и ежедневники, где в разделе «полезная информация» размещены не только телефоны службы спасения и почтовые индексы разных городов, но и сводная таблица мутаций.

Тем, кто изучает кельтские языки с нуля, придется потрудиться: выучить все мутации, научиться применять их, где надо, да еще научиться пользоваться словарем по-новому — ведь если вам в тексте встретится существительное с артиклем *ar vran* «ворона», то не следует искать его в конце словаря на букву *v*! Ищите его среди слов, начинающихся на букву *b* — *bran*. А если вам встретится *ar vamm* и вы, наученные горьким опытом, станете искать его на букву *b*, то снова промах-

нетесь — это слово *mamm* (мама). Просто оба звука, «б» и «м», при лениции превращаются в «в». Конечно, начинающим очень трудно, но человек ко всему привыкает, было бы желание.

Еще одна интересная черта грамматики современных кельтских языков — это так называемые спрягающиеся предлоги. Это значит, что предлоги, как и глаголы, могут изменяться по лицам и числам. Например, самый распространенный бретонский предлог *gant* (с). Для того чтобы сказать «со мной», мы должны немного изменить основу и прибавить личное окончание: получится *ganin*. С тобой — *ganit*, с ним — *gantañ*, с ней — *gantí*, с нами — *ganeomp*, с вами — *ganeoc'h* и с ними — *ganto*. И так — с любым предлогом. Ни в одном из индоевропейских языков такой интересной системы изменения предлогов по лицам и числам нет, зато она встречается в семитских языках (к ним относятся иврит, арабский и некоторые другие). Из этого не следует делать вывод, что кельтские языки состоят с семитскими в родстве, или, как утверждали некоторые любители экстравагантных гипотез, мол, кельтов научили спрягать предлоги ушлые финикийские купцы, доплывшие аж до Ирландии. Даже если в древности кельты и имели дело с финикийцами (чему, однако, нет прямых свидетельств), то этого явно было недостаточно: торг с купцами в портовых городах не мог так серьезно повлиять на грамматику сразу всех кельтских языков.

Поэтому остается только вспомнить, что сходство между языками совершенно не обязательно обусловлено родством. Часто бывает, что в разных языках на разных концах света начинают происходить очень похожие процессы, которые между собой не увязаны никак, и носители этих языков о таком сходстве не подозревают. Точно так же, если и вы, и я на каком-то жизненном этапе приходим к мысли о том, что пора перестать есть на ночь конфеты и начать заниматься спортом, а то одежда становится тесновата, это вовсе не значит, что мы с вами родственники или вы мне эту мысль подсказали. Просто умные мысли имеют свойство приходиться одновременно в головы разным людям. Точно так же бывает и с грамматическими явлениями.

О самых ярких и запоминающихся особенностях грамматики кельтских языков я рассказала, и на этом главу придется закончить, хотя как обычно за ее пределами остается еще много интересных вещей. И если читатель захочет познакомиться с грамматикой кельтских языков поближе (а интернет очень облегчает эту задачу — в наши дни вовсе не обязательно искать редкие книги в библиотеках), то перед ним откроется удивительный мир со своими законами и правилами, со своей необычной красотой и поэзией. В добрый путь! А мне предстоит еще многое рассказать о кельтах. С древностью мы более или менее разобрались. А дальше-то что было?

Часть
ВТОРАЯ

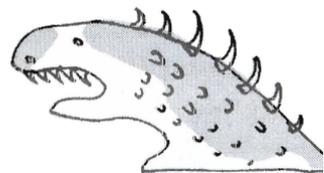
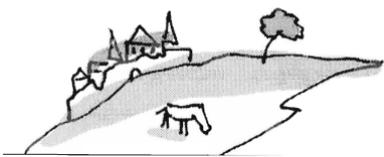

Глава 13 Не такое уж мрачное Средневековье

Когда мы учили в школе историю Средних веков, ее начало нам преподавали примерно так...

Орды диких варваров-германцев с гиканьем и свистом ворвались в пределы Римской империи, сметая все на своем пути, грабя, убивая и глумясь над цивилизованными людьми. Они жгли деревни и города, уничтожали памятники культуры и искусства по причине своей необразованности и глупости. Когда варвары дошли до Рима, античной культуре пришел конец: Рим пал, а вместе с ним — Римская империя. Солнце древнего мира закатилось, наступили Темные века, начало мрачайшей в истории человечества эпохи Средневековья. Колизей зарастает травой, которую меланхолично шиплют козы, обломки мраморных статуй валяются в непролазной грязи то тут, то там... В общем, ужас.

Такая упрощенная и несколько предвзятая картина, с одной стороны, очень хорошо остается в памяти школьника, особенно если учитель талантлив и в самых ярких красках живописует нашествие варварских орд. С другой стороны, любое упрощение создает ложное представление о предмете. Поэтому прежде чем вернуться к кельтам, придется сделать несколько уточнений и сломать еще несколько стереотипов, несмотря на все мое уважение к школьным учителям истории.

Итак, когда мы говорим о падении Римской империи, то не всегда помним, что к интересующему нас моменту, то есть к V веку (датой падения Рима считается 4 сентября 476 года, когда вождь германцев Одоакр заставил отречься от престола последнего римского императора Ромула Августа, которого современники презрительно называли не иначе как Августул — «Августиска»), Римских империй было две. Одна из них — Западная, которая, собственно, и пала под натиском германцев, и другая — Восточная, со столицей в Константинополе. И то, что нам преподают в школе, — это точка зрения потомков жителей Западной Римской империи. Окажись вы в сентябре 476 года на территории Восточной Римской империи, например в Антиохии или Эдессе, ваши рассказы о том, что Римская империя пала, были бы в лучшем случае восприняты местными обывателями как шутка. «Вай, дорогой, вот же она, Римская империя, — скажут вам местные римские граждане, смуглые и носатые, — и она вполне хорошо себя чувствует. В Константинополе спокойно (или почти спокойно) себе правит император, наука и искусство процветают, церкви и монастыри никто не разрушает, ученые мужи ведут сложные богословские споры — что и где пало, скажи, пожалуйста? Ах, на Западе? Ну это другое дело, нам-то что до того...»

Некоторая путаница возникает от того, что Восточную Римскую империю в нашей научной литературе принято называть Византией вслед за западноевропейскими историками. Назвали эту империю так по населенному пункту Византий, где обосновался император Константин I Великий в начале IV века. Но сами жители так называемой Византии об этом не подозревали и называли себя рим-

лянами или, на греческий лад, ромеями, а свое государство — римским, ромейским. Таким образом, Римская империя как таковая никуда не делась и продолжала существовать еще примерно тысячу лет.

Непосредственно к теме этой книги предыдущие два абзаца прямого отношения не имеют, но для полноты картины это уточнение не помешает: читателю так будет понятнее, почему привычный нам рассказ о Темных веках (то есть о периоде с VI по VIII век) при всей своей достоверности выглядит несколько неполным и однобоким. Итак, на востоке Римская империя продолжает жить и развиваться, а что творится на западных окраинах Европы?

Не так уж и плохо там живется, между прочим. Конечно, о восточном комфорте и благополучии жители кельтских окраин и не мечтают (хотя бы потому что не догадываются о наличии многих благ более развитой цивилизации). Но по сравнению с разоренными Галлией и Италией та же Ирландия казалась в те времена просто раем земным: туда германские орды не добрались и ничего не разрушили.

Менее благополучно обстояли дела у бриттов, которым пришлось сражаться с германскими племенами, англами и саксами. Бриттов оттеснили с востока и юга острова Британия. Об этом рассказывают не только исторические источники, но и трагическая валлийская поэма «Гододдин», автором которой считается бард Анейрин. Гододдин — это название одного из бриттских королевств, расположенных на севере острова. Главным городом Гододдина был город Дун Эдин, современный Эдинбург, ставший позже столицей Шотландии. Самой Шотландии (да и шотландцев) тогда еще не существовало: на острове до вторжения германцев жили бритты и пикты — народ, о котором известно не очень много. Некоторые исследователи полагают, что пикты были докельтским населением Британии и Ирландии, но не о них сейчас речь.

Около 600 года бритты потерпели сокрушительное поражение близ города Катрейт (сейчас это город Катерик в Йоркшире). Если верить поэме, из трехсот воинов лишь один остался в живых. Историки полагают, что на самом-то деле в этой битве участвовало не 300 бриттских воинов, а гораздо больше. Что ж, тем печальнее были для бриттов эти события.

Анейрин как бард, по всей видимости, не принимал участия в боевых действиях. В обязанности барда входило сочинение хвалебных песен в адрес короля или другого высокопоставленного покровителя либо печальных элегий в случае трагических событий, что и сделал Анейрин, благодаря которому мы можем сопереживать павшим героям и всему народу, утратившему независимость.

Итак, часть Британии была захвачена саксами и англами, которые и дали название покоренной территории: позже ее назовут Англией. За бриттами остались лишь земли на окраинах острова. Бритты удержались на севере современной Англии и на юге тогда еще не существовавшей Шотландии. Это королевство бритты называли *Hen Ogledd* — Старый Север. Там язык местного населения, который мы называем кумбрийским, просуществовал века до двенадцатого, после чего исчез, и никаких литературных произведений на нем не сохранилось.

Наиболее обширной территорией, на которой бритты оставались полноправными хозяевами, был (да по сути дела и остается) Уэльс, где до сих пор говорят, пишут, слушают радио и смотрят телевизор на валлийском языке — потомке бриттского. Южнее оставалась еще одна кельтская страна — Корнуолл, где долгое время сохранялся (и сейчас активно возрождается) корнский язык, тоже восходящий к бриттскому. Часть бриттов, как уже было сказано, переселилась по ту сторону Ла-Манша, в Галлию на полуостров Арморика. Переселение было долгим и растянулось как минимум на два века — с пятого по седьмой. Бритты привезли в эту отдаленную и дикую провинцию — эдакий галльский медвежий угол — и свой язык, и новую религию.

Христианство к тому времени было распространено в Галлии почти повсеместно. Исключение составляли совсем уж дикие края. Вот в такую не очень густо заселенную галло-римскими нехристиами отсталую область и прибыли переселенцы. Со временем они обжились, освоились. По дошедшим до нас сведениям, заселение западной части полуострова обошлось без особенных конфликтов с немногочисленным местным населением. В восточной части было посложнее найти пустующие земли, и бриттам приходилось

применять силу, чтобы укрепиться там. С этих пор Арморика стала называться Малой Британией.

Вот так вкратце можно изложить историческую версию происхождения бретонцев и их языка — единственного островного кельтского языка на континенте, но есть еще версия легендарная, жутковатая. Средневековая бретонская летопись «Хроникон» из Сен-Бриё представляет эти события следующим образом. Будто бы среди бриттских переселенцев был знатный военачальник по имени Конан Мериадек. Вместе со своей дружиной он отвоевал часть земли у жителей Арморики и решил остаться там навсегда. Бриттские воины хотели жениться только на своих соотечественниках, и несколько тысяч девушек отправились на кораблях из Британии в Арморикю. Однако их плавание кончилось трагически: поднялась буря, и корабли затонули. Снова собирать девушек и отправлять в опасное путешествие островные бритты не решились, и дружинникам Конана, равно как и ему самому, пришлось выбирать жен из местных красавиц. А для того, чтобы галльские женщины не передали детям свое наречие, каждой из них отрубили язык. С тех пор потомки Конана и говорят по-бретонски. По мнению историков, никакого отношения к подлинным событиям эта легенда не имеет, но времена действительно были жестокие — тогда вполне допускалось покалечить ближнего из каких-то высших стратегических соображений.

Несмотря на то что бриттам пришлось потесниться, в королевствах, располагавшихся на территории современных Уэльса, Корнуолла и Бретани, не наблюдалось какого-то резкого культурного упадка, и последующие века были для этих стран отнюдь не темными. Вспомним эпизод из жития святого Патрика: высадившись в Галлии, юноша оказывается в «пустыне» — дикой безлюдной стране, совершенно не похожей на привычные ему, по всей видимости, довольно плотно заселенные и хорошо обжитые местности.

Поскольку Галлия, Италия и другие, когда-то более богатые и развитые провинции Западной Римской империи утратили былой престиж, жители Великой Британии и Малой Британии стали хранителями и продолжателями традиций римской культуры и при этом гораздо более рим-

лянами по духу, чем их современники, жившие чуть южнее. И святой Патрик, и ему подобные британские интеллигенты (каковых было, судя по дошедшим до нас сведениям, немало) считали себя, с одной стороны, бриттами и, собственно, так себя и называли. С другой стороны, каждый культурный бритт владел не только родным языком, но и в обязательном порядке — латинским. На британском языке разговаривали в повседневной жизни, общались с представителями власти, а на латинском языке писали книги. Уже упоминавшийся бритт святой Гильда оставил потомкам захватывающее произведение «О гибели Британии» (*De Excidio Britanniae*), на латинском языке, в лучших традициях римской литературы, с полагающимися для того времени отсылками к библейским историям, но не без британского колорита. Для того чтобы читатель смог составить представление о британской литературе того времени (а заодно и о том, какой была тогда Британия), приведу отрывок из книги Гильды в переводе коллеги по МГУ Нины Чехонадской:

«Британия — остров почти на крайней границе [земного] круга — выровнена от юго-запада в направлении запада и северо-западо-запада божественными, как говорят, весами, которые взвешивают всю землю, занимая место ближе к северному полюсу. Она занимает в длину восемьсот миль, в ширину двести, не считая разнообразных мысов с протяженными косами, которые омываются изогнутыми изгибами океана. Она ограждена его весьма обширным и, скажу даже, непроходимым кругом отовсюду, за исключением пролива южного берега, которым плавают в Бельгийскую Галлию. Она орошается устьями двух благородных рек — Тамесиса и Сабрины, словно рукавами, через которые некогда суденышки привозили заморские предметы роскоши, а также другими, меньшими [реками]. Она украшена дважды десятью и дважды четырнадцатью городами, и многими укреплениями, и полезными сооружениями — стенами, зубчатыми башнями, вратами домов, коньки крыш которых грозными обрывами тянулись ввысь, скрепленные мощной скрепой».

Красота, да и только!

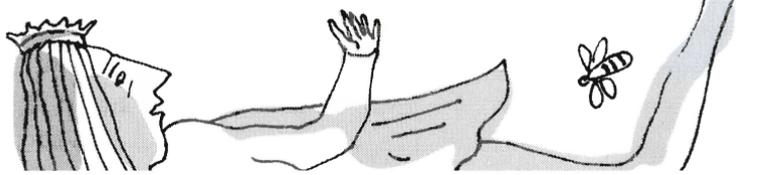
Однако вот во что превратилась эта прекрасная страна в результате войн с англосаксонскими захватчиками:

«Печальное зрелище! повсюду на улицах, среди камней поверженных башен, стен и святых алтарей лежали тела, покрытые запекшейся красной кровью, словно их раздавил некий чудовищный пресс, и не было для них иных гробниц, кроме развалин домов или внутренностей диких зверей и птиц небесных. Это говорю я с почтением к их святым душам, ибо многие из них поистине были святыми, и души их ангелы вознесли к небесам. И виноградник, некогда добрый, так дичает, что, по словам пророка, сборщики не могут увидеть там ни одной грозди, а жнецы — ни одного колоса.

Иные из оставшихся несчастных были загнаны в горы и безжалостно зарезаны. Другие, изможденные голодом, вышли и покорились врагу, готовые принять вечное рабство за кусок хлеба, если только их не убивали на месте, что уподоблялось наилучшей службе. Некоторые отправлялись за море, громко сетуя, как будто вместо команды гребцам они пели под раздутыми ветром парусами: «Ты отдал нас, как овец, на съедение и рассеял нас между народами». Другие остались на своей земле и, охваченные страхом, ввели свои жизни высоким холмам, укрепленным и неприступным, густым лесам и приморским скалам».

У ирландцев тоже не обошлось без переселений: некоторое количество жителей северной части острова из королевства Дал Риادا перебралось за море, на север Британии, где была основана Дал Риادا Шотландская. Переселенцев называли скоттами, и те, кто знает английский, легко догадываются, почему на этом языке Шотландия называется *Scotland*. Скотты вынуждены были соседствовать с исконными жителями северной части Британии — пиктами, и далеко не всегда мирно: в конце концов из ирландского поселения Дал Риادا выросло королевство Шотландское, а пикты постепенно исчезли со страниц истории, и воспоминание о них осталось в известной читателю балладе о вересковом меде.

И в Ирландии, и в бриттских королевствах буквально кипела интеллектуальная жизнь: в монастырях создавались литературные произведения, причем не только религиозного содержания. Те самые ирландские саги, где герои дерутся у брода, делят кабана и выносят друг другу мозг в самом буквальном смысле, записали ирландские монахи, которые

очень бережно относились к наследию предков. В те времена кельтская церковь жила по своему уставу и не подчинялась римской (позже конечно, римская церковь стала сильнее и смогла подчинить себе кельтскую и установить у бриттов и гойделов свои порядки). Ирландские монахи славились по всему тогдашнему христианскому миру: они не только проживали в монастырях, где создавали изумляющие до сих пор произведения искусства, такие как знаменитая Книга Келлз — Евангелие, украшенное тончайшими и сложнейшими узорами, которыми до сих пор вдохновляются художники.

Монахи ко всему прочему путешествовали по Европе с миссионерской деятельностью, при этом добирались не только до таких относительно ближних стран, как Галлия или Италии. Ирландские миссионеры побывали и на Руси и основали миссию в Киеве. Некоторые отправлялись в дальние паломничества, бывало, добирались до Иерусалима.

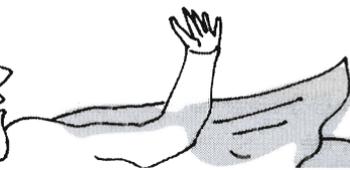
При этом паломники жадно впитывали все достижения тогдашней интеллектуальной мысли. В основном, конечно, их интересовало богословие, причем настолько, что некоторые историки полагают, что ирландское богословское учение того времени испытало на себе влияние даже сирийских отцов церкви. А по раннесредневековым европейским меркам Ирландия и Сирия (имеется в виду часть Восточной Римской империи, а не современное государство с таким же названием) — это вообще два противоположных конца изведенного мира. Но тогдашняя интеллигенция, похоже, не очень-то обращала внимание на расстояния и тяготы путешествий: общались и обменивались идеями вовсю. Такое впечатление, что для интеллектуалов того времени не существовало ни расстояний, ни дремучих лесов, ни разбойников на больших дорогах, ни других напастей. Хотя на самом деле всякое бывало — и болели, и умирали в дороге, и разбойникам попадались, и диким зверям на обед... Но, видимо, не так уж часто это происходило, и не таким уж страшным и опасным был мир, раз не особенно искушенным в воинском деле монахам удавалось столько путешествовать.

Тут приходится задуматься — такими ли уж непроглядно-темными были эти века, если рассматривать Средневековье

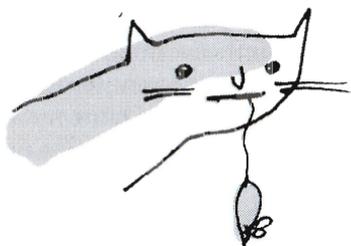
сквозь призму того, что мы знаем о кельтах? Не преувеличиваем ли мы всю эту средневековую жуть, уже привыкнув к тому, что в любой момент по дороге на работу и с работы можем попасть в автокатастрофу, стать заложниками террористов, жертвами злоумышленников, устраивающих взрывы в метро, или простых уличных грабителей?

Но одно дело — дальние поездки по средневековому христианскому миру, а уж из одной кельтской страны в другую неугомонные клирики, видимо, перемещались так же часто, как мы с коллегами по научному цеху: то там конференция, то тут конгресс. Один простой пример: иногда латинские рукописи, составленные бриттскими монахами, содержат пометки между строк или на полях. Такие пометки-переводы называют глоссами. Если составителю или переписчику было что-то не очень понятно по-латински, он надписывал над неясным словом перевод на родной язык. Для нас глоссы очень ценны, так как могут дать представление, скажем, о том, каким был корнский язык восьмого или бретонский язык девятого столетия от Рождества Христова. Но поди это представление так запросто составь...

Мне и моим коллегам иногда бывает очень сложно определить родной язык переписчика — валлийский, бретонский или корнский: века до XII эти языки не настолько разошлись, чтобы по отдельным словам отличить один от другого. «Что ж тут трудного? — возможно, удивится читатель. — Достаточно только узнать, кто и где написал эту рукопись. Если ее нашли в каком-нибудь монастыре в Бретани, значит, она написана по-бретонски, если в Корнуолле — то по-корнски!» Эх, если бы все было так просто! Даже если монах, автор рукописи, подписал ее своим именем (у бриттов такое бывало), это нам мало что дает: имена у бриттов были схожие по обе стороны Ла-Манша. А местонахождение монастыря нам еще меньше того скажет: известно, что жители Уэльса, Корнуолла и Бретани ощущали себя единым народом, и часто в одном монастыре могли жить и трудиться выходцы из всех трех стран. И если уж миссионеры с паломниками добирались и до Руси, и до Ближнего Востока, то переплыть Ла-Манш и за серьезное путешествие-то не считалось.

Глава 14
Белый кот Пангур, или Что творилось
в монастырских кельях

А сейчас мы узнаем, чем же, собственно, занимались эти самые монахи... О том, как выглядели ирландские монастыри, я уже рассказала в одной из предыдущих глав. А что же там происходило? А вот что:

С белым Пангуром моим
Вместе в келье мы сидим,
Не докучно нам вдвоем:
Всяк при деле при своем.

Я прилежен к чтению,
Книжному учению,
Пангур иначе учен:
Он мышами увлечен.

Эти строки написал на полях латинский рукописи ирландский монах, который сидел себе в келье, что-то читал, что-то переписывал, а иногда со скуки то кота гладил, то стихи сочинял. Напи-

сал эти стихи он, разумеется, по-древнеирландски, а на русский язык стихотворение перевел Григорий Кружков. Кончается оно такими строками:

Кот привык, и я привык —
 Враждовать с врагами книг.
 Всяк из нас своим путем:
 Он — охотой,
 Я — письмом.

Стихотворение, написанное в IX веке ради забавы, милое и живое, совершенно не было предназначено для широкой публики, и уж тем более автор его не мог предполагать, что именно этот «стих про кота» через тысячу с лишним лет станет всемирно известным. Но по прихоти судьбы, как только заходит речь об ирландской монастырской поэзии, абсолютно новом для того времени литературном жанре, все вспоминают этого самого белого кота по имени Пангур.

Если бы вы не знали, что этому стихотворению больше тысячи лет, то, наверное, особенного внимания бы на него не обратили. Попадись оно вам распечатанным на отдельном листке, вы бы, возможно, подумали: «Забавный детский стишок», и ничего больше — мало ли сейчас публикуется для детей всякой то более, то менее художественной всячины на религиозную тему?

А ведь когда-то давным-давно такие трогательные стихи были огромной редкостью: если про что и слагали строки, так это про битвы, про правителей и гербов. Любовные песни и поэмы — и те появятся через несколько веков на юге Франции (и произведут настоящий переворот в умах). А уж просто сочинить про то, как приятно посмотреть на кота и почесать его за ушком, да еще записать это — такое в той же Франции в IX веке вообще никому в голову не пришло. Но подобные стихи слагали, да еще как! И сочиняли их именно в Ирландии, ставшей на какое-то время центром святости и учености для всей Западной Европы.

Как уже было сказано, изначально поэт, как в Ирландии, так и в других кельтских странах, занимал особое место. Сложением стихов в раннем Средневековье занимались

две категории поэтов — филиды и барды. Филиды творили так называемую «ученую» поэзию, в которой действовали невероятно сложные и жесткие правила, а барды не были так стеснены формальными поэтическими ограничениями, но зато стояли ниже филидов на социальной лестнице. Филид — это мудрец, человек, который может общаться с иным миром. До крещения Ирландии святым Патриком филиды были не только поэтами, но и жрецами (я уже говорила о том, что историки не могут четко определить, входили ли филиды в состав друидической корпорации или были конкурентами друидов).

До принятия христианства в Ирландии существовал обряд выбора короля, называемый Бычьим праздником. Вот как рассказывал об этом мой учитель Виктор Павлович Калыгин в книге «Язык древнейшей ирландской поэзии»:

«Этот обряд состоял в том, что из мяса жертвенного быка готовилась похлебка. Ведущий (филид) ел мясо быка и сваренную похлебку, после чего ложился спать. Во сне ему являлся будущий король».

Просто и незатейливо, правда? А если представить, что вот так, в стиле «а теперь поели, можно и поспать», решались судьбы практически всех людей, населявших королевство, а то и их соседей? И что все зависело от того, какой сон филиду приснится? Даже интересно, какие хитрые политические ходы предпринимали кандидаты на пост короля, чтобы явиться филиду во сне...

Понятно, что филидом, да еще таким влиятельным, мог стать не каждый. Для этого требовалось терпение и хорошая память: на филидов учились в специальных школах, по всей видимости, продолжавших традиции школ друидов, о которых писал еще Цезарь. Учеба продолжалась двенадцать лет, правда, учебный год был довольно коротким — от Самайна до Белтейна (то есть с 1 ноября по 1 мая). Впрочем, лучше Виктора Павловича никто о филидах на моей памяти не рассказывал. Поэтому снова приведу цитату:

«Утром учитель вводил учеников в низкое здание с наглухо закрытыми окнами. После объяснения нового правила учитель давал задание, которое проверял вечером. Все это время ученики должны были находиться в темноте. Никаких записей

не допускалось. Указания на подобную процедуру, но не учения, а работы, есть в более ранних памятниках. Так, например, рассказывается, что король Кормак мак Арт, для того, чтобы подготовить закон, удалялся в темное помещение. Видимо, привычка сочинять в темноте становилась профессиональной условностью. Среди поэтов было много слепых, откуда часто встречающееся прозвище Dallán ot dall — «слепой».

Есть упоминания о том, что некоторые поэты специально ослепляли себя, причем часто лишали себя левого глаза: считалось, что именно этот глаз, перестав видеть окружающую действительность, созерцает иной мир, и таким образом его обладатель получает поэтический и провидческий дар. Насколько живуче воспоминание об этом среди интеллигенции кельтских стран, мне довелось узнать на собственном печальном опыте. Когда я вот-вот готова была получить диплом о втором высшем образовании, мне сильно не повезло: в результате несчастного случая я ослепла на левый глаз. Современная медицина сделала чудо, зрение восстановили, но на какое-то время читать и писать мне запретили. Я и до этого баловалась сочинением стихов, в том числе и на бретонском языке, а тут хочешь не хочешь надо чем-то себя занять... Ну и родилось нечто про тьму и поэтическое вдохновение. Едва получив от врачей «добро» на сидение за компьютером, я отправила стихотворение в Бретань своему редактору. Бретонцы мне хоть и сочувствовали, но каждый из них считал своим долгом напомнить, что для человека, пишущего стихи, ослепнуть на левый глаз — это что-то вроде обряда посвящения, так что в каждой гадости есть доля радости. Результатом всего этого стала литературная премия, торжественно врученная мне в городе Сен-Мало, в том числе за то самое стихотворение, написанное прямо-таки в духе древнейших кельтских традиций. Хотя, честное слово, я бы с удовольствием избежала такого опыта...

Но вернемся к филидам, добровольно погружавшимся во тьму. На протяжении всех двенадцати лет обучения им предстояло выучить наизусть множество поэм. Учебная программа нам известна, так как она с бюрократической скрупулезностью задокументирована в средневековых ирландских трактатах.

Первоклассник обязан был выучить 50 знаков местного алфавита огама, 20 произведений, называемых не совсем понятным словом *drécht*, и 6 поэм. Третьеклассник должен был полностью освоить огамический алфавит, чтобы в четвертом классе приступить к изучению законов. Чем дальше, тем, по всей видимости, сложнее становились поэмы, которые предстояло выучить наизусть. В шестом классе преподавался особый поэтический язык, не похожий на тот, который использовали, когда говорили или писали прозой. Те из моих коллег, кто переводил с древнеирландского саги, то есть прозаические истории с поэтическими вставками, с огромным трудом могли понять эти самые вставки: настолько странным, темным и путаным языком они были сложены. Невольно задаешься вопросом — а все ли ирландцы этот поэтический язык понимали? Наверное, нет, раз ему приходилось обучаться.

Все перечислять не стану, скажу только, что выпускник поэтической двенадцатилетки должен был знать, кроме сотен поэм, ритуалы и заклинания, главные саги, а также «предания о старине мест», объяснявшие, откуда пошло то или иное название долины, горы или поселения. Не последнее место занимало знание своих прав и расценок за услуги: тариф на поэтические сочинения был, по преданию, установлен легендарным поэтом Аморгеном еще в незапамятные времена.

Среди филидов существовала четкая иерархия, закрепленная законами: в их организации было семь ступеней. Высшую ступень занимали те, кого называли *ollam* — высочайшие. Но при этом все филиды, независимо от ступени, считались людьми благородными: «Есть три благородных сословия, — гласит один из средневековых ирландских законов, — епископ, князь, филид».

Как видно из этого закона, филиды после крещения Ирландии неплохо уживались с представителями церкви. После исчезновения друидов филиды в какой-то степени заняли их место. А поскольку, как мы помним, многие из них становились служителями церкви, стоит ли удивляться тому, что среди ирландских монахов было столько поэтов?

В отличие от филидов барды таким почетом не пользовались. В Ирландии, как в свое время и в Галлии, и в Британии, они были придворными сочинителями, и на них смотрели

немного свысока, хотя и жаловали, и милостиво одаривали. В средневековом Уэльсе, правда, бардам повезло больше: филидов там не было, и с тех пор, как друиды в Британии перевелись, барды отчасти заняли их место.

Если уж речь зашла об Уэльсе, то надо упомянуть о валлийской поэзии. Валлийские барды вошли как просто в историю, так и в историю мировой литературы. Об Анейрине, авторе поэмы «Гододдин», уже было сказано. Еще одним бардом, чье имя осталось в веках, был Талиесин. Он служил — иначе не скажешь — при дворе короля Уриена, которого и надлежало прославлять и увековечивать. Сложенные этим бардом поэмы вошли в знаменитую «Книгу Талиесина», которая предположительно была составлена в шестом веке: Уриен возглавлял королевство Регед до 570 года. Время, как мы помним, было беспокойное, поэтому в книге Талиесина речь идет о сражениях Уриена и его сына Овейна с саксами.

Читая книгу Талиесина вслух, невольно поражаешься — как же прекрасно подобраны слова: рифмуются не только последние слоги, но и слоги внутри строки! Барды использовали особую систему стихосложения, основанную на внутренних рифмах: мало того что внутри каждой строки повторялись созвучные слоги в определенном порядке, так еще и между строками существовала своеобразная переключка. А все вместе создавало завораживающую звукопись. Эта система внутренних рифм существовала не только в Уэльсе, но и в Корнуолле и в Бретани; схожая система аллитераций (созвучий) использовалась и в ирландской поэзии: у ее истоков явно стояла общая традиция. И традиция эта не прерывалась довольно долго: в Бретани барды исчезли рано, но в пьесах народного театра XVIII века персонажи произносят длинные монологи, буквально напичканные внутренними рифмами (не всегда удачными, но народная поэзия — это все же любительское творчество). И хотя этим пьесам далеко до настоящей «ученой» поэзии предшествующих веков, такая верность традициям впечатляет. Когда сложилась такая непростая система рифм, точно неизвестно. Но то, что ее создавали профессионалы, — несомненно. Без обучения и подготовки написать поэму, неукоснительно соблюдая все правила сочетания слогов, невозможно.

Валлийские барды — пожалуй, единственная бардическая корпорация, дожившая до Нового времени. Они просуществовали аж до XVIII века, сохранив старые традиции: бродячие барды, жившие то у одного, то у другого знатного господина и сочинявшие ему хвалебные и прочие стихи, образом жизни мало чем отличались от своих коллег по цеху VI века.

Так что в то самое время, когда, согласно школьным учебникам истории, над Европой сгустился сумрак невежества, кельтские окраины были озарены светом учености и искусства. И когда, по прошествии веков, потомки варваров и покоренных ими римлян слегка цивилизовались и потянулись к прекрасному, это прекрасное они тут же нашли у своих западных соседей.

Глава 15
Про короля Артура, дохлую птичку
и викингов

Еще не начав писать эту главу, развлечения ради забила в интернет-поисковике слова «Тристан и Изольда». Нашлось 334 тысячи страниц. Потом набрала в строке поиска «король Артур»: нашлось аж три миллиона страниц. Но Артура с большим отрывом переплюнул мудрый Мерлин — набралось аж 5 миллионов страниц с его упоминанием. По этой причине нудного вступления в стиле «всем известно, что такие персонажи кельтских легенд, как Тристан, Изольда, король Артур, рыцари Круглого стола и все остальные, кто с ними за столом сидел, стали чрезвычайно популярными в Западной Европе, начиная с XII века, и остаются таковыми по сей день», не будет за полной ненадобностью.

Наверное, каждый из читателей видел как минимум один фильм про этих выдающихся персонажей или читал

многочисленные фэнтезийные и пародийные произведения с их участием (первым из них, наверное, стоит считать «Янки при дворе короля Артура» Марка Твена). Поэтому пересказывать содержание артуровских легенд и стоящей немного особняком легенды о двух влюбленных, которые погибли из-за этого самого чувства, не стану.

Расскажу о другом. Почему именно кельтские легенды вдруг сделались так популярны у ближайших соседей и произвели переворот в сердцах, умах и в культуре французов, англичан, а вслед за ними и жителей других стран? Да потому что, как уже было сказано, в XII веке на территории современных Франции и Англии у богатых и знатных людей только-только начинала зарождаться потребность в литературе нового типа, где говорилось не только про героические подвиги и судьбы народов, но и про личные переживания, например, про любовь. Интереснее стало узнать не про то, как кто-то кого-то проткнул копьем в жаркой битве, а про некий мистический поиск. И тут-то оказалось, что все это уже есть, причем под самым боком! Кельтские окраины уже давным-давно создали литературу, где главные действующие лица были озабочены не только тем, как снести кому-то голову (без этого, понятно, ни одно интересное произведение не обходится), но и испытывают друг к другу разнообразные чувства, которые могут толкнуть человека на самые неожиданные поступки.

Так началась первая волна моды на кельтов. Во Франции стало даже престижно учить бретонский язык для того, чтобы насладиться изысканной поэзией в оригинале. Так, об одной прекрасной даме говорили:

«Ее красота была совершенной с любой точки зрения. Умная и приветливая, она одинаково хорошо говорила по-бургундски, по-франсийски, по-фламандски и по-бретонски...»

Пересказы бретонских песен во Франции были чрезвычайно популярны. Мария Французская, выдающаяся поэтесса того времени (то есть второй половины XII века), занималась не сочинением собственных произведений, а переводила (или скорее пересказывала) бретонские лирические песни, называемые лэ. Оригиналы, то есть сами сред-

невековые бретонские песни, до нас не дошли, но сюжеты, которые сохранились в пересказе французской поэтессы, дают представление о том, над чем плакали чувствительные дамы того времени.

Например, одна из историй была такая. В бретонском городе Сен-Мало жил-был один рыцарь. И у него была жена. А эта жена любила другого рыцаря, и он ее тоже. И вот второй рыцарь приходил по ночам под стены замка первого и смотрел на окошко, у которого стояла его возлюбленная: она вставала ночью, чтобы посмотреть на влюбленного красавца. Встретаться они, понятное дело, не могли: у замка стены толстые и охрана бдит денно и ночью. Но ночные отлучки из супружеской постели здорово поднадоели мужу дамы. Он стал приставать к ней с расспросами — с какой такой радости она торчит у окна? «Там соловей так приятно поет, вот я и слушаю», — отвечает жена. Муж бурчит в ответ что-то типа: «Был соловей — нет соловья, так что спи, как все люди» и подстреливает ни в чем не повинную птичку, после чего швыряет трупик жене. Жена, забрызганная кровью, понимает, что теперь никакого предложения проставать ночи напролет перед окном нет. После недолгих раздумий дама решила сделать прощальный подарок возлюбленному: она завернула мертвую птичку в вышитую тряпочку и отправила несчастному рыцарю в знак того, что муж все прознал и теперь смотреть друг на друга по ночам не получится. Влюбленный в память о прекрасной даме заключил дохлую птичку в шкатулку и хранил эту шкатулку в память о великой любви до самой смерти, всюду нося ее с собой.

Конечно, у современного читателя ношение дохлятины в коробочке вызовет некоторую брезгливость, но понятия о гигиене в Западной Европе в Средние века были весьма далекими от современных. Развивать сию тему не буду — кто знает, может быть, вы эту книгу за столом читаете...

Кроме соловьев и отчаявшихся любовников, в лэ Марии Французской встречаются Тристан и Изольда, которым посвящена «Песня о Жимолости», а в песне «Ланваль» рыцарь, носящий это имя, служит у короля Артура.

Про Артура надо сказать особо. Как литературному персонажу ему здорово повезло: он был героем летописей по обе

стороны Ла-Манша (как британских, так и бретонских), валлийских легенд, позже — рыцарских романов в Англии, Франции и Германии и более поздних произведений, включая современные фильмы и компьютерные игры. Впервые о нем упомянул в 800 году валлийский монах Ненний, автор известной летописи «История бриттов» (*Historia Britonum*). Позже, в XII веке, об Артуре несколько более подробно рассказал Гальфрид Монмутский в «Истории королей Британии» (*Historia Regum Britanniae*): он поведал читателю подробную биографию героического короля. Несмотря на свое научнообразное название, эта «История...» похожа скорее на сборник валлийских легенд: уж очень много там фантастического и сказочного.

При чтении «Истории королей Британии» создается впечатление, что, несмотря на всю фантастику и сказочность повествования, король Артур — лицо историческое. Однако на сей момент никаких исторических лиц с таким именем и хотя бы с отдаленно схожей биографией не обнаружено. Скорее всего прототипом легендарного короля был кто-то из реально существовавших бриттских правителей, сражавшихся с саксами. Среди возможных претендентов на роль Артура — бритто-римский полководец Амвросий Аврелиан, давший в свое время саксам серьезный отпор. О нем пишет и уже знакомый нам святой Гильда, и ныне почитаемый святым Беда Достопочтенный, и Гальфрид Монмутский. Последний, правда, считал Амвросия дядей Артура.

Многие авторы полагают, что на должность Артура уместнее было бы назначить римского военачальника Луция Артория Каста — у него хотя бы имя созвучное. Одна неувязка — этот человек жил на свете на несколько столетий раньше битв с саксами, во втором веке. Куда лучше звучит версия, согласно которой «исторический Артур» — это Артуир мак Айдан, король Дал Риада, сражавшийся на территории современной Шотландии против пиктов как раз в шестом веке. Есть и другие претенденты среди бриттских королей V–VI веков, так что фантазировать можно сколько душа желает. Но мне все же проще сказать: мы не знаем, кто был реальным прототипом короля Артура и был ли таковой вообще. В конце концов, вполне возможно, это некий собирательный образ

идеального короля, до которого ни один человек по определению не дотягивал. И артуровские легенды от такого утверждения хуже не становятся.

Но не будем останавливаться на том, как именно кельтские народы повлияли на куртуазную литературу. Это уже другая опера, в которой кельты не принимают непосредственного участия.

Нам придется перейти к теме, печальной как сама смерть Артура. А именно: в тот самый момент, когда уже более или менее просвещенная Европа начала зачитываться рыцарскими романами, мир кельтских окраин стал шатким и хрупким.

Началось все несколько раньше, когда над кельтскими странами нависла первая серьезная угроза: место полуголых ирландских пиратов заняли викинги. Теперь уже они стали наводить ужас на мирных мореплавателей. Но не только на них. Викинги высаживались на побережьях, убивали, грабили, жгли монастыри и, как филолог не премину заметить, уничтожили при этом массу ценнейших рукописей как на латинском, так и на кельтских языках. Так и хочется этим разбойникам руки-ноги оторвать, но уже поздно. Впрочем, если бы у кого-то была возможность противостоять викингам, то и без меня бы им конечности поотрывали и головы снесли за милую душу. Но, по всей видимости, противостоять им на тот момент никто не мог. Последствия набегов викингов на кельтские окраины были плачевными: на протяжении более чем двухсот лет береговая линия подвергалась периодическим разорениям, а кое-где викинги проникали и дальше и захватывали земли кельтов.

В 839 году скандинавы основали свое королевство на севере Ирландии, и только в начале XI века ирландцы под предводительством короля Бриана Бору смогли их победить.

Разумеется, укрепившись на Изумрудном острове скандинавы стали наводить там свои порядки: так появились в Ирландии первые города и замки. До того даже Темра (или Тара), королевская резиденция, была просто большим поселением и на город никак не походила. Даже столица современной Ирландии, город Дублин, тоже был основан викингами. Так что с известной натяжкой можно сказать, что и от викин-

гов была какая-то польза, но вреда и для Ирландии, и других кельтских стран было гораздо больше. Бретань, например, до скандинавских набегов была вполне процветающим государством, наводившим страх на соседнюю страну франков. Но после разорений прибрежных городов и поселений (а Бретань омывается морем с трех сторон, и фактически полстраны там жило и до сих пор живет на побережье) что-то надломилось, и дальше началась многовековая история постепенного подчинения все более и более сильной Франции. Уэльсу, Корнуоллу, Шотландии и острову Мэн, а позже и Ирландии пришлось иметь дело с хитрым и сильным врагом — Англией и тоже расставаться с независимостью.

Французы и англичане, воспитанные на чтении артуровских романов, совершенно не задумывались о том, что покоряют наследников того самого великого короля. Как обычно бывает, соседей, потерявших независимость и былую славу, со временем стали считать диковатыми, недалекими и некультурными. И уже веке в пятнадцатом ни одной придворной даме не пришлось бы в голову хвастаться знанием бретонского языка.

Так что придется закончить эту главу на печальной ноте и процитировать «Смерть Артура» Томаса Мэлори в переводе И. Берштейн: «И более про Артура я ничего не нахожу в моих верных книгах, и про смерть его я тоже больше ничего надежного и достоверного не слышал, кроме лишь того, что на корабле, его увезшем, были три королевы: одна была сестра короля Артура королева Фея Моргана, другая — королева Северного Уэльса, а третья — королева Опустошенных земель...

Однако многие люди во всех краях земли Английской полагают, что король Артур не умер, но был по воле Господа нашего Иисуса перенесен отсюда в другие места; и говорят, что он еще вернется и завоюет Святой Крест. Я, однако, не стану утверждать, что так будет, вернее, скажу: в этом мире он расстался с жизнью. Но многие рассказывают, будто на его могиле написано так: “*Nic jacet Arthurus rex quondam rexque futurus!*”».

Но пока что о возвращении Артура ничего не слышно...

---

¹ Здесь лежит Артур, король в прошлом и король в грядущем (*лат.*).

Глава 16 Ты никто и звать тебя никак

а они все, все у нас отняли, даже имена! — кипятился валлиец Даррен Льюис, преподаватель английского в одной из московских школ. — Вот скажи, почему у меня фамилия Льюис?

Не дожидаясь ответа (мне-то откуда знать?), он продолжил:

— На самом деле моего предка звали Ллевеллин. Но нету, понимаешь, нету такого английского имени. А сохранять валлийские нам было нельзя. Был Ллевеллин — стал Льюис... А какие у нас раньше были красивые имена! Существовало что-то вроде русских отчеств. Например, Ллевеллин ап Давид. «Ап» значит сын. У некоторых имена состояли из восьми частей, то есть по имени можно было узнать сразу о восьми поколениях. Но их запретили. Ты можешь себе это представить — запретить имя?

А еще валлийцам насильно придумали фамилии.

Даррен тряхнул пепельными локонами и раздраженно отставил пластиковый стакан с чаем. Мы сидели в университетском буфете МГУ: Даррен решил присоединиться к моим студентам, изучающим бретонский, и часто комментировал мои высказывания словами «...а вот у нас в Уэльсе». Получилось очень интересно и познавательно.

— ...У нас в Уэльсе вообще говорят, что половина валлийцев носит фамилию Джонс, а остальные Дэвисы. Это шутка, конечно, есть и другие фамилии: Дженкинс, Льюис и прочие, но правда то, что разнообразия никакого. А все почему? Фамилии нам искусственно придумали англичане. Не было у нас фамилий, понимаешь, не было!

С одной стороны, его монолог выглядел уж слишком пылко — сколько народов за всю историю подвергались более серьезным гонениям! Численность одних сокращалась в разы из-за геноцидов, другие подвергались массовым репрессиям, депортациям... В конце концов, у меня тоже фамилия русифицированная, но моих предков это мало волновало: в отличие от многих соплеменников живы остались, и то спасибо, а там, как говорится, хоть горшком назови, только в печь не ставь.

Для большинства современных жителей Западной Европы, где последняя война прогремела в середине прошлого столетия, физическое истребление — это какая-то непонятная штука, которая случается в «диких» странах с «нецивилизованными людьми». И прикинуть это на себя сложно. Разве что ирландцы могут считаться за исключение: мир на севере острова наступил не так уж и давно.

Поэтому большинство современных западноевропейцев как-то больше упирают на так называемый культурно-лингвистический геноцид. Много говорят о потере идентичности, адекватного самоощущения и так далее. Но если перестать рассуждать в стиле «нам бы ваши проблемы!», то гнев моего собеседника понятен. Запретить человеку использовать свое имя — это все равно что сказать: «Ты никто и звать тебя никак». И для представителей современных кельтских народов это унижительно. Иногда из чувства протеста представители нацменьшинств используют два варианта имени:

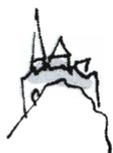
одно «паспортное», а другое «национальное». Бывают забавные ситуации. Я была очень удивлена, когда случайно узнала, что одного моего старшего коллегу по кельтологическому цеху ирландца Шеймаса на самом деле (то есть по паспорту) следовало называть Джеймс. Рассказывали мне также об одной ирландке, которая для своих была Эвелин Мак-Гава, а для посторонних Лин Смит. И Мак-Гава, и Смит хоть и звучат не похоже, на самом деле это одна и та же фамилия, и если бы эта дама захотела переделать свое имя на русский манер, то с тем же успехом стала бы Линой Кузнецовой.

Но потеря имени — всего лишь финальная точка в длинной истории подчинения, и точнее будет расшифровать это послание победителя так: «Твоя борьба кончена, и с этого момента навсегда ты никто и звать тебя никак».

Возможно, именно поэтому мой собеседник так кипятился: не столько в имени дело, а в истории подчинения кельтских народов. Валлийцам еще относительно повезло.

С того самого времени, когда бритты с превеликим плачем вынуждены были оставить часть своих владений, собственно, и начинается история Уэльса. Начинается она, если вновь процитировать святого Гильду, таким образом: «...Но до нынешнего дня города нашей страны не заселены так, как прежде; они стоят опустевшие и разрушенные, поскольку, хотя войны с чужеземцами прекратились, междоусобные войны продолжают. Столь безнадежное разорение острова и его нежданное спасение случились на памяти ныне живущих, которые стали свидетелями обоих этих чудес. Тогдашние цари, начальники и их подчиненные, священники и церковники еще служили установленному порядку; но после они умерли, и пришло поколение тех, кто не видел этой бури и знал лишь нынешнее спокойствие».

Итак, наступило время относительного спокойствия. Это не значит, что никто ни с кем уж совсем не воевал. На территории современного Уэльса было несколько королевств: Гвинед, Дехейбарт, Поуис и другие, более мелкие. Понятно, что между этими королевствами шла более или менее постоянная вражда, периодически обострявшаяся до военных действий. Видимо, на должность королей везде и во все времена назначают исключительно раздражительных, нерв-

ных и неуживчивых людей, потому что читаешь историческую литературу и невольно думаешь: ну почему бы им всем не договориться жить спокойно, раз уж уцелели после таких страшных событий? Но я не историк и эту тему развивать не буду. Скажу только, что на протяжении нескольких веков валлийские королевства жили себе относительно неплохо, правда, им не удавалось избегать стычек с англосаксами, тоже основавшими некоторое количество королевств (а может, никто столкновений и не избегал, а наоборот, всячески их провоцировали).

В 1066 году ситуация несколько изменилась. Из-за Ла-Манша приплыли новые завоеватели — нормандцы. Про них тоже следует сказать пару слов. Очень часто их путают с норманнами, то есть викингами. И путаница эта не случайна: в IX веке уже известные нам викинги творили безобразия на северном побережье Франции и даже оккупировали ее часть. И выгнать их оттуда не было никакой возможности. Только в начале следующего, десятого столетия французский король, которого хоть и звали Карл III Простоватый, вместо того, чтобы воевать с норманнами, мудро решил отдать им прибрежную территорию и привести их к присяге. Так появилось герцогство Нормандское, ныне — французская провинция Нормандия. И жителей ее во избежание путаницы принято называть нормандцами, с буквой «д» в середине.

Так вот эти самые нормандцы во главе с Вильгельмом, получившим вскоре прозвище Завоеватель, оккупировали Англию. У валлийцев появились новые соседи. Не сказать чтобы очень спокойные: они попытались подчинить себе валлийские королевства, но не тут-то было. До XIII века Уэльс сохранял свою независимость, хотя чем дальше, тем сложнее было ее отстаивать. Как обычно бывает у кельтов, объединиться перед лицом опасности, несмотря на множество попыток, почему-то не выходило. Последнюю и относительно удачную попытку установить центральную власть предпринял Ллевеллин III ап Грифид, король Гвинед. В 1282 году он был убит в бою, и, как это принято в Уэльсе, поэт Грифид аб ир Инад Кох сочинил элегию на его смерть. В общем-то это была в каком-то смысле поэма на смерть независимости самой страны.

Наследником Ллевеллина стал его брат Давид, который попытался продолжить сопротивление англичанам, но через несколько месяцев был схвачен и доставлен королю Эдуарду, а позже — казнен. В 1283 году королевство Гвинед было окончательно подчинено Англии.

Речь шла не только о победе над Гвинедом: Эдуард I рассчитывал на присоединение всего Уэльса. По преданию, он действовал не только силой, но и хитростью. После победы английский король собрал цвет валлийской знати и предложил присутствующим стать вассалами Англии. Если верить английским хроникам, он действовал тактично, ничего никому не навязывая, с готовностью пойти навстречу пожеланиям валлийцев и принять их условия. Был ли король на самом деле таким либеральным, мы не знаем, но по одной из версий условия ему были выдвинуты такие: необходимо, чтобы Уэльсом правил местный уроженец, к тому же не знающий ни слова по-английски. Эдуард смиренно принял выдвинутые условия и тут же дал торжественную клятву, что выполнит их в точности. И когда договор о вассальной зависимости был подписан, король (очевидно, с демоническим злорадным смехом) вынес из шатра своего маленького сынишку, тоже Эдуарда, который родился за несколько дней до того в валлийском городе Карнарвоне и, разумеется, пока что по-английски (равно как и на других языках) не говорил. «Вот вам принц Уэльский, уроженец вашей страны!» — торжествуя воскликнул король. О том, что сказали в ответ валлийцы, предание умалчивает, ибо таких слов интеллигентные летописцы не знали. Разумеется, это только легенда — как было на самом деле, нам неизвестно, но именно с тех пор все наследники английского престола носят титул «принц Уэльский».

Чтобы победа над Уэльсом была закреплена символически, Эдуард I приказал вывезти из завоеванного королевства все знаки власти и реликвии местной династии. Корону Ллевеллина отправили в Вестминстер, в часовню святого Эдуарда, которая до наших дней не сохранилась, а печати валлийских королей и королей попросту переплавили. Ценную для христиан Гвинеда реликвию, Нейтский крест, по поверью, заключавший в себе частицу Истинного Креста, торжественно пронесли по лондонским улицам.

Этими ритуальными действиями английский король без всяких слов заявлял во всеуслышание: «Нет больше королевского дома Гвинеда, нет больше такой королевской династии, есть только мое королевство и моя династия!» (и снова напрашивается продолжение в стиле «А вы, валлийцы, теперь никто и звать вас никак»).

И все в этой истории было бы совершенно банальной драмой подчинения одного народа другим, если бы не одно интересное обстоятельство: валлийцы ухитрились какое-то время, несмотря на все это, править Англией.

А вышло это так. Жила-была в Уэльсе с незапамятных времен (как минимум со времени римского владычества в Британии, а то и раньше) аристократическая семья по имени Tudur (читается приблизительно как «Тидир»). Имя это само по себе громкое: так звали царей-королей не только у древних бриттов, но и у галлов, и изначально это имя звучало как Toutorig, король тоута или туата, то есть племени и страны. Так нарекали, естественно, только самых знатных — тех, кто либо занимал должность правителя, либо состоял с ним в родстве. Но дальше мы будем называть эту династию не Тидирами на валлийский манер, а Тюдорами, так, как у нас принято давным-давно, с тех пор, как это семейство стало известно далеко за пределами Уэльса.

Первым представителем Тюдоров, появившимся на страницах английской истории, был человек по имени Оуэн ап Мередит Тюдор, живший в XV веке. Он женился на вдове Генриха V — Екатерине Французской. У них родились сыновья Эдмунд и Джаспер. Эдмунд Тюдор женился на Маргарите Борфорт, которая была представительницей одной из ветвей королевского рода, а их сын Генрих впоследствии стал королем. Его пусть к власти был немного витиеват, так как время для Англии было беспокойное — шла война Алой и Белой розы. Поскольку других претендентов на престол попросту поубивали, то Генриха прямо на поле боя провозгласили королем, присвоив ему седьмой порядковый номер. На своей эмблеме он объединил две розы, алую и белую, и вообще правление Генриха VII было мирным и способствовало укреплению престижа Англии. Так на какое-то время,

до прихода к власти шотландских Стюартов, английские короли носили валлийскую фамилию.

Правда, нельзя сказать, что для Уэльса это было исключительно благом. Да, валлийцы были и оставались самым благополучным кельтским народом из всех, они избежали жестокостей, подобных тем, что пришлось пережить населению Ирландии. И тем не менее воцарение Тюдоров нанесло удар по валлийской культуре: многие аристократы вместе с новым королем перебрались в Лондон.

Барды, бывшие важными персонажами при королях и позже, после упразднения королевской власти, служившие знати, были в Лондоне не нужны. Это не значит, что они полностью исчезли как класс: я уже говорила, что традиции бардов дожили до Нового времени. Но, как обычно бывает, английская культура и английский язык сделались более важными и престижными.

А валлийская поэзия со сложной системой внутренних рифм и богатством поэтического словаря дожила до наших дней во многом благодаря усилиям энтузиастов, придумавших ежегодные поэтические состязания.

Глава 17 Храброе сердце и независимый остров

История присоединения Шотландий к Англии куда более драматична. Увы, у меня нет знакомых шотландцев, чьими горестными воплями можно было бы украсить начало этой главы, поэтому ограничиваюсь сухими фактами.

Итак, возвращаемся в XIII век. В то время как в Уэльсе идет война и правители Гвинеда пытаются сохранить независимость, на севере назревает не менее серьезный конфликт. В 1286 году умирает шотландский король Александр III, у которого нет наследников мужского пола. В результате шотландский трон достается его внучке Маргарите. Разумеется, этому решению предшествовали различные споры родственников, которые считали себя претендентами на престол. Маргарита была прозвана Норвежской Девой, так как была рождена

дочерью Александра, вышедшей замуж за короля Норвегии. На момент провозглашения королевой бедняжке было всего семь лет.

Все тот же уже известный нам Эдуард I, оценив ситуацию, решил женить на ней (невзирая на слишком юный возраст потенциальной невесты) одного из своих сыновей. Правда, из этого ничего не вышло: по дороге из Норвегии в Шотландию девочка простудилась и, не добравшись до шотландских берегов, умерла на Оркнейских островах.

Больше прямых наследников у Александра III не было. А желающих занять трон, как водится, было в избытке. Что начинается в таких ситуациях в любой стране в любую эпоху, и так понятно. Эдуард I между делом очень кстати вспомнил, что и он сам может претендовать на шотландскую корону: в его предках числилась и Матильда Шотландская, дочь короля Малькольма III. Но все-таки это было некоторой натяжкой, и шансы стать, кроме всего прочего, и королем Шотландии на законном основании у Эдуарда были невелики. Как мы помним, этот король свято чтит законы и договоренности и никогда не узурпировал власть. И на сей раз он тоже поступил, как и подобает справедливому монарху: возглавил суд и вынес решение этого спорного вопроса. Случайно или нет, но принятое по закону решение весьма и весьма соответствовало его собственным интересам. В споре, прозванном Великой Тяжкой, победил Иоанн Баллиоль, кандидатуру которого всячески поддерживал Эдуард I. Разумеется, за поддержку полагалась благодарность. Причем отнюдь не символическая типа коробки конфет (особенно если учесть, что шоколадных конфет тогда вообще не существовало): Иоанн Баллиоль признал сюзеренитет Англии, а Шотландия сделалась вассальным государством.

Надо ли говорить, что далеко не всем это понравилось? Часть представителей шотландской знати вообще не признала власти Иоанна Баллиоля, да и сам он, похоже, не рад был новым порядкам, которые устанавливала на его территории Англия. Особенно не радовали его английские гарнизоны, которые размещались в шотландских крепостях. Разумеется, с самыми благими миротворческими целями.

Он попытался исправить ситуацию в 1295 году, выступив против Англии, но потерпел поражение. Мятежный вассал (да, именно так теперь называли шотландского короля, а не «правитель соседнего государства»!) был разгромлен, пленен, лишен рыцарского звания и гербов. Ему пришлось отречься от шотландского престола. А для Эдуарда I наступил весьма удобный момент для того, чтобы объявить себя королем Шотландии: вассал, увы, доверия не оправдал.

С тех пор начинается долгая и кровавая история умирения Шотландии, эпоха народных героев и песен о гордой и независимой стране... которая чем дальше, увы, тем сильнее попадала в зависимость. В 1297 году вспыхнуло восстание под предводительством Эндрю Мюррэя и Уильяма Уоллеса. Результатом стала настоящая партизанская война, которая, увы, для восставших кончилась плохо. В 1305 г. Уильям Уоллес стал жертвой предателя и оказался в руках англичан. Его четвертовали, тело разрубили на части, которые позже были выставлены на всеобщее обозрение в самых крупных городах Шотландии. История эта настолько яркая, что до сих пор будоражит воображение: об Уоллесе слагали поэмы, начиная с XV века; а в XX веке на основе этих событий был снят фильм «Храброе сердце» с Мелом Гибсоном в главной роли. И хотя многое в этом фильме не соответствует историческим фактам (Уоллес на самом деле был дворянином, а не крестьянином), но Шотландия в массовом сознании до сих пор связывается с отважными борцами за независимость.

Дальнейшая история взаимоотношений англичан и шотландцев была более чем сложной. Не только англичане претендовали на шотландский трон — бывало и наоборот: известная не только по историческим, но и по литературным произведениям династия Стюартов была изначально шотландской королевской династией, а с начала XVII века начала править еще и Англией с Ирландией. Король Яков VI Шотландский в 1603 году унаследовал английский трон и стал английским Яковом I, так как династия Тюдоров угасла, и прямых наследников этого рода не оста-

лось. И когда почти через сто лет, в 1707 году, был подписан Акт об Унии, то есть об объединении Шотландии с Англией и образовании нового государства — Великобритании, формально речь о подчиненном положении Шотландии вроде бы не шла. И вроде бы не распустили шотландский парламент, а упразднили оба: и шотландский, и английский, а вместо них создали британский парламент, просто в Лондоне его расположить было удобнее... Но шотландцы остались недовольны. Как обычно бывает, «на бумажке» все выглядело гладко и складно, а на деле в истории кровавого присоединения Шотландии к Англии была поставлена точка.

К тому времени сама Шотландия давно уже разделилась на две части: Нижние земли, то есть равнинные, мало чем отличались от примыкающих английских областей: образ жизни людей был схожим, говорили здесь на диалекте скотс, то есть на германском языке, близком к английскому. Жители горной Шотландии сохраняли старые обычаи. Когда мы представляем себе растиражированный многочисленными приключенческими книгами и фильмами колоритный образ шотландца в клетчатой юбке, называемой килтом, дикого, но симпатичного, то речь идет, конечно, о горце. Именно в Верхних землях сохранялся шотландский гэльский — язык, унаследованный еще от ирландских переселенцев Дал Риады.

О шотландцах в нашей стране известно гораздо больше, чем о тех же валлийцах (о корнцах и бретонцах вообще молчу). Как-то так получилось, что у нас прекрасно знают стихи Роберта Бёрнса, помнят Брюса и других знаменитых шотландцев, вошедших в историю России, и почти никогда не путают их с англичанами. И, читая Шекспира, мы никогда не забываем, что Макбет был шотландским королем, а вот о валлийском происхождении истории короля Лира вообще мало кому известно. И даже на бытовом уровне разницу между англичанином и уроженцем Уэльса или Корнуолла как-то замечать не принято, а вот человека по фамилии Мак-что-то-там идентифицируют сразу — о, шотландец! Хотя такие фамилии и у ирландцев тоже есть.

Поэтому — да не обидятся на меня шотландцы! — в этой книге я не буду писать про такие уже довольно широко известные вещи, как цвета клеток на шотландских тканях, обозначающие принадлежность к определенному клану, про виски, волынки и прочие матрешки-балалайки, о которых можно прочесть в любом путеводителе по Шотландии.

Продолжим рассказ о том, как кельтские народы (а впереди их у нас еще несколько) постепенно теряли свою независимость и превращались в нацменьшинства.

В отличие от шотландцев о существовании мэнкцев, жителей острова Мэн, вообще мало кто слышал, кроме специалистов. А такой народ существует, причем до сравнительно недавнего времени у жителей острова Мэн был и свой язык — мэнский.

Остров Мэн расположен в Ирландском море примерно на равном расстоянии от Ирландии, Шотландии, Англии и Уэльса. В IV веке до н. э. его заселили бритты, а в IV веке уже нашей эры — гойделы. Римляне почему-то этот остров колонизировать не стали, но Цезарь упомянул о нем в своих записках, указав тогдашнее название острова — Мона. Зато позже до острова очень даже добрались викинги и забрали его к рукам. Правда, жители острова при этом сохранили самоуправление, свою культуру и язык. Дальше судьба острова была переменчивой: он подчинялся то скандинавским королям Дублина, то графам Оркнейских островов, то становился вассалом Норвегии, но, похоже, что ни у первых правителей, ни у вторых, ни у третьих до острова руки не особенно доходили. Жители острова к смене власти относились философски и продолжали жить как живется. В XI веке образовалось новое государство, название которого можно перевести как королевство Мэн и других островов. Под другими островами подразумевались в первую очередь Гебридские. Довольно быстро островное королевство распалось на две части, и Мэн снова стал отдельным государством, а Гебриды существовали сами по себе. Вообще мэнкцы довольно рано даже по западноевропейским меркам стали самоуправляемыми: парламент на острове появился в 979 году. Островитяне изначально стремились

к тому, чтобы ни от кого не зависеть и самим за себя отвечать. Но у них это не вышло.

В 1265 году остров Мэн завоевала Шотландия, но фактически шотландская власть укрепилась на острове только спустя десять лет. Потом последовало довольно длительное время, в течение которого Мэн принадлежал то Шотландии, то Англии. Со второй половины XIV века англичане завладели островом, который превратился в переходящий приз верным вассалам короля. Кто отличился перед королем, тому и остров. В 1405 году английский король Генрих VI отдал остров в пожизненное владение Джону Стэнли, а позже правителями острова сделались его потомки, которые именовались сначала королями, а потом лордами острова Мэн. Жители острова относились к этому по-прежнему философски, так как короли и лорды редко навещали свое владение (наверное, очень неудобно было туда добраться!), и островом правили назначенные ими губернаторы.

Некоторые изменения в жизни островитян произошли в 1643 году, когда в Англии вспыхнула революция. Мэнкцы тоже прониклись революционными настроениями, и король Карл I приказал Джеймсу Стэнли, тогдашнему лорду острова, привести их в чувство. Стэнли прибыл на остров с военным гарнизоном, но никаких ужасных массовых наказаний не последовало. Конечно, меры были приняты, и свободу жителей изрядно ограничились. А чтобы им было чем заняться, в том числе и в будущем, лорд острова вызвал на остров английских мастеров, которые обучали местных жителей полезным ремеслам. Однако такая трудотерапия вместо наказания длилась недолго: через шесть месяцев, сразу же после смерти короля, Джеймса Стэнли вызвал английский парламент и приказал сдать остров государству. Лорд отказался, за что и поплатился жизнью. Когда закончилось время диктатуры Кромвеля, все вернулось на круги своя, и династия Стэнли вновь стала править островом Мэн.

Трудотерапия явно не понравилась жителям острова Мэн. Занятие контрабандой казалось куда более легким и инте-

ресным способом заработать на жизнь. В XVIII веке это настолько обеспокоило английское правительство, что оно решило выкупить остров у тогдашнего лорда. В 1765 году британский парламент, заплатив последнему владельцу Мэна семьдесят тысяч фунтов, приобрел остров. Контрабандистов поприжали и навели порядок. В 1866 году остров Мэн получил право на самоуправление и до нынешних дней обладает особым статусом «коронное владение Великобритании», при этом не входит ни в состав Великобритании, ни в состав Европейского союза и имеет свою валюту, мэнский фунт стерлингов. Титул лорда острова формально сохраняется, но его носит королева Великобритании, а представляет ее лейтенант-губернатор. А управляется остров, как и тысячу с лишним лет назад, все тем же собственным парламентом, который называется тинвальд и располагается в городе Дугласе. Кстати, это единственный в Европе парламент, который с момента своего создания ни разу не упразднился и не прерывал свою работу. И пусть он не самый древний (исландский и фарерский парламенты возникли чуть раньше, но деятельность их прерывалась), зато самый стойкий.

Прочитав это, вы, быть может, представили себе эдакий кельтский рай, заповедник, где сохранились древние традиции и все такое прочее... Увы, нет. Политические свободы и сохранение независимости в виде самоуправления и вечно действующего парламента совершенно не означают сохранения традиций. Как ни странно, свободный остров полностью перенял английский язык и английскую культуру. И если в середине XVII века путешественники вскользь замечали, что некоторые жители острова немного говорят по-английски, то к концу того же столетия большая часть городского населения вместе с полезными ремеслами усвоила и английский язык. Дальше — больше. В течение последующих ста лет на остров потихоньку перебираются английские иммигранты, а к концу XIX века мэнский язык превращается в язык стариков: практически вся молодежь переходит на английский. В 1911 году говорящих по-мэнски было 4657 человек, а в 1950-х их количество можно было пересчитать по пальцам, причем все эти люди были весь-

ма преклонного возраста. В 1974 году умер Нэд Маддрел, последний из тех, кто с первого дня жизни до последнего вдоха говорил по-мэнски.

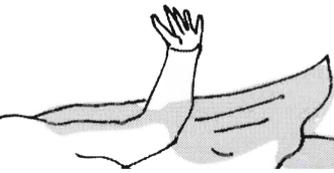
Я рассказываю это так подробно потому, что часто приходится слышать от носителей малых языков и в нашей стране, и за рубежом: во всем, мол, наше многонациональное государство виновато. Не поддерживает наш бедненький язык, денег на его развитие не дает. Вот были бы мы отдельным, независимым народом, тогда бы — другое дело. Ух как бы мы язык сохранили!

Но мэнцам вообще-то грех жаловаться: независимость хоть и не полную, но сохранили, мэнский наряду с английским считается официальным языком, используемым в парламенте, да только кто и как его там использует? Произносят несколько фраз на торжественных церемониях как дань древней традиции и все... Конечно, есть энтузиасты, которые пытаются возродить мэнский язык. И вполне возможно, что у них это получится: все-таки со смерти Нэда Мадрелла прошло не так много времени, сохранились и магнитофонные записи говорящих по-мэнски, и описания грамматики языка. Хотя все равно какая-то грустная история выходит. Как не вспомнить слова Виктора Павловича Калыгина: «Последние этапы существования мэнского языка могут служить хорошей иллюстрацией к теме “Как умирают языки”».

Прежде чем мы мысленно перенесемся на новый остров, вернемся в Британию и поговорим еще об одном не столь известном у нас кельтском народе — корнцах.

Корнуолл находится на юго-западе Великобритании и представляет собой полуостров, тонким мыском уходящий в Атлантический океан, будто стремясь оторваться от Британии. Когда-то давно там проживало бриттское племя думнониев. После уже известных нам событий думнонии оказались отрезанными от других бриттов, валлийцев и кумбрийцев, зато не переставали поддерживать родственные связи с теми из своих соотечественников, кто перебрался в Арморику.

Забавно, что королевство думнониев в раннем Средневековье так и называлось Думнония; а по ту сторону Ла-Ман-

ша, на континенте, существовала Домнонея — практически одноименное королевство, основанное бриттами-переселенцами в память о своей родине. Это случается сплошь и рядом, во все времена и у всех народов. Взять хотя бы такие известные всем примеры, как североамериканский Новый Орлеан или Новую Зеландию. До сих пор по названиям городов и местностей в Бретани можно определить, откуда родом были первые поселенцы: к северу от города Кемпера есть городки Лаголен, Турх и Элиант. Точно так же рядом расположены валлийские города Ллаголен, Турх и Элиан. И таких примеров множество. Но чтобы закончить, добавлю лишь, что одна из областей современной Бретани, Корнуайская, по-бретонски звучит как Керне. Точно так же звучит по-бретонски (и по-корнски!) название Корнуолла. И это тоже совершенно не случайно.

Но вернемся в Корнуолл. Во времена расцвета кельтских окраин здесь было относительно спокойно, корнцы водили дружбу с бретонцами, вместе ловили рыбу, путешествовали из одного монастыря в другой... Когда читаешь историю о Тристане и Изольде, диву даешься: действие происходит то по одну сторону пролива, то по другую, то на одном полуострове, то на другом, а то и вообще непонятно, о каком Корнуолле идет речь — том, который побольше и на острове, или о Корнуайской области на континенте? Скорее всего это отражение вполне реальной ситуации, когда потомки бриттов еще не осознали себя отдельными народами.

Разумеется, восточные соседи довольно быстро начали делать попытки прибрать Корнуолл к рукам. Уже в X веке маленькое бриттское королевство стало вассалом Англии, а столетием позже вошло в ее состав. Ну а дальше — уже знакомая история: постепенно влияния Англии становилось все больше, а независимости и самобытности все меньше. Корнский язык и местную культуру, однако, сгубил не сам факт подчинения Англии и даже не военные действия, которые развернулись здесь в ходе Английской революции, а совершенно не драгоценный, но востребованный металл олово.

Олово на полуострове добывали еще с античности, но настоящий «оловянный бум» начался в XVI веке, когда в Англии случился промышленный переворот. Соответ-

ственно, и олово стали добывать в промышленных масштабах. В Корнуолл, прежде находившийся на отшибе и живший потихоньку обычной жизнью бедной окраины, хлынули рабочие из Англии. Одновременно с этим Англия стала еще и морской державой номер один. А Корнуолл оказался на перекрестке морских путей. Такое стратегическое расположение, хоть и выгодное в плане экономического развития, привело к тому, что вслед за рабочими сюда стали в большом количестве прибывать и моряки со всей Англии. Корнский язык стал постепенно угасать и уже в XVIII веке вышел из употребления.

Про то, как энтузиасты пытаются восстановить корнский язык, я расскажу несколько позже. А впереди — рассказ о единственной кельтской стране, которая, потеряв независимость, смогла ее отвоевать обратно. О ней расскажу несколько подробнее, чем о других.

После Корнуолла уместно будет рассказать о присоединении к Франции Бретани. Сразу предупрежу, что о милых моему сердцу бретонцах я более детально расскажу в следующих главах. Сейчас коснусь лишь некоторых эпизодов истории присоединения Бретани к Франции: эта история не кровавая, но весьма драматичная. Вначале на территории Бретани существовало несколько отдельных королевств. Потом настала пора объединения. В 845 году королем всей Бретани стал Номиноэ, который нанес сокрушительное поражение уже тогда посягавшим на бретонские земли франкам. Со временем, правда, франки, которых стали называть французами, сделались сильнее, и Бретань из независимого королевства превратилась в герцогство. Бретонские герцоги находились в вассальной зависимости от королей Франции. Такое положение дел продолжалось довольно долго, но относительная независимость Бретани не давала французам покоя.

При этом бретонцы оказались в непрестом положении, между двумя опасными хищниками: с востока — Франция, а с севера — Англия. А когда грянула Столетняя война, и Франция, и Англия использовали Бретань как удобное место для выяснения отношений... Простите, для проведения боевых действий. При этом бретонская знать, умуд-

ряясь вести внутренние войны за наследство герцогского титула, разделилась: одна часть поддерживала французов, другая — англичан. Результатом, как нетрудно догадаться, стало ослабление Бретани. И уже в XV веке Франция пошла на герцогство войной для того, чтобы сделать его своей собственностью.

И тут, как в стародавние времена, на защиту интересов своей страны встала женщина. Ее звали Анна, а в памяти бретонцев она осталась Доброй герцогиней, которая до последнего пыталась спасти свободу своей страны. Ей было всего двенадцать лет, когда умер ее отец, Франциск II, герцог Бретонский. Тут же к богатой наследнице посватались сразу несколько женихов. Один из них — эрцгерцог Максимилиан Габсбург, будущий император Священной Римской империи, с которым она и была помолвлена.

Недовольный этим союзом французский король Карл VIII (который, между прочим, уже был женат на Маргарите Австрийской) отправил войска в Бретань и захватил несколько городов. Затем он осадил столицу, город Ренн, где укрылась Анна. Перепуганные подданные стали умолять герцогиню порвать с Максимилианом и согласиться на брак с Карлом VIII, королем французов. Чтобы уберечь страну от разрушений, а народ от бедствий, Анна согласилась на это. Рим освободил жениха и невесту от предыдущих обязательств, и свадьба состоялась.

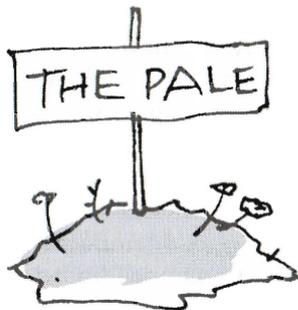
Король Карл VIII умер, не оставив наследника, в 1498 году. Анна, воспользовавшись свободой, тут же созвала парламент Бретани. Далее последовал хитрый ход: в 1499 году Анна снова вышла замуж, и на этот раз тоже за короля Франции — Людовика XII Орлеанского. Новый муж оказался любящим и понимающим супругом и не стал ущемлять права бретонцев, которые фактически жили независимо от Франции до самой смерти Доброй герцогини.

Но после смерти самого Людовика XII Клод, старшая дочь Анны, вышла замуж за Франциска I (тоже французского короля) и преподнесла ему в качестве приданого герцогство Бретань. В 1532 году Бретань вошла в состав Франции.

Понимаю, что рассказ о кельтских народах выходит несколько неоднородным и не вполне логичным, но эта

Глава 18 Бедствия Изумрудного острова

Что это там под крылом такое зеленое? — раздалось откуда-то сзади. — Неужто Ирландия?

И действительно, мы подлетали к Ирландии. Остров (и правда недаром его прозвали изумрудным!) был похож на турецкую дубленку из неровных лоскутков: каждый из кусочков-лугов был оторочен по бокам тонкой линией деревьев. Почему-то даже не верилось, что земля под нами настоящая. Тем более что внизу виднелись луга, луга, луга и больше ничего. Сперва мне даже показалось, что там совсем нет домов (а живут-то они где?), но потом, когда мы приблизились к земле, я все же разглядела домики, затерянные посреди аккуратных квадратов и прямоугольников различных зеленых оттенков.

Сразу же вспомнились слова из «Книги захватов Ирландии»:

Стремлюсь я к ирландской земле,
 Омытой морем обильным,
 Обильны частые горы,
 Часты леса многоводные,
 Многоводны реки в извилах,
 В извилах глубины озер...

Так приветствовал когда-то этот остров легендарный филид Аморген, один из сыновей Миля, герой «Книги захватов Ирландии». Сыновья Миля, правда, завоевали Изумрудный остров лишь в мифах, и по преданию от них и происходят современные ирландцы.

Есть, правда, еще одна версия того, как ирландцы заселили остров, уже из современного городского фольклора.

К Господу Богу приходят ирландцы со словами:

— Ты все народы расселил по земле, а нам где жить?

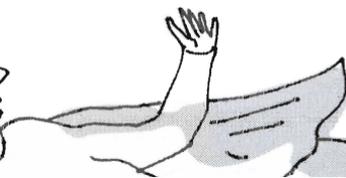
— Вам, — говорит Всевышний, — я припас чудесный остров с мягким климатом, сочной травой для скота, чистейшим морским воздухом, живописным пейзажем...

— Ух ты!!! — восторженно воскликнули ирландцы. — Так это же настоящий рай!

— Не торопитесь, — был ответ, — вы еще не знаете, кого я поселил на соседнем острове!..

Этот анекдот и ему подобные были бы смешны, когда бы не горькое воспоминание о нескольких веках покорения Ирландии англичанами. Едва прогнав викингов, жители Ирландии столкнулись с той же угрозой, что и другие кельтские народы, а именно с растущими аппетитами Англии (исключение составили бретонцы, у них была ровно та же проблема, но с французами). В конце XII века англичане колонизировали небольшую часть острова.

Английские аристократы отобрали у местных землевладельцев их уголья и насадили английские законы и систему управления. Оккупированная область стала называться окраиной или пейлом (по-английски — the pale), а всю остальную часть острова, где ирландцы жили по своим законам и обычаям, назвали Дикой Ирландией. Разумеется, англичане то и дело пытались взять под контроль территории вне пейла. Ирландцы боролись с этим как могли и в XIV веке

попробовали обратиться за помощью к своим шотландским собратьям. Именно в это время королем Шотландии стал Роберт Брюс. Он довольно удачно воевал с англичанами, и ирландцы очень на него рассчитывали. Роберт Брюс прислал им на помощь своего брата Эдуарда. Тот прибыл с войском на Изумрудный остров в 1315 году и начал кровопролитную войну, которая продолжалась три года и унесла множество жизней. Увы, ничем хорошим это не кончилось: остров оказался разоренным, а сам Эдуард погиб в бою с англичанами.

Неизвестно, как бы дальше повернулись события, не вмешайся Провидение: в 1348 году на Ирландию обрушилась Черная смерть — эпидемия чумы, которая уничтожила около половины населения Западной Европы. Пострадали в основном англичане, а ирландцев страшная болезнь затронула куда меньше. Почему так?

Чума, разумеется, не делала различия между ирландцами и англичанами. Дело было в другом: страшная болезнь свирепствовала в городах, где люди жили скученно, да к тому же в ужасающих, по нашим меркам, антисанитарных условиях. Англичане жили в городах, а ирландцы — большей частью в сельской местности (вспомним, что до прихода викингов ирландцы городов вообще не строили).

После эпидемии англичан осталось так мало, что свои порядки они наводили лишь в Дублине, а вся остальная земля снова досталась ирландцам. Но этим дело не закончилось. Через некоторое время попытки завоевать Ирландию возобновились, причем на сей раз под флагом благочестивых намерений: англичане-протестанты собирались, кроме всего прочего, наставить на путь истинный католиков-ирландцев. Заставить ирландцев расстаться с привычной верой не получилось. А вот установить контроль над островом — очень даже.

Но все это было бы еще терпимо, если бы не Кромвель. Если кто-то подзабыл школьный курс истории, скажу пару слов об этом персонаже. Итак, звали его Оливер Кромвель, он был обычным английским помещиком, и скорее всего так бы и оставался им на радость всему ирландскому народу, если бы в Англии не разгорелась революция и вслед за ней —

гражданская война. Сначала Кромвель командовал отрядом из шестидесяти человек, но в ходе войны у него проснулся недюжинный полководческий талант. Он побеждал и побеждал и в конце концов стал командовать армией «круглоголовых» (так называли противников короля, пуритан, носивших стрижку в кружок). Под его руководством армия наголову разбила королевские войска. После этого, если не вдаваться в детали, можно сказать так: Кромвель фактически полностью прибрал к рукам власть в Великобритании и сделался диктатором.

Казалось бы, а Ирландия-то тут при чем? А при том, что в 1641 году в Ирландии вспыхнуло восстание. Замученные притеснениями со стороны колонизаторов английского и шотландского происхождения, протестантов по вероисповеданию, конфискацией земель и прочими несправедливостями ирландские землевладельцы с одобрения католического духовенства подняли восстание. Образовалась Католическая конфедерация, которая объявила войну протестантам. Война не замедлила начаться. На какое-то время конфедерации удалось взять власть и даже удержать ее. Ирландия обрела независимость, но тут в дело вмешался Оливер Кромвель со своей армией нового образца.

Диктатор жестоко подавил восстание. Кровавых подробностей приводить не буду, тем более что историки до сих пор спорят о том, не преувеличен ли в пропагандистских целях масштаб ущерба, нанесенный Ирландии армией Кромвеля. Но даже по самым скромным подсчетам армия диктатора истребила от 15 до 25 процентов населения, включая мирное. Некоторые с этими цифрами не соглашаются и говорят, что после усмирительной кампании население Ирландии уменьшилось аж вдвое. После этого местные землевладельцы были лишены своих прав, их владения были конфискованы. Ирландия окончательно была присоединена к Великобритании.

И как бы ни оценивали историки ход событий, как бы ни подсчитывали количество возможных жертв конфликта, в памяти ирландцев это время осталось ужасной резней. И когда однажды я обнаружила в своем почтовом ящике рекламную листовку, в которой расписывались достоинства

прекрасного ресторана под названием «Оливер Кромвель», то невольно вздрогнула. Для ирландца это был бы такой же шок, как для нас ресторан «Гитлер».

Дальнейшая история — это плач и стенания растоптанной и униженной Ирландии, растянувшиеся на века. К началу XIX века это была аграрная страна, населенная крестьянами местного происхождения, которые трудились на землях выходцев из Англии и Шотландии. Именно в это время об ирландцах стало складываться расхожее мнение: мол, ума у них мало, да и пьяницы они все поголовно. Впрочем, о том, как представляют ирландцев и в каком свете они сами себя выставляют в наши дни, мы узнаем чуть позже. Потому как если бы бедствия ирландцев сводились только к нищете и низкому социальному статусу, это было бы еще полбеды. Беда пришла в сороковых годах XIX столетия. И снова из Англии, где наступил аграрный переворот. Цены на хлеб упали, и землевладельцам стало выгоднее использовать свои угодья как пастбища. Для этого необходимо было выгнать вон мелких арендаторов.

Ирландские крестьяне попали в ситуацию, когда надо было не то что жить, а выживать. А выжить они могли только одним способом — выращивая картофель. Этот заморский овощ хорошо прижился в местном климате, давал прекрасные урожаи и при сравнительно небольших трудовых затратах мог обеспечить семью пусть однообразным, но вполне калорийным питанием. Конечно, картофель не всегда мог как следует уродиться, но тогда выручал хлеб... А вот когда хлеб выращивать стало негде, да еще и картофель не уродился, наступила настоящая катастрофа.

В 1845 году неурожай был необычным: клубни поражала болезнь фитофтороз, или бурая гниль. Поскольку по всей стране выращивали один-единственный сорт, который оказался неустойчивым к заболеванию, пострадал весь урожай, причем в таких масштабах, которые ранее и представить себе было нельзя. Не осталось даже хороших клубней для того, чтобы посадить на следующий год, — пришлось рискнуть и посадить больные. Разумеется, урожай 1846 года был еще хуже, крестьяне оставались без работы, без средств к существованию и без еды. Выжить в таких условиях смог-

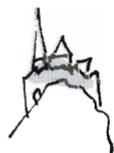
ли не все. Государство оказывало помощь пострадавшим, но денег выделяли недостаточно; наиболее выносливых мужчин удавалось пристроить на тяжелые работы при строительстве дорог, чтобы они таким образом хоть что-то зарабатывали на прокорм семей. Многие добровольно сдавались в работные дома (помните жуткие описания этих мрачных заведений в английских детских книжках?), работали там за скудную и отвратительную, но все-таки еду.

Следующая зима выдалась на редкость морозной. Работать на полях было невозможно. Люди теряли силы и умирали от голода. Для многих единственным выходом была эмиграция или фактически бегство за океан. Ирландцы и раньше в поисках лучшей доли уезжали в США и Канаду, но во время картофельного голода начался массовый исход: число эмигрантов выросло в десятки раз. Путь в новую жизнь был опасным, зачастую в океан выходили старые и неисправные суда, к тому же не всегда предназначенные для перевозки людей. Путь в Америку был долгий. Голод, теснота, антисанитария, болезни... В пути многие умирали.

В 1847 году корабли, отправлявшие ослабленных голодом ирландцев к берегам Канады, стали называть «плавучими гробами». Из 100 000 их пассажиров около 16 000 умерли в пути или вскоре после прибытия.

Но, несмотря на скорбные письма из Америки, в которых оставшиеся в живых рассказывали о своих тяготах и лишениях, желающих уехать с голодного острова не убавлялось — на них обрушивались новые напасти: тиф, дизентерия и цинга. За относительно удачным урожаем 1847 года вновь последовал новый неурожай. В 1849 году вспыхнула эпидемия холеры и унесла еще 36 000 жизней... И еще немного цифр: от голода по всей Ирландии погибло от полумиллиона до полутора миллионов человек. К началу 1850-х население Ирландии сократилось на треть; огромное количество ирландцев с тех пор проживает за океаном.

Эта страшная история кончилась тем, что выживший после эпидемий картофель снова стал давать неплохие урожаи, а выжившие люди более или менее пришли в себя. Но память о страшном голоде жива до сих пор. От некоторых ирландцев доводилось слышать, что катастрофа могла бы

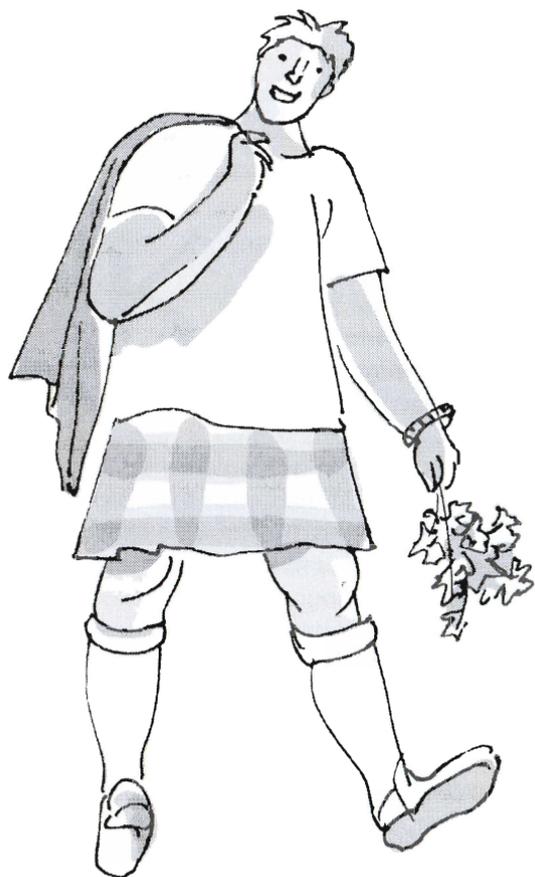
быть не столь ужасной, если бы англичане развязали свои тугие кошельки и помогли бы голодающим в самом начале. Нет, даже не деньгами, а картофелем другого сорта, более устойчивым к болезни. Не знаю, насколько они правы. Может быть, и так.

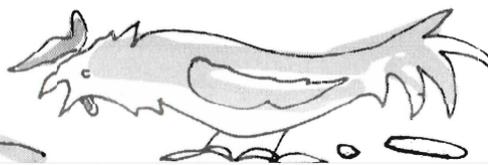
Несмотря на все эти ужасы, картофель ирландцы любят и по сей день. Как я заметила, картошку в Ирландии подают в любом виде. Приходишь в столовую или в ресторан, там тебе и вареная картошка, и жареная, и ломтиками, и целыми картошинами... наверное, нет такого картофельного блюда, которое не предлагают в ирландских ресторанах. «Угу, еще скажи, что там подают картошку в мундире!» — засмеяли меня друзья в Москве. Представьте себе, в городе Корке я видела в одном ресторанчике именно картошку в мундире среди нескольких видов картошки «в штатском».

На сей относительно оптимистической ноте я закончу рассказ и о картофельном голоде, и о том, как англичане подчинили себе Ирландию и какими трагедиями это обернулось. Добавлю только, что, пожалуй, ни одному из кельтских народов не был нанесен ущерб такого масштаба. И поэтому ирландцы как-то не очень охотно поддерживают разговор с теми же валлийцами, жалующимися на «культурный геноцид».

Кончилось все это жгучей ненавистью к англичанам и войной за независимость, в результате которой в 1921 году образовалась Ирландская республика — единственное кельтское государство. Север острова, Ольстер, так и остался под властью Британской короны и надолго превратился в «горячую точку». Столкновения между католиками и протестантами Северной Ирландии прекратились лишь недавно.

Часть
Третья

Глава 19
или, скорее, предисловие к третьей части
Малые народы и их большие трудности

Когда я училась в университете в бретонском городе Ренне, мы, студенты департамента бретонского и других кельтских языков, часто собирались в кафетерии напротив главного входа. К нашей пестрой компании однажды присоединилась улыбчивая восторженная американка, только что приехавшая в Европу по одной из бесчисленных программ обмена.

— Как это здорово, — щебетала она, — что здесь собрались мы все! И англичане, и французы, и даже одна русская!

Внезапно наступила не то что неловкая, а даже какая-то угрожающе-мрачная пауза.

Потом один из юношей гордо отставил чашку кофе и с достоинством произнес:

— Ты еще здесь не очень освоилась, поэтому советую запомнить. Я не англичанин, а ирландец!

— А я шотландка! — не менее гордо добавила его соседка.

— А я — валлиец! — эхом отозвался темноволосый юноша напротив нее.

— Что касается меня, — чуть более миролюбиво сказала полная девушка в фиолетовом свитере, стоявшая рядом со мной, — то я не француженка, а бретонка.

Американская студентка не на шутку смутилась, покраснела и, ища поддержки, повернулась ко мне:

— Ну хоть ты-то русская?..

Никакой морали из этого эпизода следовать не будет. Несчастливая американка при всем желании не могла бы с первых дней пребывания в Европе научиться отличать ирландца от англичанина и тем более бретонца от француза. Больше она к нашему столу близко не подходила, и, по-моему, мы все ее зря тогда обидели. Молодые были, глупые и злые.

К тому же каждый за неимением более серьезных достижений гордился принадлежностью к своему древнему и великому — в старые времена, а не сейчас — народу. А сейчас... вот про то, что в наши дни происходит с кельтскими народами, и будет следующая часть этой книги. В отличие от первой, в которой речь шла о научном взгляде на кельтов, и второй, где мы галопом пробежались по истории кельтских стран от Средних веков до Нового времени, третья будет просто набором кратких очерков. Для того чтобы как следует рассказать об истории, языке, быте и нравах каждого из кельтских народов, не то что части книги, целой книжной полки мало будет. Поэтому то, что последует далее, — просто беглые, ни на что не претендующие зарисовки.

Снова прошу прощения у читателя за то, что бретонцам будет уделено чуть больше внимания, чем остальным народам. Во-первых, я специалист по бретонскому языку и потому знаю этот народ лучше других, а во-вторых — о бретонцах у нас известно меньше всего. Не грех будет этот пробел восполнить.

Поэтому вместо того, чтобы начать рассказывать о каждом из народов по отдельности и вынужденно повторять одно и то же на тему «сейчас культура и язык этого самобытного народа под угрозой», на примере бретонцев расскажу

о том, как же именно в нашем непростом и многообразном мире умудряются существовать народы, потерявшие государство, статус независимой нации и частично свой язык.

В западноевропейской научной литературе существует понятие, которое по-английски называют identity и которое довольно сложно перевести на русский язык, — это и осознание своего «Я», и понимание своего места среди других людей, и принадлежность к какой-то группе, прослойке общества, национальности и так далее. И считается, что самое трудное для представителя малого (или, как у нас одно время политкорректно говорили, малочисленного) народа — сохранить это самое identity. Иногда возникает вопрос — а зачем его сохранять? Что в этом такого ценного? Не пощупать это самое identity, ни съесть, ни купить, ни продать... Может быть, и не надо забивать себе голову подобными абстрактными понятиями?

Но почему же тогда, стоит только уехать на чужбину, оторваться от корней, и через некоторое время как-то особенно остро начинаешь осознавать, что ты — это часть народа (непреренно великого, непременно древнего и обладающего большим набором достоинств, отсутствующих у представителей других народов напрочь)? Почему, например, некоторые русские, живущие в США или странах Западной Европы, нет-нет, да и пожалуются, что иногда тянет по-домашнему посидеть-поболтать на кухне, а не с кем... Что вокруг в общем-то хорошие доброжелательные люди, но... как сказать-то? Не по-нашему улыбаются, не по-нашему дружат, нет в них, знаете ли, этой особой русской душевности, которую и словами-то определить не выйдет, ну вы все равно поняли, о чем речь, ведь правда? Примерно так же опишет свои ощущения затерявшийся в каменных джунглях нынешней Москвы приезжий из ближнего зарубежья, и почему-то вдруг ему взгрустнется по родному городу, селу, по обычаям и традициям, от которых, казалось бы, с такой радостью сбежал, по певучести родного языка... Почему так случается?

Прежде чем я постараюсь ответить на этот вопрос, расскажу про то, как я познакомилась с бретонцами. А читатель, возможно, уже по ходу дела сделает какие-то выводы.

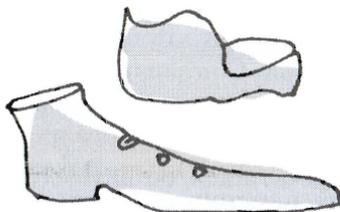

Возможно, даже в чем-то и себя узнает. Но перед этим — еще одна коротенькая история про identity.

Рассказывают, что еще в советское время футбольная команда «Арарат» выиграла какой-то важный международный матч. Все бы хорошо, но армяне всего мира были в шоке, когда британские газеты принялись на все лады расхваливать выдающуюся игру *русских* футболистов. Читали бедные армяне и хватались за голову: играли мы, а выиграли русские.

Поэтому не спешите обращаться к вашему собеседнику-британцу, даже не обладающему звучной фамилией на Мак или на О', со словами «Вы, англичане...». Могут не понять и обидеться. Впрочем, случается и так, что своей национальности стыдятся и всячески ее скрывают, а уж о владении своим «маленьким» языком вообще помалкивают. Со стороны это выглядит странным, даже диковатым, но тому есть веские причины. Как же так? А вот как.

Глава 20
Немного о французах, бретонцах,
валлийцах и японцах

Как-то на одной конференции, куда съехались специалисты из разных стран Европы, произошел курьезный случай. Во время торжественного ужина некая дама оказалась возле одного из членов французской делегации. Они разговорились, и через некоторое время дама спросила:

— Вы прекрасно говорите по-французски, но у вас странный акцент. Вы, наверное, швейцарец.

— Нет, мадам, я не швейцарец.

— Все, теперь я поняла, вы — бельгиец!

— Опять не угадали.

— Так откуда же вы? — удивилась дама.

— Я из Франции, — невозмутимо отвечал ее сосед.

— Не может быть, — обиделась она, думая, что ее разыгрывают. — Француз не может говорить с акцентом!

Оказывается, может. Тогда собеседник дотошной дамы промолчал, хотя мог бы при желании и рассказать ей не менее удивительные факты из собственной жизни: то, что его родители, появившиеся на свет не где-нибудь в Алжире или Тунисе, а на северо-западе Франции, выучили французский в школе, а их родители вообще французского не знали.

Далеко не всем известно, что французский язык — далеко не единственный из тех, на которых говорят во Франции. Сами французы, надо сказать, признают это с большой неохотой. С незапамятных времен на территории современной Франции проживают различные по своему происхождению народы. У каждого из этих народов своя история, своя культура, свой язык. Эльзасцы, к примеру, говорят на диалекте немецкого языка, фламандцы — на нидерландском, окситанский язык провансальцев, корсиканский и каталанский языки относятся к романским, язык же басков вообще не принадлежит ни к одной языковой семье.

Однако официально до самого недавнего времени этих языков как бы не существовало, несмотря на то, что на каждом из них говорили и продолжают говорить сотни тысяч людей. Власти старались просто не замечать эти языки. Более того, долгое время против них велась активная борьба, идеологами которой стали деятели Великой французской революции. Они считали, что все местные языки должны исчезнуть, а французский должен стать единственным национальным языком, «языком свободы». «Мы революционизировали правительственные законы, торговлю, саму мысль, — говорили они. — Давайте же революционизируем и язык — повседневное орудие всего этого. Свет, посылаемый на окраины Франции, приходя туда, гаснет, поскольку законы остаются непонятными». Поэтому, по мнению якобинцев, языки национальных окраин таили в себе опасность для самой революции.

Тогда, на рубеже XVIII и XIX веков, осуществить задуманное не удалось. Но французское правительство продолжило политику якобинцев. И сейчас, двести лет спустя, малые языки постепенно уходят в прошлое.

Один из так называемых региональных языков Франции — бретонский — заинтересовал меня еще в конце восьмидеся-

тых. Об этом языке в нашей стране до последнего времени было известно не так уж много. А так хотелось узнать больше!

В середине XVI века Бретань стала одной из французских провинций. Но и до сих пор не все бретонцы считают себя французами. И когда сейчас на вопрос: «Мсье, вы француз?» отвечают: «Нет, я бретонец!», часто повергают собеседника в шок. «Позвольте, — говорит гражданин и патриот Французской республики, — но ведь такой национальности нет!»

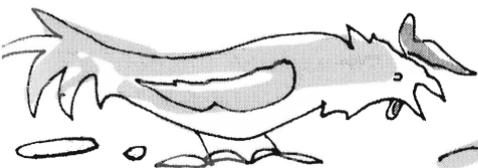
Тут надо пояснить, что во Франции нет нашего понятия «национальность», а то, что называют этим словом, скорее передается нашим понятием «гражданство». Так что все, имеющие французский паспорт, будь то кельты, арабы или чернокожие африканцы, называются французами.

Понятно, однако, что все это — лишь официальная политика, и одного французского паспорта недостаточно, чтобы какой-нибудь, допустим, марокканец стал потомком Карла Великого. Хотя все граждане Франции, в том числе проживающие на заморских территориях, зазубривают еще в начальной школе «Нашими предками были голубоглазые и светловолосые галлы». Особенно забавно, наверное, это выглядит на Мартинике и в Гвиане...

На бытовом уровне разница между национальностями чувствуется во Франции не меньше, чем в нашей стране. Это относится не только к эмигрантам в первом поколении, но и к тем, кто невольно стал французом четыреста с лишним лет назад. Как-то в Париже на людном бульваре мне никак не удавалось обогнать двух неторопливых прохожих, и, лавируя в толпе, я случайно подслушала их разговор.

— У моей тетушки, — рассказывал один, — три дочери. Так вот не знаю уж, что на них нашло, но все три вышли замуж за иностранцев: одна — за алжирца, другая — за серба, а третья, представь себе, за бретонца... Между нами говоря, бретонцы ведь тоже иностранцы.

Для парижанина бретонцы действительно иностранцы, хотя, чтобы попасть из Парижа в Бретань, вовсе не нужно пересекать государственную границу. Если вдаваться в детали, то и в самой Бретани не все так просто. Эта, по нашим масштабам, небольшая область делится на две части — Верх-

нюю Бретань, где говорят по-французски, и Нижнюю, где еще до недавнего времени почти все говорили по-бретонски.

...Мое знакомство с бретонским языком началось еще в школе. Кельтские языки, их лингвистическое своеобразие заинтересовали меня в старших классах. В моих поисках мне помог Виктор Павлович Калыгин, кельтолог из Института языкознания, памяти которого и посвящена эта книга. Так как я неплохо владела французским, мне посоветовали выучить для начала бретонский, наименее известный из кельтских языков, а потом уже переходить к валлийскому, корнскому и другим. Виктор Павлович дал мне старенький учебник, составленный аббатом Трикуаром, и я занялась увлекательнейшим делом — познанием нового языка. С валлийским и корнским помог случай. Кто-то из знакомых передал мне номер журнала «Вокруг света» со статьей Льва Минца «В поисках кельтов», и я написала автору статьи, который не только откликнулся на мое письмо, но и снабдил меня литературой по этим языкам. Это правда, что мир не без добрых людей.

Итак, за несколько лет я выучила бретонский. Естественно, выучила — это преувеличение. Я смогла только научиться бегло читать про себя и довольно сносно писать, так как в Москве в то время трудно было найти человека, с которым можно побеседовать на бретонском. Разумеется, мне всегда хотелось побывать в Бретани, о которой я столько читала и слышала. Это сейчас студенты сравнительно легко получают гранты, участвуют в международных программах обмена, а тогда, в самом начале 1990-х, только-только открылись границы, и выехать за рубеж — о, это была целая эпопея!

После продолжительной переписки со всеми бретонскими инстанциями, адреса которых добывали мне знакомые, работающие с французами, мне удалось связаться с Институтом бретонской культуры и Вторым Реннским университетом, где, оказывается, преподается бретонский язык. Моей кандидатурой заинтересовались, и мне представилась возможность стать студенткой кельтского департамента Реннского университета.

Все хлопоты, связанные с поездкой, позади, и вот наконец я вхожу на территорию университета, приветствующего

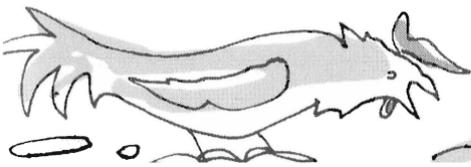
меня двумя вывесками — на французском и на бретонском языке. Такого я не ожидала, ведь, согласно научной литературе, которую я основательно проштудировала перед приездом, в Ренне по-бретонски не говорят.

Позже я узнала, что вокруг двуязычных надписей в Бретани долгое время шла самая настоящая война. Бретонцы боролись за право ввести повсюду надписи на своем родном языке, ссылаясь на существование двуязычных дорожных указателей в Уэльсе. Так как власти не собирались идти им навстречу, защитники бретонского языка принялись закрашивать дорожные указатели на французском и писать бретонские названия городов и улиц. Подобная деятельность расценивалась властями как мелкое хулиганство, и многие осквернители дорожных знаков вынуждены были отбывать наказание за решеткой. Но в тот первый день пребывания в университете таких подробностей я еще не знала и восхищалась гордой надписью «Ренн-2» на языке, который мне теперь предстояло как следует выучить.

В департаменте «Бретонский и другие кельтские языки» до меня училось много иностранцев. В основном это дальние родственники бретонцев — валлийцы, шотландцы, ирландцы. Иногда приезжают американцы, видимо, помнящие о своих кельтских корнях; при мне бретонскому успешно учился молодой человек из Канады. Но, пожалуй, самыми колоритными студентами за всю историю кельтского департамента были японцы — Макото Ногуши и Фумико Юкава. Макото заинтересовался бретонским языком, когда учился французскому в Ренне. Он не только выучил бретонский, но и пишет на нем новеллы и театральные пьесы. Мало того, он женился на бретонке и поселился в Нижней Бретани, там, где еще можно обойтись без французского.

Рассказывают, как однажды кто-то из высокопоставленных французских деятелей приехал в небольшой бретонский городок и увидел такую картину: к рыбной лавке подходит японец и начинает разговаривать с пожилым хозяином на каком-то непонятном языке. Поговорив, он покупает рыбу и уходит. Удивленный француз подходит к хозяину лавки и говорит:

— Молодцы вы, бретонцы, чего не сделаете ради коммерческих интересов. Японский вот выучили.

— Да нет, — отвечает торговец, — это не японский, а бретонский.

— Бретонский? Вот еще! Кому он нужен, этот ваш бретонский?

— Кому-то, выходит, нужен. Японцы вот учат, а они зря ничего делать не будут.

Возможно, это и выдумка, как и многие другие истории про Макото. Правда в ней то, что этот человек своим примером показал, что бретонский язык — не досадный анахронизм, каким его считали — да и считают, что греха таить, не только французы, но и некоторые бретонцы.

По стопам знаменитого Макото двадцать лет спустя пошла Фумико. Она заинтересовалась бретонским еще в Японии. Сейчас она работает в бригаде тележурналистов, снимающих передачи на бретонском языке.

С иностранными студентами связано немало казусов. За несколько лет до меня, например, в Ренн приехала Ффран Мэй, девушка-энтузиастка из Уэльса. Она выучила бретонский у себя и собиралась совершенствовать свои знания во Втором Реннском, а заодно и преподавать там валлийский. При этом французского она не знала совершенно. В кельтском департаменте все прошло хорошо, а вот в первом же магазине выяснилось, что в городе Ренне с бретонским далеко не уйдешь. Ффран пришлось переходить на английский (которым, кстати, большинство французов если и владеет, то из рук вон плохо) и с грехом пополам объяснять, что ей нужно. Бедной Ффран пришлось срочно учить французский без всяких преподавателей и учебников (на дополнительные занятия у нее просто не было времени).

Познакомилась я с ней через год после ее приезда. Надо сказать, что сама я приехала в Ренн с хорошим французским (это был мой первый иностранный язык в школе) и с кое-какими познаниями в английском. По-бретонски же, как я уже сказала, первое время я могла только читать и писать. С валлийским я была уже немножко знакома, а потому решила взять его в качестве второго кельтского языка, который предусматривался программой. Ффран оказалась не только хорошим преподавателем, но и радушным, весьма общительным человеком... Правда, мое общение с ней первое время

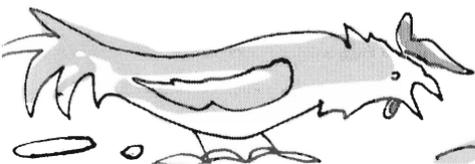
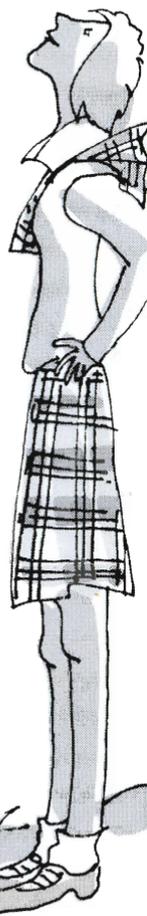
было несколько затруднено. Французским Ффран владела тогда еще очень плохо и со студентами говорила либо по-английски, либо по-бретонски. Мне кое-как удалось ей объяснить по-французски, что бретонский на слух воспринимаю плохо, и мы попробовали перейти на английский. Я по самоуверенности считала, что, если уж я способна худо-бедно понимать английские радиопередачи, то с собеседницей разберусь — в крайнем случае попрошу что-нибудь повторить. Не тут-то было! Английский язык Ффран настолько отличался от того английского, который мне доводилось слышать по радио, что нам... пришлось перейти на бретонский. Так и общались.

К чести Ффран надо сказать, что уже к концу года она бегло говорила по-французски и почти не делала ошибок, хотя ее британский акцент еще сильно чувствовался и во французском, и в бретонском...

Вообще учеба в Ренне оказалась чрезвычайно интересной, в том числе и потому, что кельтский департамент, студенткой которого я стала, совсем не похож на другие отделения университета. Только здесь преподаватели знают по имени каждого студента (кроме тех, разумеется, кто является на занятия раз в полгода). Только здесь преподавателей можно называть на «ты»¹ и говорить с ними о личных проблемах. Все те, кто учит и преподает бретонский язык, считают себя одной большой семьей, у которой одна цель — выжить и сохранить то, что делает бретонцев бретонцами.

Сам факт того, что этот язык учат и преподают в университете до сих пор, воспринимается как скандал в благородном семействе. К бретонцам во Франции относятся так же, как у нас — к жителям Чукотки: про них сочиняют столь же

¹ Вот уж чего я не могла себе позволить — это обратиться к преподавателю просто по имени, хоть это и принято среди бретонцев, так и хотелось обратиться по имени и отчеству. Что я иногда и делала в письмах, где без обращения не обойтись. Так мой тамошний научный руководитель Гвендаль Денез стал Гвендалем Петровичем, а за глаза — просто Петровичем. И только когда я сама стала преподавателем и защитила диссертацию, смогла перейти на «ты» и называть его по имени. Разница культур, что поделаешь...

остроумные анекдоты, а уж глупая бретонка Бекассина, героиня французских фильмов и комиксов, надолго и всерьез закрепила за бретонцами репутацию людей, скажем так, не в меру наивных. К изучающим бретонский язык относятся обычно с вежливым сочувствием, если не с состраданием. Я долго не могла понять почему и решила провести эксперимент.

Часто в столовой или в кафетерии студенты заводят разговоры на всякие невинные темы вроде степени свежести обеда и тому подобное. От бифштексов и сосисок разговор переходит к философским материям и заканчивается обычно знакомством — кто на каком факультете учится и что собирается делать после университета. Каждый раз, когда я говорила, что учу бретонский, новые знакомые смущенно замолкали. Наиболее проницательные тут же сообщали: «А я сразу заметила, что ты говоришь с акцентом. Ты, случаем, не из Бигуденской области?» Наименее тактичные начинали выяснять — не провалилась ли я где на экзаменах. По их убеждению, умный человек, у которого все в порядке, бретонский учить не пойдет. Некоторые, узнав в конце разговора, что я из России, с облегчением вздыхали: «Что ж ты сразу не сказала, что ты иностранка? Так бы и говорила — лингвистический интерес... Это мы понимаем!»

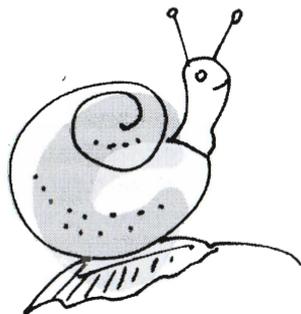
Когда я спрашивала, почему занятия бретонским неизменно ассоциируются с провалом на экзаменах, собеседники обычно краснели и снова смущались, как будто я интересовалась чем-то весьма неприличным. Наконец кто-то, кто сам когда-то учил бретонский, рассказал мне, что изучение бретонского в школе введено не так давно и преподаватели просто горят энтузиазмом. Чего, казалось бы, плохого? — удивлялась я. Наоборот, похвально! Все дело в том, что, прилагая гораздо больше усилий, чем их коллеги, преподающие, скажем, английский, учителя бретонского добились того, что даже самые твердолобые лентяи неплохо усваивали язык. Ни один из них не проваливался на экзаменах. В результате директор лица или колледжа советовал родителям какого-нибудь оболтуса: «Ваш сын рискует не получить степень бакалавра. Его успехи в английском оставляют желать лучшего, и если вы не хотите, чтобы он

остался на второй год, срочно примите меры. Я бы посоветовал вам перевести его из английской группы в бретонскую — уж этот-то язык не сдать невозможно!»

Так бретонский стал языком для лентяев. Кстати, не только в лицах и колледжах. В кельтский департамент университета наряду с энтузиастами, любящими свой язык и культуру, тоже частенько приходят те, кто не рискует попробовать себя в чем-то серьезном. Те, кто просто не очень уверен в себе, вскоре освобождаются от своих сомнений и становятся полноправными членами «семьи» говорящих по-бретонски, ну а настоящие лентяи и лоботрясы, как правило, отсеиваются на первых двух курсах.

Глава 21
Настоящий и «химический» бретонский

Итак, я принята в «семью». Начались трудовые будни. Почти все занятия в кельтском департаменте проводятся на бретонском. На первых двух курсах некоторые лекции читаются на французском, чтобы облегчить восприятие тем, кто начал учить бретонский с нуля (а таких немало). Чтобы не терять времени, с разрешения декана, господина Кергоата, я начала учиться одновременно на первом и на третьем курсе. Первая неделя была сплошным кошмаром. Я кое-как читала тексты вслух и переводила с листа, изредка решаясь построить фразу-другую из кирпичиков слов, которые никак не хотели ложиться в правильном порядке. Преподаватели проявили завидное терпение, каждый раз заново перестраивали мои фразы. Через три недели я заговорила. Благодаря моей природной словоохотливости (в данном

случае она оказалась вполне уместной) еще через месяц мой устный бретонский догнал и перегнал письменный.

Скоро, однако, выяснилось, что я учу... не настоящий бретонский! Тот язык, который преподают в университете, — литературный. С самого начала я чувствовала разницу между произношением тех студентов, которые выучили стандартный бретонский в университете, как и я, и тех, которые слышали бретонский от родителей, бабушек или дедушек. Таких, естественно, понимать было труднее, но именно у них язык был богатый, сочный и образный, как у всех тех, кто просто говорит, а не строит фразы по кирпичикам.

Долгое время бретонский был только языком крестьян и рыбаков, книг на нем почти не издавалось, а уж о каких-то общественно-политических или научных изданиях и говорить не приходится. Те ученые слова, которыми пользовались образованные бретонцы в Средние века, исчезли, а для новых понятий и названий использовались французские. Естественно поэтому, что в живых бретонских диалектах нет и не может быть таких слов, как «нейрохирургия» или «гидролиз». Да и более употребительных слов, как «синдикат», «федерация», «метрополия», без которых не обходится современная пресса, в повседневном языке не встретишь. Тем, кто дотошно изучает современные бретонские диалекты, придется знать сотни и сотни слов, относящихся к земледелию и животноводству, а вот слов, обозначающих отвлеченные понятия, он найдет не так уж много.

Перед теми, кто пытался в начале нашего столетия писать по-бретонски вполне современные книги и создавать первые журналы, стояла нелегкая задача. Во-первых, литературный язык должен был быть понятным всем, вне зависимости от того, на каком диалекте они говорят, а во-вторых — где взять недостающие слова? Создать литературный язык для всех диалектов уже было непросто. Со словами же дело обстояло еще хуже. Что делать с ними? Заимствовать из французского, как это делают необразованные люди, — значит засорять язык. Не лучше ли взять кельтские корни и слепить из них новые бретонские слова? Так уже поступали первые защитники бретонского языка в начале

девятнадцатого столетия — они пытались изгнать из литературного бретонского все французские слова. Сама по себе идея разумная, но далеко не все из придуманных слов приживаются в языке.

Вообще слова трудно придумывать. А еще труднее сделать так, чтобы они вошли в язык и стали вытеснять те слова, которые уже давно вошли в него, пусть даже на правах иностранных. Поэтому многие из придуманных слов до сих пор отдают синтетикой. Некоторые из них вообще непронизосимы. Вот, например, как звучит по-бретонски одно из таких искусственно придуманных слов: «дуархунезуриез», что переводится как «агрономия». Не отчаивайтесь, если вы не смогли его прочесть и произнести как следует. Ни один нормальный бретец, если только он не относится к творцам новых слов, не сможет произнести такое. Да и понять это слово — составленное из кельтских корней, между прочим! — неискушенному человеку без словаря невозможно.

К тому же часто, слыша такие вот малопонятные искусственные слова, те из бретенцев, кто всю жизнь слышал вокруг свой родной говор, заявляют: «Это не наш бретонский!» или того больше: «Это вообще не по-бретонски!» и продолжают засорять свой язык французскими заимствованиями. Правы они или нет? Судить трудно. Правы или нет были те, кто не согласился называть галоши мокроступами, а театр позорищем?

И тем не менее в бретонской прессе частенько попадаются статьи, изобилующие такими вот словами-монстрами, да и некоторые писатели порой балуются словотворчеством. Их язык называют «химическим» бретонским. Его, как и любую другую разновидность языка, тоже нужно знать и уметь понимать. Но это — всего лишь часть письменного языка. Его можно выучить и дома с книжкой. Настоящий разговорный язык можно услышать только где-нибудь в деревне. А мне хотелось говорить так же, как говорят настоящие бретенцы.

Приближались каникулы, и я решила поехать в какую-нибудь деревню и послушать там живой бретонский язык.

— Поехать-то ты можешь, — сказали мне, — но вот услышать бретонский где-нибудь просто так на улице тебе вряд ли

удастся. Ты можешь хоть целый день бродить по какому-нибудь городку, где все говорят по-бретонски, и не услышать ни одного бретонского слова. При виде незнакомого человека каждый из вежливости перейдет на французский.

Оказалось, что говорить с незнакомцем по-бретонски — дурной тон. Даже если этот незнакомец сам с детства по-бретонски говорит. Вот так. Оказывается, недостаточно знать язык, нужно еще и стать «своим» человеком, чтобы с тобой на этом языке говорили. Выручила меня Валери Коттен, студентка из моей группы. Мы поехали вместе с ней к ее родителям, которые живут в деревне близ города Кемпера.

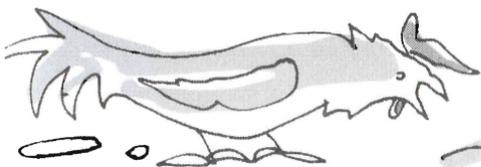
Тут надо сказать, что мне помогло, как это ни удивительно, именно то, что я иностранка, а не бретонка. Будь я простой студенткой из Ренна или, скажем, Нанта — кто знает, поддались бы родители Валери на наши уговоры и заговорили бы по-бретонски? Но когда они узнали, откуда я приехала, они не только согласились поговорить со мной, но и решили помочь мне и навестить всех пожилых родственников, которые могли бы составить нам компанию.

— Сами мы по-бретонски почти не умеем... — извиняющимся тоном сказала мать Валери. — И вообще мне всегда казалось, что бретонский язык... не совсем красивый.

Вечером, правда, выяснилось, что родители Валери прекрасно говорят по-бретонски. Кое-что, конечно, они позабыли, отдельные слова приходили с трудом, но их всегда выручала восьмидесятичетырехлетняя бабушка Валери, с которой меня в тот вечер познакомили. Тут и дала о себе знать та знаменитая пропасть между литературным бретонским и диалектами. Однако моя собеседница оказалась на редкость терпеливой. Первые пятнадцать минут мы почти не понимали друг друга. Я старалась вспомнить то, чему меня учили на занятиях по диалектологии, а бабушка — уловить в моей речи хоть что-то понятное.

— Это не наш бретонский, — подбадривала она меня, — но все-таки это бретонский.

Скоро, однако, она привыкла к моему произношению, а я — к ее. К тому же Валери мне подсказывала слова местного диалекта... Через час стараний и усилий мы уже понимали друг друга.

Иногда, конечно, возникала небольшая путаница. Бабушка любила вспоминать о прошлом своего дома и, предаваясь воспоминаниям, как-то сказала:

— Раньше пол в доме был деревянный, и мыши прогрызали в нем дырки. Раньше у нас много мышей было...

— А тараканов у вас не было? — опасливо спросила я.

— Были, что ты, были, — всплеснула руками бабушка. — Маленькие такие, скользкие, по стенам ползали. От них мокрые следы по всем стенам были... У нас их улитками называют.

Надо сказать, что не все так легко и охотно начинали говорить со мной по-бретонски. «Зачем по-бретонски, я же прекрасно говорю по-французски!» — удивлялись они. Некоторых убеждала фраза: «Я специально ехала сюда из Москвы, чтобы поговорить с вами по-бретонски!» С другими приходилось действовать хитрее: отвечать им по-бретонски, несмотря на то, что ко мне обращались по-французски. Чаще всего человек переходил на родной язык, не замечая этого, и только через несколько минут спохватывался.

Были, наоборот, и такие, кому редкая возможность поговорить с кем-нибудь на родном языке доставляла огромное удовольствие. Эти люди были для меня просто находкой — они не только разговаривали со мной на живом бретонском, но и рассказывали кое-что из их собственной жизни и из жизни языка.

Одна дальняя родственница Валери, живущая в Конкарно, рассказала мне, как в ее время было поставлено обучение французскому. Совсем маленькой ее отдали в религиозную школу, где монахини обучали девочек всему понемножку. Обучение, естественно велось на французском. Не искушенные в педагогике монахини действовали самым простым и доступным методом — методом запретов. Новички, не знающие ни слова по-французски, оказывались отрезанными от всякого общения: говорить по-бретонски строго запрещалось. «Прошло три дня, — вспоминала эта женщина, — прежде чем меня в первый раз покормили. Мне не давали ни есть, ни пить, пока я не попросила об этом по-французски».

Я услышала, конечно, и про печально знаменитый «символ» — кусок картона или деревянного башмака, кото-

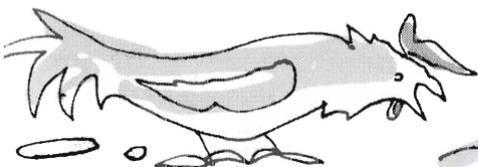
рый вешали на шею ученику, которого застали говорящим по-бретонски на перемене. Он должен был носить его до тех пор, пока не застанет за тем же занятием кого-нибудь из своих товарищей. Последнего из провинившихся в наказание оставляли в классе после уроков. Те, кто пытался говорить по-бретонски на уроках, получали по рукам линейкой. При этом школьникам внушалось, что по-бретонски говорить стыдно, что образованный человек должен обязательно говорить по-французски. В некоторых местах такими методами обучения языку пользовались до шестидесятых-семидесятых годов двадцатого века. До тех пор, пока не стали сходить на нет последние островки, на которых бретонский язык еще не стал языком стариков...

Как известно, ничего не возникает на пустом месте. И просто так, ради удовольствия, никто не станет переходить с одного языка на другой. Те, кто учит иностранные языки, знают, как это нелегко. И все-таки, несмотря на все сложности, люди выучивали чужой язык и забывали родной. Почему?

Бретонцы всегда были бедными. До Второй мировой войны, а кое-где и до шестидесятых годов прошлого века в Бретани на селе люди жили так же, как сто, двести лет назад. За водой ходили на реку, белье стирали в пруду, изредка ездили в город на ярмарку. В домах не было электричества, ни о каком комфорте и речи быть не могло. Полы в домах были земляные, их подметали вениками из дрока, а то и просто пускали кур поклевать крошки на полу и на столе... После кур протирали стол тряпкой и садились есть.

Я долго не могла выяснить, как будет по-бретонски «приятного аппетита». Оказалось, что такого просто нет. В деревенских домах никогда не было слишком много еды и об аппетите и речи быть не могло — не остаться бы совсем голодным! Ну а те, кто ел досыта и больше, испокон веков говорили по-французски.

Сейчас все это осталось в прошлом. Даже в самых скромных домах пол кафельный, есть и электричество и водопровод, никто уже не жалуется на недоедание. Но за внешним благополучием кроются новые проблемы. Цивилизация и комфорт пришли из Франции. А вместе с ними — новый язык

и новый образ жизни. Те, кто хотел выбиться в люди и разбогатеть, должны были получить соответствующее образование, а для этого — как можно лучше выучить французский и как можно скорее забыть бретонский. И не одно поколение бретонцев слышало, наверное: «Учи французский, а то так и будешь всю жизнь коров пасти!»

А теперь у многих просыпается тоска по старым добрым временам, когда женщины ходили все вместе, с шутками и прибаутками, стирать к ближайшему пруду, вместо того чтобы, как теперь, забросить белье в стиральную машину и отправиться снова смотреть телевизор. Пожилые люди часто говорят: «У нас жизнь была трудная, да и у молодых не легче. Нам было тяжело физически, а им тяжело морально». Те, кто оставил родной язык, уже не чувствуют себя настоящими бретонцами, но и французами они себя не чувствуют.

Но что поделаешь, говорить по-французски всегда было модно и престижно, а всеобщее образование сделало престижный язык доступным для всех.

Не все, конечно, и не везде так сразу перешли на чужой язык, некоторые подсмеивались над такими «модниками».

Рассказывают, как один солдат, вернувшись с войны, «забыл» бретонский и разговаривал со своими родными и соседями только по-французски. Удивленные соседи мало что понимали, думали, уж не заболел ли человек. Новоявленный француз, однако, мгновенно «выздоровел», как только наступил на грабли, не заметив их в траве. «Чертовы грабли, и кто их только сюда положил?!» — воскликнул он по-бретонски без малейшего акцента.

За три дня, проведенных у Коттенов, я успела узнать многое из того, что не узнаешь из книг. Мне рассказывали забавные истории, многие из которых я пересказываю здесь. Я побывала в городках, названия которых мне часто встречались в книгах, читанных когда-то с упоением в Москве. Госпожа Коттен угощала меня традиционными бретонскими кушаньями — солеными гречневými и сладкими пшеничными блинами, которые здесь принято запивать немного терпким душистым сидром. У каждой семьи — свой рецепт блинов, передающийся из поколения в поколение, да и сидр

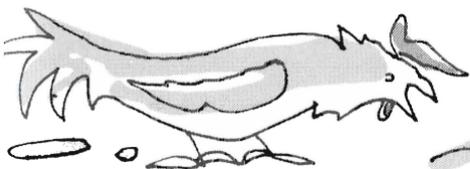
все готовят по-своему. Сладкие блины складывают треугольником и обязательно начинают есть от края к середине. Так полагается по местному этикету. В старые времена он соблюдался неукоснительно, сейчас, естественно, все забывается. По религиозным соображениям блины принято готовить по пятницам, в тот день, когда мясо католикам есть не положено. Но сейчас даже верующие люди не придают этому значения. Госпожа Коттен с удовольствием готовила нам блины по субботам и воскресеньям.

Правда, некоторые правила этикета соблюдаются до сих пор. В Бретани не принято отказываться от чашечки чая или кофе с куском пирога, который обязательно предложат пришедшему в дом, даже если он незадолго до этого как следует пообедал. Так что любому, кто собирается, как это делали мы с Валери, проводить этнографические экспедиции в бретонских деревнях, нужно заранее смириться с тем, что в придачу к интересным сведениям о жизни бретонской деревни он приобретет не один килограмм лишнего веса.

Передо мной раскрывались старые альбомы с фотографиями. На всех довоенных снимках женщины в высоких кружевных чепчиках и вышитых бархатных платьях — не по-деревенски элегантных национальных костюмах.

До недавнего времени чепчик был такой же обязательной деталью женского костюма в Бретани, как платок или повойник в России. Он был не только красивым головным убором, но и своеобразной визитной карточкой. В каждой области, чуть ли не в каждой деревне у женщин был свой, особый фасон. По чепчику издали можно было узнать, откуда родом его обладательница.

Сейчас почти везде женщины отказались от традиционных головных уборов: несовременно как-то, да и хлопотно каждый день возиться перед зеркалом со шпильками. Исключение составляют жительницы Бигуденской области, но о них — немного позже. Все разнообразие и красоту бретонских костюмов можно увидеть на многочисленных фольклорных праздниках, которые так любят иностранные туристы. Бретонцы с горькой усмешкой говорят, что многие бретонские традиции сохранились именно благодаря туристам, которые охотно расстаются со своими деньгами

ради того, чтобы поглазеть на красочные зрелища, такие как, например, религиозные процессии или народные танцы. Самой большой популярностью пользуется корнуайский фестиваль, который проводится раз в году в Кемпере. Вот уж где можно увидеть все костюмы и все танцы Корнуайской области! Гвоздь программы — это местный конкурс красоты. Специальное жюри выбирает самую красивую девушку в самом красивом чепчике — королеву праздника.

Справедливости ради надо сказать, что и сами жители Кемпера и его окрестностей не упускают случая побывать на этом фестивале. Большинство приходит в обычной одежде (у многих просто нет настоящих бретонских костюмов), но те, кто не прочь поддержать традицию, одеваются так, как одевались их бабушки и дедушки еще до войны.

Одна из многочисленных родственниц Валери, уже немолодая дама, решила потрянуть стариной и пришла на праздник в своем чепчике. Принимать участие в конкурсе красоты она, естественно, не собиралась, но тем не менее ей наравне с претендентками на звание королевы праздника не пришлось платить за вход. «Ну что вы, мадам! — сказали ей, когда она уже вынула деньги из кошелька. — Женщин в национальных костюмах мы пропускаем на праздник бесплатно!» Этот случай она долго рассказывала всем знакомым и пообещала, что на следующий год снова пойдет на корнуайский фестиваль и обязательно — в чепчике. И дело тут, конечно, не в сэкономленных деньгах...

Валери рассказала мне многое из того, о чем не говорится в красочных книгах о Бретани, которые так любят иностранные туристы. Например, то, как исчезал бретонский во многих семьях. Многие говорили по-бретонски со своими родителями, к детям обращались только по-французски. Часто по-бретонски говорили такое, что детям слышать не положено, и поэтому некоторые считают, что бретонский — язык пошлости и скабрёзности. Она стала моим гидом — ведь мне приходилось объяснять многое из того, что для нее и для других было совершенно очевидным.

Глава 22 Кабачок Мари Подерс

Вторым моим гидом был Андрео, уроженец Пон Л'Аббе. Несмотря на все усилия родителей, он прекрасно говорит на их родном языке. Его родители общаются между собой только по-бретонски, по-французски говорят еле-еле, только в случае крайней необходимости, которая возникает редко. Поэтому сына, когда он был еще совсем маленький, они отдали в пансион и общались с ним как можно реже — пусть французский выучит, глядишь, человеком станет. И все-таки Андрео, уже будучи достаточно взрослым, заговорил по-бретонски, научился читать и писать, а потом стал одним из лучших студентов кельтского департамента. Сейчас он преподает бретонский в Пон Л'Аббе на вечерних курсах для взрослых.

Он часто сетовал на то, что многие из тех, кто учит бретонский, не могут или не хотят оторваться от французского — оттуда, по его мнению, и «химиче-

ские» слова, и некрасивые фразы, похожие на подстрочный перевод с французского у многих пишущих по-бретонски.

«Вот если бы все учились бретонскому у Мари Подерс! — как-то сказал он и предложил: — Если будешь где-нибудь в наших краях, заезжай в Пон Л'Аббе, я тебя с ней познакомлю».

И вот, обойдя, кажется, всех пожилых родственников, мы с Валери, которая тоже не раз слышала о Мари Подерс, решили воспользоваться приглашением Андрео.

Город Пон Л'Аббе — «столица» Бигуденской области — находится в двадцати километрах от Кемпера, что по бретонским меркам довольно далеко. И дело даже не в расстоянии. Тех, кто проживает в деревнях и в рыбацких городках Бигуденской области, в окрестностях Кемпера считают иностранцами. У них другой говор, который в Кемпере понимают с трудом, другие привычки, другие костюмы. Особенно знаменит бигуденский чепчик — башенка из крахмаленного кружева высотой сантиметров в тридцать. В отличие от головных уборов других областей, которые можно увидеть разве что во время фольклорных праздников и фестивалей, бигуденский чепчик еще носят многие пожилые женщины. Некоторые жалеют, что и эта деталь национального костюма скоро станет музейным экспонатом. Но, к сожалению, к современным условиям жизни приспособить чепчик вряд ли возможно. Он вполне уместен на голове хозяйки какой-нибудь лавки или небольшого магазинчика, которая редко покидает свой родной городок, но большинство современных женщин часто пользуются машиной или, на худой конец, общественным транспортом. В автобус в таком чепчике влезть еще, пожалуй, можно, но вот в машину... Я как-то спросила у Андрео — а как же бигуденки ездят на машине? Может быть, это для них специально придумали автомобили с окошком на крыше? Андрео задумался и ответил:

— Им скорее всего приходится наклонять голову набок. Но так ездить очень неудобно.

Большого труда стоит, наверное, водрузить такой чепчик на голову и прикрепить его шпильками как следует — ветер на бретонских побережьях так и норовит сорвать с вас одежду. А ведь таинство надевания чепчика повторяется каждое утро. Впрочем, для пожилых бигуденок это такая же при-

вычка, как чистка зубов или застилание кровати. И многие с этой привычкой ни за что не могут расстаться.

Рассказывают, что одна бигуденка сломала правую руку, да так неудачно, что кости не срослись и рука навсегда осталась покалеченной. Бедная старушка уже не могла самостоятельно управляться по хозяйству, ей пришлось нанять домработницу.

— Теперь вы, наверное, уже не будете носить чепчик? — спросили у нее.

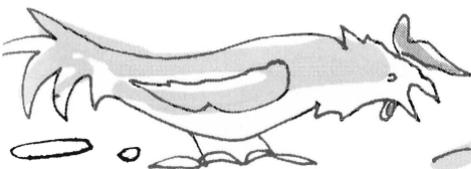
— То есть как? — удивилась она. — Как же я смогу появиться на людях без чепчика — я буду чувствовать себя так, как будто я вышла на улицу голой!

И каждый день она продолжала водружать на себя чепчик одной левой рукой — у нее на это уходило не меньше сорока минут.

Бигуденок очень любят иностранные туристы, в последние годы заполонившие Бретань. В когда-то тихие рыбацкие городки каждое лето съезжаются сотни и тысячи отдыхающих со всех концов света. И чуть ли не каждый хочет сфотографироваться с бабушкой в высоком чепчике. Многим не нравится такое изобилие иностранцев, но что поделаешь, туризм — одна из основных статей дохода для сегодняшней Бретани. Бретонцы — люди практичные. Первое время бигуденкам не нравилось, что их фотографируют, как каких-то экзотических зверьков, но вскоре и они перешли на рыночные отношения, проникающие в самые глухие уголки Европы. И когда приезжие просили сфотографироваться с ними, бигуденки приветливо улыбались: «Конечно, конечно, двадцать франков за каждое фото!» (Точно не знаю, сколько сейчас они запрашивают в евро, но подозреваю, что чем дальше, тем выше становится плата: увы, с каждым годом бабушек в высоких чепчиках все меньше...)

Надо ли говорить, что мне очень хотелось познакомиться хотя бы с одной из бигуденок, хотелось самой услышать и постараться понять их своеобразный говор, один из самых трудных для понимания. И вот такая возможность представилась.

Мы позвонили Андрео и договорились встретиться с ним после обеда в Пон Л'Аббе в кафе. Андрео пришел заранее и, встретив нас на пороге, предложил:

— Посидим пока здесь, к Мари Подерс ехать еще рано. Обычно посетители собираются у нее после четырех выпить по рюмочке вина и поболтать о том о сем.

Времени у нас хватало, и мы сами были не против поболтать о том о сем за чашечкой кофе. Болтали мы, естественно, по-бретонски. Молодой человек за стойкой прислушивался и улыбался.

— Здесь — не то что в Кемпере, — пояснил Андрео. — Тут все понимают бретонский, даже молодежь, которая на нем не говорит. А уж о старшем поколении я молчу. В кабачке Мари Подерс, например, вы не услышите ни слова по-французски. Там собираются старые моряки, им французский просто не нужен. Конечно, поначалу вам будет сложно их понимать. У нас говорят не так, как в Кемпере, и, уж конечно, не так, как в университете. Но кое-что я сейчас объясню...

Далее последовала маленькая лекция об особенностях местного говора. Без этого теоретического введения, пожалуй, никак нельзя было обойтись — слишком уж по-разному говорят люди, живущие в двадцати километрах друг от друга.

Когда подошло время ехать к Мари Подерс (ее кабачок находится не в самом городке, а чуть дальше) и мы, расплатившись, отправились к выходу, бармен попрощался с нами по-бретонски. Действительно, в Кемпере мне никогда не приходилось слышать такого прощания ни до, ни после. Впрочем, немного позже я узнала, что и в Пон Л'Аббе не все так любят родной язык.

Едва уместившись втроем в старенькой машине Андрео, мы поехали куда-то за город и через несколько минут остановились перед небольшим домом у дороги. Дом как дом, ничего примечательного я в нем не заметила. Никакой вывески, дверь закрыта, ставни заперты. Андрео объяснил нам, что кабачок Мари Подерс — нечто вроде клуба, куда пускают только «своих». Не потому, что эти люди прячутся от кого-то, нет. Они просто стесняются чужаков, с которыми надо говорить «по-культурному», то есть на французском. К тому же вывеска на доме могла бы привлечь посторонних людей, любителей просто выпить. Здесь же собираются старые знакомые, и маленькая рюмка вина для них — всего лишь дань традиции. Главное — общение.

Андрео здесь свой человек. Его давно знают. Время от времени он приводит в этот кабачок своих университетских друзей, которые, как мы с Валери, хотят совершенствовать устный бретонский. А для Мари Подерс и ее клиентов такие визиты — просто удовольствие. Нечасто даже здесь, в Пон Л'Аббе, двадцатилетние болтают между собой на языке своих родителей.

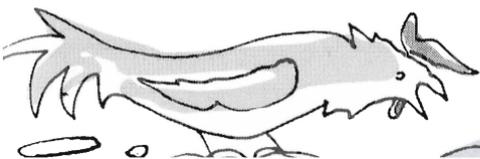
Вслед за Андрео мы вошли в дом и сразу очутились в атмосфере, которую с такой ностальгией описывают бретонские писатели. За деревянными столами и около стойки посетители обсуждали местные новости. Увидев нас, они заметно оживились: «Э, да это Андрео! Опять кого-то к нам привел. Мари, принимай гостей!» Нас представили самой Мари Подерс, бодрой, несмотря на свой почтенный — далеко за восемьдесят — возраст, бигуденке. Одета она была типично по-бигуденски: темное платье, шаль на плечах и, конечно же, чепчик, сверкающий белизной. Вообще все здесь были одеты по старинке, половина из старых моряков так и не перешла на современную обувь, а продолжала ходить в гулко стучающих по кафельному полу деревянных башмаках — «боту коад», как их здесь называют.

Действительно, здесь не слышно было французского. Воспринимать на слух местный говор было трудно, и Андрео не раз выступал в роли переводчика. Без него бы поначалу я не справилась: некоторые фразы приходилось просто угадывать.

— Хорошо вы по-бретонски говорите, — сказали нам, — хоть и не по-нашему, а все-таки здорово. Откуда будете, не из Кемпера случаем?

— Валери действительно из Кемпера, — ответил за нас Андрео. — А вот откуда Анна — догадайтесь!

Имя у меня, как оказалось, типично бретонское. Святая Анна, бабушка Иисуса Христа, считается покровительницей Бретани, второй святой после Девы Марии. Неудивительно, что бретонских девочек часто называли в ее честь. То, что бабушка Христа скорее всего была еврейкой, бретонцы при этом забывают и считают ее своей соотечественницей, а о семитском происхождении этого имени вроде бы догадываются, но как-то смутно. А вот ставшую легендой герцогиню Анну, до последнего пытавшуюся отстоять незави-

симось Бретани, помнят и чтят все. Говорю это не для того, чтобы похвастаться — просто многие из тех, кому меня представляли, не верили, что Анна — имя, которое встречается и в России. К тому же в отличие от моих японских коллег мне легко было сойти за местную, я оказалась внешне очень похожей на типичную смуглую темноволосую бигуденку, о чем мне весьма часто сообщали. По акценту, однако, Мари Подерс и ее клиенты определили сразу:

— То, что она не местная, — точно. Не из Кемпера, говорите? — и начали выдвигать гипотезы. Ни один, однако, не попал в точку. Вдоволь повеселившись, Андрео наконец сказал им, откуда я. Последовал взрыв смеха и вопрос: — А если серьезно?

В то, что я из России, никто не верил, пока я не показала свой студенческий билет, где, как это принято во Франции, было указано место моего рождения. Естественно, последовали удивленные возгласы, и на меня обрушился шквал вопросов. Видимо, я была первой гостьей из России в кабачке Мари Подерс. Старых моряков интересовало в основном сельское хозяйство. С грехом пополам припоминая подробности сельской жизни, я продолжала постигать на практике все тонкости местного говора.

В кабачок тем временем приходили новые посетители, здоровались со всеми за руку и присоединялись к разговору. Вновь пришедших с удовольствием разыгрывали: предлагали угадать, откуда я родом. Снова приходилось доставать студенческий билет.

Видимо, наш визит надолго запомнился Мари Подерс и ее клиентам. Андрео часто передавал мне от них привет. Несмотря на свою нелюбовь к чужакам, Мари Подерс с удовольствием встречала (и, я надеюсь, встречает до сих пор) гостей, которых приводил к ней Андрео. Через год после нашего визита у нее гостили корреспонденты валлийского телевидения, которых пригласил с помощью Андрео один университетский преподаватель, валлиец, прекрасно говорящий по-бретонски. Фотография Мари Подерс попала на обложки журналов.

Вообще в бретонцах меня многое поражало. Например, свойственная им боязнь незнакомых людей. И не только

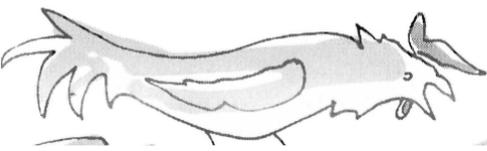
иностранцев, но и ближайших соседей. Это особенно разочаровывает собирателей фольклора. Часто они никак не могут добиться у какого-нибудь народного сказителя, чтобы он рассказал им сказку или спел песню. Ответ обычно такой: «Зачем вам наши сказки? Ведь вы не из нашего прихода!» В отличие от наших соотечественников, которые готовы порой излить душу случайному попутчику в автобусе, бретонцы не привыкли просто так заговаривать с первым встречным. Да и со знакомыми разговор часто ограничивается двумя-тремя фразами. На вопрос «Как дела?» отвечают обычно «Спасибо, хорошо», если все в порядке, и «Спасибо, в общем, неплохо», если дела не клеятся. Рассказывать же о своих заботах и радостях не принято. Такие новости берегут для очень близких друзей или родственников. С незнакомыми людьми откровенничать неприлично, а уж сказки рассказывать... Но если вы приходите к человеку раз, другой, третий, постепенно становитесь его знакомым, то, может быть, вам, как близкому другу, он и расскажет какую-нибудь из тех историй, что случились давным-давно.

Андрео часто записывает на диктофон разные истории, которые рассказывают ему старички и старушки. Он рассказывал мне, что зачастую бывает очень трудно уговорить какую-нибудь стеснительную бабушку говорить перед записывающим устройством, а если и удается, то порой все ее красноречие куда-то исчезает.

И тем не менее ему удалось записать десятки кассет с рассказами о далеком и не очень далеком прошлом. Некоторые из записей, самые удачные, звучали на одной из радиостанций, уделяющих часть эфирного времени передачам на бретонском.

Если уж зашла речь о радио, нужно сказать о том, какое место занимает бретонский в радио- и телепередачах.

По радио передачи на бретонском можно услышать относительно часто. В Кемпере, например, по-бретонски вещает «Нижнебретонское радио», в городе Ванне — «Ваннское радио». Эти радиостанции, как и многие другие, отводят какое-то время передачам на бретонском языке. Репертуар везде практически один и тот же — музыка, интервью, юмор. Но как говорил один сотрудник Нижнебретонского радио:

«Делать передачи стало невозможно. Нам говорят — поменьше слов, побольше музыки, и заставляют прерывать каждое интервью музыкой через две-три минуты. Скоро по радио совсем перестанут говорить, что по-бретонски, что по-французски».

В отличие от Уэльса, где существует две радиостанции, которые вещают по-валлийски круглосуточно — Radio Cymru и валлийское Radio Wales BBC, — в Бретани специализированной радиостанции нет. Вообще Уэльс был и остается примером, на который равняются бретонцы, — там кельтский язык не только не находится под угрозой исчезновения, но и кое-где может составить конкуренцию английскому. Но если на радио дело с бретонским языком обстоит более или менее сносно, то с телевидением все гораздо хуже.

Приезжие валлийцы часто удивлялись, почему до сих пор не снято ни одного более или менее стоящего фильма на бретонском языке. Да и сама я, признаться, удивилась, когда в первый — и последний — раз посмотрела коротенький бретонский фильм.

На занятиях первокурсникам обычно показывали новости на бретонском, которые мы должны были попытаться понять (что не всегда было легко и просто) и пересказать. Училась наша группа ударно, и скоро ни один диалект не вызывал у нас трудностей. Поэтому перед каникулами наш преподаватель предложил нам посмотреть что-нибудь более интересное, чем сводка новостей. Мне давно хотелось увидеть какой-нибудь из бретонских художественных фильмов, что я и предложила сделать. Студенты, как всегда опасющиеся лишний раз высказаться вслух, других предложений не выдвинули, и решено было посмотреть развлекательное кино про современную молодежь. Что и было сделано.

Единственное, что мне в этом фильме понравилось, — это язык. В качестве актеров снимались не только студенты кельтского департамента, но и жители городка, где разворачивалась нехитрая история. Послушать «актеров» было приятно, но вот их игра сильно напоминала мне школьные годы и самодеятельные спектакли, которые мы ставили всем классом. Да и съемки были явно не высокопрофессиональные.

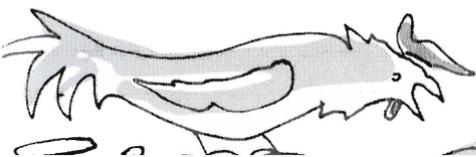
Незадолго до этого Ффран Мэй показывала нашей группе валлийский фильм. Несмотря на то что старый универ-

ситетский видеоманитофон немного барахлил, мы смогли насладиться прекрасными пейзажами Уэльса, валлийскими костюмами начала двадцатого века, великолепной игрой актеров. Фильм захватывал, несмотря на то, что мы понимали далеко не все из того, что говорили актеры, даже после того как Ффран вкратце рассказала нам, о чем там идет речь. Длился он около двух часов, и, несмотря на это, мы не устали ни слушать, выхватывая знакомые слова и предложения, ни вытягивать шеи, чтобы не пропустить ничего, глядя через головы тех, кто сел поближе к экрану.

Не все валлийские фильмы, разумеется, сделаны так хорошо. Но ведь тот бретонский фильм, который нам показывали на уроке, считается одним из лучших. Так в чем же дело? Откуда такая разница?

По возможности тактично я задала этот вопрос преподавателю бретонского, который показывал нам фильм. Надо сказать, не я одна была неприятно поражена качеством бретонского кинематографа. Ффран тоже часто возмущалась: «Ну почему бретонцы не могут снять что-нибудь приличное? Вот наше, валлийское телевидение, к примеру, ничем не хуже английского. Наоборот, один валлийский сериал так понравился зрителям, что его перевели на английский и на другие языки! Почему не сделают то же самое на бретонском?»

Так что и мой вопрос никого не шокировал. Как мне объяснили, все признают, что качество бретонских фильмов оставляет желать лучшего и дотянуть их до уровня валлийских было бы прекрасно, но... Во-первых, нельзя сравнивать положение валлийского с положением бретонского. Начать с того, что валлийский язык никто никогда не запрещал и не преследовал. Говорящих по-валлийски гораздо больше, чем говорящих по-бретонски, и поэтому гораздо легче найти профессионального актера, говорящего по-валлийски, чем говорящего по-бретонски бретонца, способного прилично сыграть роль в фильме. Но не только в этом дело. На профессиональную съемку, костюмы и прочее не хватает денег. На местном телевидении передачам на бретонском отведено немного времени; десять минут на новости каждый день и тридцать пять минут по воскресеньям. Даже если кто-то и снимет полнометражный фильм, пока-

зять его в воскресной передаче целиком не удастся. Многие негодуют по поводу того мизерного количества времени, которое уделяется передачам на бретонском. Им отвечают: «А много народу смотрит эти ваши бретонские передачи?» Время от времени телевизионное начальство угрожает вообще прикрыть их, но бретонские энтузиасты активно протестуют. К слову, в Уэльсе существует отдельный канал, полностью вещающий на валлийском.

А действительно, если задуматься, кто смотрит телепередачи на бретонском? Студенты, изучающие язык, их преподаватели, немногочисленные энтузиасты, не пропускающие ни одной передачи, ни одного нового печатного издания на бретонском? А те, кто до сих пор сохранил бретонский язык в глубинке? Ведь для них, особенно для тех, кто не умеет читать и писать по-бретонски, телепередачи на родном языке — это единственное средство «пообщаться» с бретонцами из других областей. Мне очень хотелось это узнать, и я воспользовалась случаем, когда во время очередных каникул у Коттенов зашел разговор о телевидении.

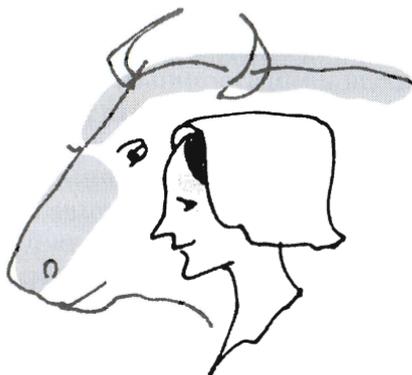
Многие из родственников Валери, как оказалось, смотрят новости по-бретонски.

— Я посматриваю иногда, — как всегда со смущением призналась госпожа Коттен. — Но понять, что они там говорят, иногда трудно. Вот когда говорит кто-то из нашей области, тогда другое дело. А других, как ни стараешься, не поймешь.

— Ну, не скажи! — возразила ее сестра. — Когда я начала смотреть новости, тоже не все понимала. А сейчас привыкла, все разбираю.

В основном, как выяснилось, почти все после небольшого периода тренировки, когда ухо приспособливается к непривычному произношению, начинают понимать передачи. Такая тренировка, конечно, не самое легкое дело. Особенно в таком языке, как бретонский, где диалекты разошлись очень далеко. И тем не менее те, кто интересуются своим языком, сделав над собой некоторое усилие, начинают понимать любой его диалект.

Глава 23 Скандалная история и говорящие коровы

Не все бретонцы любят свой родной язык. В том же кабачке у Мари Подерс с нами произошла маленькая скандалная история. Когда я мирно беседовала с одним милым дедушкой, заинтересовавшимся тем, как у нас в России выращивают озимые, а Андрео с Валери выясняли у кого-то местный вариант какой-то песни, в бар вошел нетипичный посетитель. Он был одет по-другому, да и держался не так, как все. Позже мне объяснили, что он скорее всего работал в торговом флоте и часто бывал за границей, поэтому, вероятно, считал себя культурным человеком и смотрел на окружающих немного свысока. Тем не менее он со всеми поздоровался, перекинулся двумя-тремя фразами (на бретонском, разумеется) со старыми моряками и посмотрел на нас троих.

— А вы тут что делаете, интересно? — спросил он почему-то по-французски. Узнав, что мы студенты и приехали сюда попрактиковаться в бретонском, он неожиданно рассердился: — И как вам не стыдно! А еще в университете учитесь! Кто только вас там учит? Молодежь, а туда же... Ну они, — он не очень уважительно указал рукой на завсегдааев кабачка, — люди необразованные, не понимают, а вы-то должны понимать, на каком вы языке говорите! Это же фашистский язык!

Мы попробовали что-то возразить, но посетитель продолжал свой прочувствованный монолог:

— Дожили! Теперь бретонский преподают в школах! Хорошо еще не во всех... Да если бы у моих детей в школе преподавали бретонский, я бы забрал их оттуда. Пусть бы лучше совсем без образования остались, чем учили бы этот фашистский язык!

Честно говоря, услышав такое, я просто опешила. Сердитый посетитель удалился, а я решила выяснить у моих друзей, при чем тут фашисты. Вот что мне рассказали.

В любой семье, как говорит пословица, не без уroda. Любое национальное движение, особенно если оно встречает упорное сопротивление властей, может приобретать уродливую форму. Патриоты легко превращаются в шовинистов, а борцы за национальную культуру — в террористов. Было такое и в Бретани. Еще до Второй мировой войны на центральной площади Ренна бретонские террористы взорвали скульптуру, украшавшую здание мэрии. Скульптура, изображавшая коленапреклоненную Бретань, отдающую свою свободу Франции, не льстила самолюбию бретонцев.

Это происшествие, естественно, наделало много шума, как в буквальном, так и в переносном смысле, но несколькими годами позже произошло нечто куда более скандальное: некоторые бретонские писатели, лидеры национального движения, в пику французам, боровшимся с фашистскими захватчиками, стали на сторону оккупантов. Этот факт был подхвачен прессой, и, как это всегда бывает, дурная слава распространилась и на всех тех, кто не имел никакого отношения к политике и занимался только языком и культурой.

Давно ушли в прошлое террористические акты, на смену которым пришли забастовки рыбаков и фермеров, но и через

пятьдесят с лишним лет, как оказалось, у многих словосочетание «бретонское движение» продолжало вызывать неприятные ассоциации. Да и сейчас многие, как тот сердитый посетитель кабачка, уверены, что бретонским языком занимаются только фашисты. Часто можно услышать, как о ком-то говорят «Он увлекается бретонской культурой... Но вы не думайте, он не националист, он просто собирает бретонские книги!».

Бретонцев так упорно убеждали, что их язык недостойн человека, что некоторые считают, что по-бретонски можно общаться только с животными. Как-то я спросила у одной фермерши:

— Вы говорите по-бретонски?

— Что вы? — искренне удивилась она. — Я не говорю по-бретонски, а вот мои коровы — другое дело.

— То есть как?!

— Они понимают, когда я к ним обращаюсь по-бретонски: «домой», например, или «на луг». Так они привыкли. А я сама по-бретонски только несколько слов знаю и до девятнадцати считать умею

— А почему до девятнадцати?

— Я не знаю, как будет двадцать.

Все это показалось мне несколько странным, тем более что от Валери я знала, что эта женщина выучила французский в школе и не может не помнить хоть чего-нибудь.

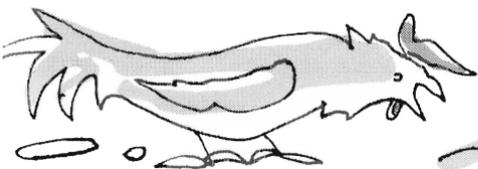
— А сколько у вас коров? — спросила я по-бретонски.

— Коров-то? — на том же языке ответила женщина. — Двадцать четыре!

Иногда можно переубедить человека. После моих визитов на каникулах мадам Коттен, по-моему, перестала считать бретонский язык чем-то ненужным и некрасивым. По крайней мере Валери в этом уверена.

Но переубедить — не значит вернуть потерянное. Можно, хоть это и нелегко, доказать людям, что не следует стыдиться собственного языка, но это не значит, что они смогут снова на нем говорить.

Перед нашим отъездом в Ренн семья Коттен решила устроить небольшой обед в кругу ближайших родственников. Собрались несколько человек лет пятидесяти. Видимо,

долгие беседы о бретонском языке пробудили в них ностальгические воспоминания, и они решили: за столом говорить только по-бретонски. По-французски — не слова. Но все оказалось не так просто. Язык, даже родной, с годами забывается. То и дело кто-то забывал какое-нибудь слово и обращался за помощью к окружающим. Через полчаса напряженных усилий всем стало тяжело и неловко. Однако переходить на французский первым никто не решался. Положение спас один из младших кузенов Валери, неожиданно появившийся на пороге. «Интересно, — с надеждой спросили его, — а ты говоришь по-бретонски?» Как и следовало ожидать, он ответил: «Нет, я, кроме двух или трех слов, ничего не знаю». Сидевшие за столом с явным облегчением вздохнули и перешли на французский.

Как-то я спросила у Валери:

— А читать по-бретонски твои родители умеют?

— Нет, — ответила Валери, — даже бабушка не умеет. А вот мой прадедушка, ее отец, умел читать.

— А что, если показать им бретонскую книгу?

— Не поймут. Я много раз предлагала им что-нибудь прочитать. Ты ведь видишь, какая разница между тем, как в книгах пишут, и тем, как здесь говорят. И произносится не так, и слова не те.

Действительно, иногда Коттены, позабывшие многие слова, спрашивали их у меня или у Валери. Часто мы с Валери употребляли слова из стандартного литературного языка, которых здесь никто никогда не слышал.

— У вас так в университете говорят? — со смущением и опаской спрашивали у нас. — Ну, значит, так и надо говорить, а мы, наверное, говорим неправильно...

И больших трудов стоило доказать им, что их живая речь ничем не хуже того языка, который преподают нам в Ренне.

Забавно, что те же самые слова, сказанные тем же тоном, я часто слышу от отца-ассирийца, который тоже говорит на родном диалекте и не умеет ни читать, ни писать по-ассирийски. В студенческое время я начала учить ассирийский по учебнику Биньямина Арсаниса, с трудом осваивая восточно-сирийскую письменность. За консультациями,

естественно, обращалась к отцу. Часто в учебнике знакомые ему слова рекомендуются произносить по-другому или у них другое значение. И много раз я вспоминала родителей Валери, когда мой отец в сомнении произносил:

— В учебнике так написано? А у нас по-другому говорили... Может быть, мы говорили неправильно?..

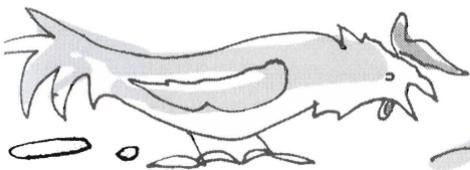
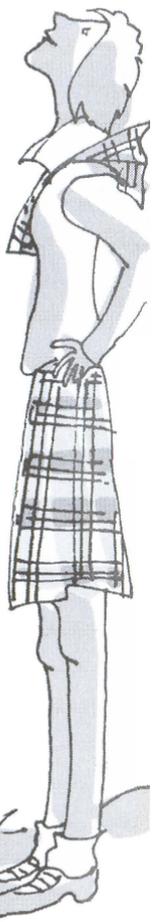
При желании, конечно, те, кто говорит на диалекте, могут выучить литературный язык. В кельтский департамент часто приходят люди из тех областей, где в некоторых семьях еще говорят по-бретонски. Поначалу им трудно даются чтение и письмо, но зато в устной речи они оставляют далеко позади своих товарищей, которые начали учиться читать и говорить одновременно. А вот освоить другой диалект, не зная литературного варианта, гораздо сложнее.

Рашель, одна из моих университетских подруг, рассказывала:

— Как жаль, что моя мама так и не смогла как следует выучить бретонский. Она сама бигуденка, а живем мы в Ваннской области. Она как-то даже записалась на курсы бретонского, но как услышала этот ужасный ваннский диалект — ничего не поняла, как ни билась. Пришлось бросить всю эту затею, хотя она очень об этом жалеет. Если бы она еще читать умела...

Теперь бретонский выучить сравнительно легко, достаточно записаться на вечерние курсы. В школах он преподается по программе иностранного языка. Существуют созданные несколько десятилетий назад двуязычные школы и школы *Diwan*, где все предметы преподают на бретонском. Другое дело, что практичные и здравомыслящие люди спросят: а зачем его учить? На этот вопрос, мне кажется, каждый должен найти свой ответ. А если уж люди учат этот язык, значит, он им нужен.

Итак, пока одни борются за права бретонского языка, другие в погоне за «культурностью» пересиливают себя и говорят на ломаном французском или на жуткой смеси из двух языков... Пока интеллигенты в городах отправляют своих детей в бретонские школы, на селе по-бретонски говорят разве что с коровами. Долгие годы бретонцам, упрямо

сохранявшим свой язык, внушали, что на этом языке говорить неприлично, а теперь энтузиасты пытаются заставить их понять, что без родного языка теряется то самое главное, что делает бретонца бретонцем.

Действительно, парадокс. Как сказал один бретонский крестьянин, выучивший французский из-под палки в школе:

— Теперь по-бретонски и по радио, и по телевидению говорят. Стало быть, нормальный язык, как все остальные... Так за что же нас по рукам били?

Глава 24

Вопросы, на которые не всегда можно найти ответы

ействительно, за что?

Не надо думать, что учителя были все как на подбор злыми садистами (и это тоже случается, но не настолько часто, как об этом любят рассказывать школьники). Им так велели. Они считали, что так лучше. Они сами стыдились себя и своего языка. И вообще вопрос «Чья вина в том, что тот или иной язык оказался на грани вымирания?» в принципе неуместен. Никто не виноват. Не вина это, а беда.

Уже упомянутая мной Валери Коттен рассказывала, что в тех местностях, где люди в массовом порядке оставляли свой родной язык и переходили на французский, немедленно начиналась настоящая эпидемия: у психотерапевтов не было отбоя от клиентов, и даже у психиатров работы прибавлялось. Депрессии и другие нервные расстройства становились

такой же банальностью, как и простуды. Я думаю, Валери изрядно преувеличивала, тем более что никакой статистики по числу нервных заболеваний в районах, где бретонский язык вышел из употребления, я не видела. Массовых сумасшествий на моей памяти в Бретани не наблюдалось, а депрессия в XXI веке, как это ни печально, стала почти такой же банальностью, как насморк. Вот только статистика самоубийств настораживает: то и дело Бретань по числу самоубийств оказывается на первом месте в Европе.

Так что не буду излишне драматизировать. Но что есть, то есть: переход на новый язык — это сильнейший стресс. Исследования психолингвистов разных стран, занимавшихся проблемой двуязычия и потери родного языка, не раз приводили к схожим результатам: когда человек теряет родной язык и вынужден постоянно пользоваться неродным, его чувственный мир обедняется. Многого хотел бы выразить, а не может — трудно. И обратную реакцию, и эмоциональную отдачу получить тоже сложно. А детей воспитывать, из лучших побуждений разговаривая с ними только на неродном языке, да еще исковерканном, — это как отзовется? Забыть бабушкины сказки, прибаутки, потешки, прервать связь поколений — насколько это легко? Не такие уж это безобидные вещи, как кажется, — потерять свой язык, то есть потерять часть себя. Это серьезный удар. Другое дело, что наносят сами себе такой удар обычно не от хорошей жизни — порой в целях физического выживания. Но все равно это стресс.

И «отыграть» это обратно, вернуть утраченное предыдущими поколениями, как показывают мои наблюдения и исследования коллег, очень сложно, если вообще возможно. Именно поэтому с таким трудом и скрипом приживаются попытки энтузиастов, возрождающих угасающий или уже утраченный язык. Не то чтобы все вокруг были против того, чтобы заново выучить родной язык, но то одно мешает, то другое, то третье. Как говорится в научной литературе, «см. выше»: в предыдущих главах об этом немало сказано. И очень часто те же бретонцы, корнцы и шотландцы начинают мечтать, мол, было бы у нас свое государство, приказали бы нам в обязательном порядке учить язык в школе, вот тогда бы уж мы

точно заговорили. Но под самым носом у таких мечтателей Ирландия, где все это есть: и школьное обучение, и законы, защищающие язык, но каков при этом результат?

Вспоминаю, как в 1999 году вместе со старшей коллегой приехала в Ирландию. Первое, что мне бросилось в глаза в самом аэропорту и по дороге из аэропорта в Дублин, — двязычные надписи. Причем сверху были ирландские, а внизу скромно располагались английские, набранные более крупным и, как правило, более удобочитаемым шрифтом. У несведущего человека могло сложиться впечатление, что по-ирландски говорят везде, ну, может быть, чуть хуже, чем по-английски. Ведь ирландский — второй государственный язык в стране, его в обязательном порядке изучают в школах.

Действительно, ирландский в Ирландии знают все, но говорят на нем немногие и далеко не везде. Живую ирландскую речь можно слышать только в Гэлтахте — районах, где еще говорят по-гэльски, да и там число говорящих на этом языке сокращается.

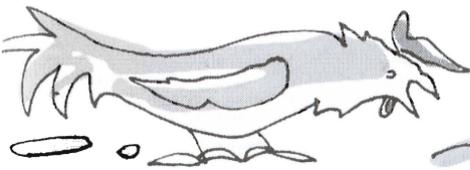
Когда мы с Татьяной Андреевной приехали в город Корк и сели в такси, чтобы попасть в университет, где должен был состояться конгресс, куда мы, собственно, и отправлялись, водитель начал разговаривать с нами о том и о сем. Мы мило беседовали, и, выяснив, кто мы и чем по жизни занимаемся, шофер, естественно, сказал:

— А я учил ирландский в школе.

В ответ Татьяна Андреевна обратилась к нему по-ирландски, и тогда водитель, несколько не смущаясь, продолжил по-английски:

— Вот только после школы я никогда по-ирландски не разговаривал.

Следующей моей надеждой услышать ирландский язык вне стен университета была экскурсия по стране, в ходе которой нас обещали в обязательном порядке завезти туда, где до сих пор говорят по-ирландски. На полуострове Дингл мне довелось увидеть еще много замечательных вещей: например, остров, который напоминал спящего великана. Огромный бородатый мужчина чинно дремал посреди океана, сложив руки на большом животе. Там же я посидела на самом

краю света, в том самом месте, где берег круто обрывается в море, за которым нет ничего, кроме горизонта. Но ирландской речи местных жителей я там не услышала: кругом были лишь море, солнце, скалы и коллеги.

После обеда, когда довольные ученые разбрелись кто куда, я стояла, вперившись взглядом в два чудных изумрудных холма, между которыми вдальке белели чистенькие и симпатичные домики. Невдальке мычали коровки и блеяли овечки — в общем, более идиллического пейзажа и нельзя было себе представить. И как это всегда бывает, когда оказываешься в таком приятном месте, в особенности после сытного обеда, думалось о том, как здесь, наверное, классно жить. В голове понеслись идиотские фантазии типа «А вот была бы здесь у меня дача...».

Тут ко мне подошел весьма приятный господин, один из организаторов конгресса Брендан О'Конхуир. Мое восприятие пейзажем, похоже, тронуло его.

— А ведь я сам из этих мест. Здесь родился и вырос.

— Здорово тут у вас.

— Летом-то здорово. А вот если бы вы приехали сюда в ноябре, вам бы вряд ли понравилось. Вообще сейчас удивительная погода, ветра почти нет. Обычно он дует чуть ли не круглый год, а зимой он такой сильный, что сбивает с ног, к тому же очень холодный. Представьте себе — море серое, небо прочти черное, постоянный ветер, холод, сырость. Поэтому здесь почти никто и не живет.

«А как же все эти дома?» — хотела было спросить я, но мой собеседник ответил раньше, чем я озвучила этот вопрос.

— Почти все дома, которые вы видите, — это дачи. Очень многие принадлежат иностранцам. Летом здесь много народу, а зимой почти никого. Местные уезжают, в основном молодежь, потому что работы здесь никакой нет, кроме сельского хозяйства. А этим много не заработаешь.

— Грустно все это, — сказала я. А про себя подумала: «Ну везде, везде одно и то же...»

— Еще бы не грустно, особенно если подумаешь, что это ведь один из немногих районов, где говорят по-гэльски. А молодежь уезжает в города, забывает язык.

— А вы сами с детства говорили по-гэльски?

— Да, конечно. — Похоже, мой вопрос даже удивил собеседника. — В семье только на нем и говорили.

— А с детьми вы на каком общаетесь?

— На гэльском, естественно.

«А вот это здорово, — отметила я про себя, — обычно все ратуют-ратуют за язык, а с детьми все равно по-английски общаются».

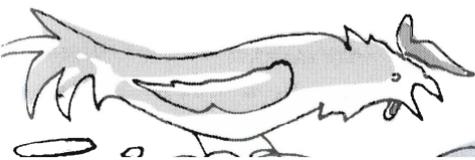
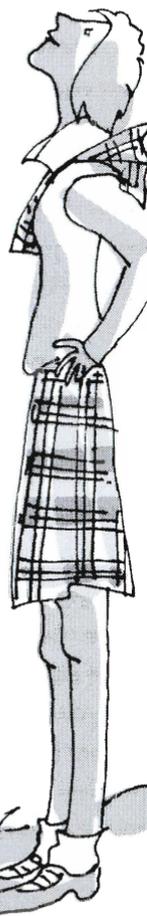
— Я считаю, что от английского они все равно никуда не денутся: вокруг все по-английски говорят, в школе его учат. Так что дома мы учим родной язык.

Да, это редкость! Признаюсь, что нигде на улицах Корка я не слышала ирландской речи (про Дублин вообще молчу). И так — почти повсеместно, несмотря на все меры, которые предпринимает правительство! А меры были самые что ни на есть «правильные», и по всему выходило, что еще чуть-чуть — и вся страна заговорит по-ирландски. Этот язык в обязательном порядке изучают в школах, он звучит по радио и по телевидению, правительство поощряет писателей, которые предпочитают творить на языке предков. Долгое время существовал даже специальный экзамен по языку для чиновников: плохо говоришь по-ирландски — не место тебе на государственной службе. Но толку от такого закона было мало, и не так давно его отменили.

Причем ситуация одинакова что в Ирландской республике, что в Северной Ирландии. Там я вообще видела только одного человека, который периодически разговаривал при мне по-ирландски: это преподаватель университета, специалист по средневековой ирландской истории. Думаю, что он вполне заслуживает того, чтобы торжественно представить его на страницах этой книги. Его зовут Максим. А фамилия его Фомин. И родился он в городе Твери. Думаю, что комментарии излишни.

Правда, все в том же 1999 году мне удалось-таки побывать в Гэлтахте и услышать настоящих (да не обидятся на меня уроженцы Твери!) носителей ирландского языка.

Итак, после продолжения экскурсии еще не очень усталые, но снова голодные ученые были несказанно рады, когда, уже в сумерках, автобус подкатил к ресторанчику в каком-то поселке. Ресторанчик был уютный, на поли-

рованном буфете лежали милые крахмаленые салфеточки вроде тех, которые вяжут из белой пряжи бабушки везде-езде, в том числе и у нас.

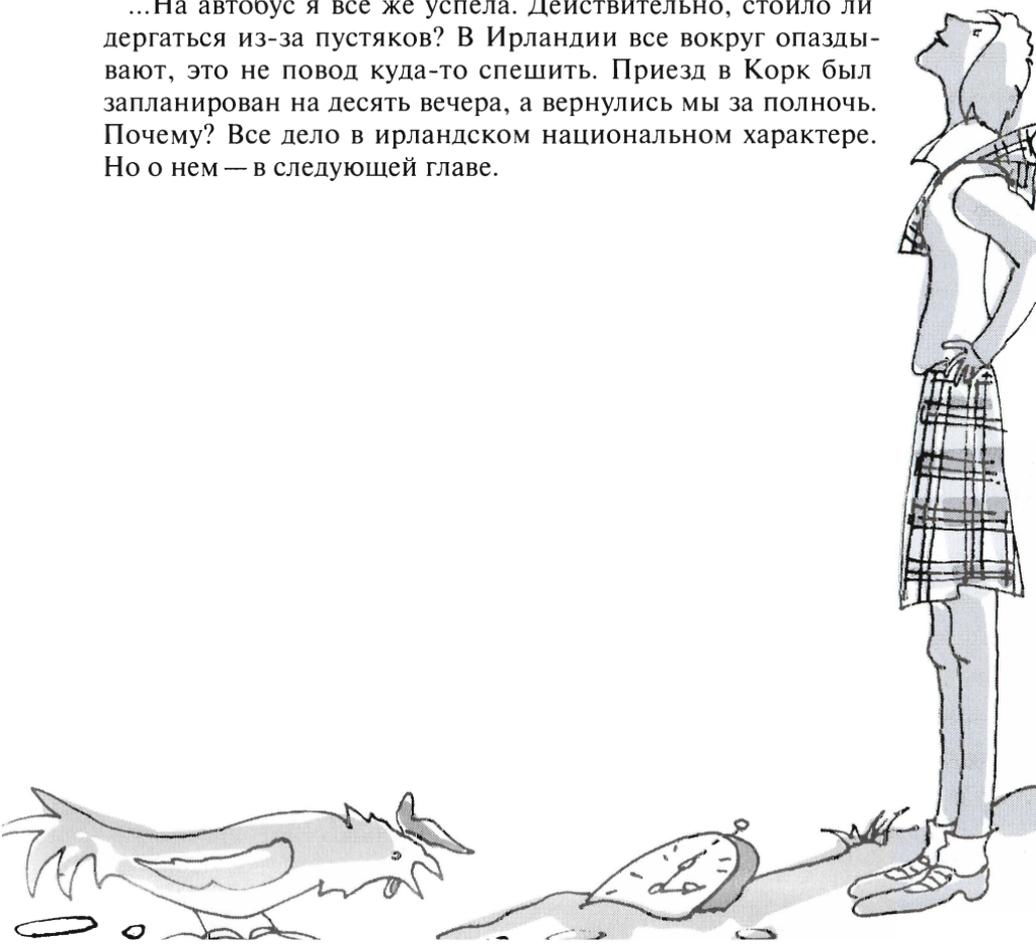
Именно там я наконец-то по полной программе ощутила, что действительно нахожусь в Гэлтахте. Ирландские ученые мужи и дамы объяснялись с официантками по-гэльски к обоюдному удовольствию. Но это было еще не все. Когда ужин подходил к своему завершению, из бара, находившегося по соседству, до моих ушей донеслись знакомые ирландские мелодии. Ну как пропустить такое? Вот он, ирландский фольклор в чистом виде! Попросив коллег предупредить меня, когда автобус будет отчаливать, я вышла из-за стола и направилась в бар.

Действительно, за одним из столиков расположились милые юноши, которые наигрывали народные мелодии к большому удовольствию окружающих. И хотя играли они на уровне самодеятельного ансамбля песни и пляски, смотрелось и слушалось это весьма и весьма приятно. А главное, аутентично. Возле стойки толпились посетители моего возраста и — о чудо! — переговаривались между собой по-гэльски. Даже неудобно было обращаться к ним по-английски, но что уж поделаешь, на местном наречии я знала всего одно-единственное, но крайне полезное слово. Посетители бара были настроены весьма дружелюбно, они объяснили мне, что музыку играют ребята с местных ферм, просто так, для собственного удовольствия. Особенно словоохотливым оказался симпатичный молодой человек по имени Фредди, он не только расспрашивал меня о том, с чего именно мне взбрело в голову изучать кельтские языки, но и рассказал о том, что в его родной местности практически все говорят по-гэльски и даже гордятся этим.

Последнее меня особенно воодушевило, потому что доводилось слышать, что люди, говорящие на кельтских языках с рождения, стесняются этого. Сколько раз в Бретани люди упорно не желали говорить со мной по-бретонски только потому, что это «некультурно вроде». А тут — на тебе, пожалуйста! — я беседую с ребятами по-английски, а они обмениваются между собой фразами на гэльском (уж не острят ли на мой счет?).

Музыка играла, и уходить из бара мне совсем не хотелось, тем более что Фредди решил угостить всех пивом. Пиво не замедлило появиться, и тут-то я и сказала то самое заветное слово: «slainte!» (по-ирландски «здоровье»). Все, кто хоть сколько-нибудь знаком с Ирландией, знают этот самый короткий ирландский тост, а также то, что при отсутствии всяческих познаний в ирландском гэльском им можно обойтись в общении с местными жителями. Разумеется, все заулыбались, ответили тем же коротким тостом... И тут я увидела, как мои коллеги чинно покидают ресторан и направляются к автобусу. Но не бросать же пиво! И допивать второпях тоже вроде неприлично: люди угощают, рассказывают мне о своем житье-бытье, да и вообще, когда второй раз представится такая возможность — поговорить в ирландской глубинке с местными жителями. И музыка играет...

...На автобус я все же успела. Действительно, стоило ли дергаться из-за пустяков? В Ирландии все вокруг опаздывают, это не повод куда-то спешить. Приезд в Корк был запланирован на десять вечера, а вернулись мы за полночь. Почему? Все дело в ирландском национальном характере. Но о нем — в следующей главе.

Глава 25
Загадочная кельтская душа,
или Ирландцы в анекдотах

Едино кельтского национально-го характера не существует. Конечно, про шотландцев говорят, что они скряги, про бретонцев — что они упрямы... Но обычно когда мы говорим о кельтах и об истинно кельтском духе (не путать этот дух с алкогольными парами!), то чаще вспоминаем ирландцев. О них и расскажу, поскольку многие из особенностей ирландского взгляда на мир... как бы это сказать поточнее? О, точно, вот как: найдут живой отклик в душе русского человека.

Итак, ирландцы — народ особый. И репутация у них особенная. Начать рассказ об ирландцах хочу издалека, а именно с кухни бывшей коммунальной квартиры в центре Москвы. Представьте себе крашенные стены (краска местами облупилась, но подновлять никто не собирается — дом скоро снесут, уж очень ветхий),

на полу поверх дощатого пола — старый линолеум, над газовыми плитами протянуты веревки, на которых сушится нехитрое, еще советское, видавшее виды белье. Сквозь мутное, не отмываемое от московской пыли и копоти окно робко пробивается лучик света.

Возле плиты стоит и следит за кастрюлькой старая бабушка во фланелевом халате, сгорбленная; в сухонькой ручке — уже не единойжды прожженная прихватка; седые волосы никак не хотят держаться в пучке... Она вспоминает молодость и то, как ее настигла большая любовь к британскому офицеру во время Второй мировой войны.

— Он был... — начинает она даже не рассказ, а почти театральную декламацию. И долго перечисляет достоинства бывшего мужа. Заканчивает упоминанием о том, что он был наполовину шотландцем.

— А ирландцев у него в роду не было? — спрашиваю я, чтобы поддержать беседу.

И тут происходит чудо. Потухший взгляд пожилой женщины становится гневным, спина, которая, казалось бы, давно окостенела, неожиданно распрямляется, и, потрясая прихваткой, как грозным оружием, старушка изрекает:

— Ну уж нет! У него в семье все были приличные люди!

Старый дом давно снесли, чудаковатая бабушка Нина ушла в мир иной и, возможно, лучший. А репутация ирландцев как была, так и остается несколько неоднозначной. Их считают странноватыми, склонными к выпивке, агрессии и мистицизму, несообразительными и в целом непутевыми.

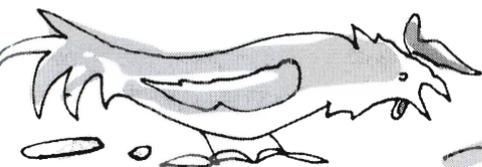
По этому поводу вспоминается анекдот.

Идет ирландец по улице и видит: дерутся люди. Он подходит, вежливо откашливается и спрашивает:

— Господа, скажите, это частная драка или я могу присоединиться?

А об ирландском трудолюбии свидетельствует следующий афоризм: «Ради денег я пойду на все. Даже на работу!»

А уж о специфической ирландской пунктуальности можно уже эпические произведения писать. Одна из ирландских пословиц гласит: «Говорят, что когда Бог создавал время, он создал его предостаточно». Об отношении жителей Изумрудного острова ко времени точнее не скажешь.

От многих мне приходилось слышать, что ирландцы отличаются крайней необязательностью. «Если ирландец говорит “сегодня в восемь мы сделаем то-то и то-то”, это значит — просто вечером или даже завтра», — делилась впечатлениями одна моя коллега, в свое время изрядно натерпевшаяся от милых, душевных, гостеприимных, но абсолютно лишенных понятия о точном времени ирландцев.

В последнем я и сама успела убедиться много лет назад. В Реннском университете был у нас преподаватель из Белфаста по имени Арт Хьюз. Сам по себе весьма колоритная личность, высокий, веселый, рыжеволосый (вернее, рыжелысый), с огромными загнутыми вверх опять же рыжими усами.

Как и большинство знакомых мне ирландцев, он оказался очень общительным человеком, и мы быстро подружились. Как-то, догадавшись о том, что я страдала повышенным аппетитом в сочетании с хронической нехваткой денег, он решил пригласить меня на обед. Мы договорились встретиться в обеденный перерыв в условленном месте, где я и простояла минут сорок, с тоской думая о том, что перерыв кончится быстрее, чем я успею поесть, даже если такое случится. Мою тоску заметил господин Ле Дюк, преподаватель истории бретонского языка, и поинтересовался, не жду ли я кого. Услышав от меня, что я вот уже сорок минут жду Арта, он рассмеялся:

— Ну ведь это же ирландец!

— И что?

— Как — что? Ирландцы никогда не приходят вовремя. Ты знаешь, что такое «ирландские полчаса»?

Я помотала головой.

— Это тот период от получаса и более, который проходит от назначенного времени до появления ирландца. А кстати, ты знаешь, что такое реальность для ирландца?

Я опять помотала головой.

— Это нематериальная категория, измеряемая количеством алкоголя в крови ирландца... Или количеством крови ирландца в алкоголе.

Именно в этот момент на горизонте появился доктор Хьюз, которого отнюдь нельзя назвать сильно пьющим человеком.

Что, однако, не помешало ему однажды опоздать на экзамен на целых полтора часа (представьте себе, что мы, студенты, передумали за это время, ведь нам уже хотели назначить другого, куда более требовательного экзаменатора!), войти в аудиторию с бодрой улыбкой и чистосердечно признаться:

— Извините, я просто забыл о часовых поясах, и будильник прозвонил по ирландскому времени.

Он же, если мне не изменяет память, говорил:

— Это какой-то садизм! Ну почему у вас во Франции занятия в университете начинаются в восемь утра? Если бы у нас в Ирландии такое сделали, на первую пару вообще никто бы не пришел — ни студенты, ни преподаватели.

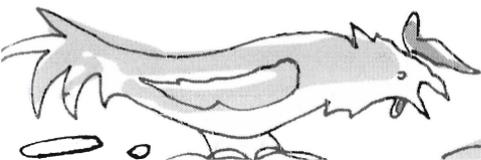
Впрочем, было бы несправедливостью утверждать, что ирландцы только опаздывают. Междугородный автобус, на котором я как-то раз отправилась из Дублина в Корк, отчалил на десять минут раньше. Вроде бы большинство пассажиров было на месте. Ну а кто не успел, тот опоздал.

Еще одна милая деталь национального характера поразила меня в самое сердце. Ни в Дублине, ни в Корке я ни разу не видела, чтобы люди переходили улицу на зеленый свет. Светофоров полно, надо только нажать на кнопочку, зеленый свет тут же загорится, и переходи себе спокойно. Ан нет, народ принципиально ломится на красный. Водители, правда, тормозят не только перед светофорами, но и перед нахальными пешеходами.

Если уж пошла речь о транспорте, как не упомянуть автобусные остановки! Как-то мы с Татьяной Андреевной Михайловой хотели воспользоваться городским автобусом в Корке. Не тут-то было! Ни на одной остановке мы не нашли ни указаний маршрутов, ни номеров автобусов, которые, может быть, иногда здесь останавливаются, ни расписания, ни-че-го. Только какой-то веселенький рекламный плакатик, который предлагал нам выпить пива и не мучиться. Что мы вскоре и сделали.

— Но почему же, — спросила я, — никто нигде ничего не указывает?

— Ирландцы! — невозмутимо ответила привыкшая ко всему коллега. — У них это в крови, видимо, с тех времен, когда их оккупировали англичане. К чужим относятся очень недо-

верчиво. Кому надо, тот знает, что здесь за автобусы и куда они едут. А чужим этого знать не положено. И еще у них такой принцип: «когда тебя о чем-нибудь попросят, сделай это так, чтобы в другой раз не просили». Вот раньше я иногда спрашивала, как пройти туда-то и туда-то. Так что ж вы думаете? Долго-долго объясняют, потом идешь, идешь и понимаешь, что идешь совершенно не туда, а в противоположную сторону. Причем объясняют очень-очень вежливо...

М-да, конспирация, что поделаешь. Вот еще что вспомнилось.

Как-то раз в МГУ одна девушка делала доклад. И принесла с собой в качестве наглядного пособия карту Ирландии. Показывая ее, она объясняла:

— Обычно на географических картах горы обозначаются коричневым цветом, чем выше, тем темнее, а равнины — зеленым. На этой карте все наоборот.

Вопрос из зала:

— Но почему?!

Ответ был предельно прост:

— Как почему? Ее же рисовали ирландцы!

По мнению специалистов, изучающих ирландскую культуру, все по той же причине ирландцы сами создают себе репутацию людей, с которыми просто невозможно общаться. И даже прикидываются дураками. Я, например, всегда думала, что анекдоты о глупых ирландцах сочиняют и рассказывают англичане, а не ирландцы.

«В Лондоне в паб заходит человек и говорит: «А я знаю новый анекдот про ирландцев!» — «Простите, — говорит ему один из посетителей, — предупреждаю вас, что я — ирландец!» На что вошедший отвечает: «Хорошо, хорошо, я вам потом отдельно объясню». Этот анекдот рассказал моей коллеге именно ирландец.

Самоирония — та же разновидность защиты от посторонних, мол, какой с нас, дурачков-то, спрос? Держитесь от нас подальше, и все будет в порядке у вас и у нас.

Есть еще и такой анекдот, универсальный, который рассказывают про представителей многих стран и про ирландцев в том числе.

Сидит бедно одетый ирландец на берегу залива, смотрит на море. К нему подходит американский турист, бодренький такой, энергичный. Спрашивает:

— Ты что здесь делаешь?

— А ничего.

— А деньги как зарабатываешь?

— А никак. Ну если совсем плохо бывает, беру свою лодку и могу отвезти кого-нибудь из туристов за деньги вон на тот остров. Там очень красиво.

— И много ты их перевозишь?

— Нет, редко кто просит.

— Эх, дурак! Ты бы мог повесить объявление, что катаешь людей на остров, ездил бы туда-обратно по десять раз на дню, заработал бы больше денег.

— А потом что?

— Потом купил бы лодок штук десять, нанял бы лодочников и экскурсоводов, поднакопил денег, создал бы свое турагентство — вон у вас тут красота какая! — турагентство давало бы прибыль... да ты бы мог стать очень богатым человеком!

— А зачем?

— Ну как зачем? Будешь богатый, купишь большой дом, будет у тебя семья, прислуга, машина с шофером, турагентством будет руководить директор, а ты как владелец только денежки будешь получать, тебе вообще делать ничего не надо будет.

— Да на кой это все мне надо? Я и так здесь спокойно сажу на берегу и ничего не делаю.

Такие байки принято рассказывать скорее про жителей Ирландской республики. На севере, в Ольстере, живет много протестантов, в основном шотландского происхождения, что, казалось бы, должно (по крайней мере по представлениям покойной бабушки Нины) означать, что это люди более трудолюбивые и менее расслабленные. Если бы!

Мне довелось бывать на международных конференциях и в Ольстере. Мне и моим коллегам нужно было добираться из домиков, где нас поселили, до Ольстерского университета. В назначенное время мы собирались около наших жилищ и порой, дрожа от ветра и сырости (утром было довольно прохладно), по полчаса, а то и больше ждали, что за нами

приедут: нас доставляли к университету на такси. Наконец, когда некоторые, продрогнув до мозга костей, уже начинали отплясывать ирландскую чечетку, чтобы согреться, из тумана неспешно выезжало такси.

Таксистам задавали вопрос: «Почему вы опять опаздываете?» Любая отмазка водителя начиналась со слов «А я думал...». Думали они много чего: например, что мы будем ждать около университета (чего ради?), что мы уже уехали, что... В общем, задумчивые водители строили самые невероятные гипотезы: на зависть научным работникам. Уже упомянутый в прошлой главе Максим Фомин, который занимался организацией этого непростого процесса, обладал редкой выдержкой и спокойствием. Иначе бы местные газеты что ни день, то печатали бы статьи под заголовком «Очердное зверское убийство таксиста...».

При этом, когда машина все-таки до нас доезжала, ее водитель оказывался эдаким милым рубахой-парнем с обветренным кирпично-красным лицом, которого и ругать-то язык не повернется. Он рад вас видеть, не прочь поболтать, одна лишь проблема — понять его совершенно невозможно.

Пожилая дама, из Чикаго, сопровождавшая в поездке своего мужа, удивленно восклицала:

— Ну надо же! Я говорю по-английски, это мой родной язык, и он говорит по-английски... Но почему я ничего не понимаю?!

Делать какие-то усилия, чтобы быть понятым, никто не собирался. Приходилось тренировать слух и смекалку. Ну как тут поймешь хоть что-то из потока речи, когда название соседнего с Портстьюартом, где мы жили, города Портраш местные жители произносят не иначе как «Потш» или «Потуш».

На вопрос «Как произносить название Dunsuivnish так, чтобы местные поняли?», Наташа, жена Максима, ответила:

— Чем менее внятно ты произнесешь, тем лучше поймут.

А я-то старательно артикулировала, как на первом курсе института...

...А с деньгами в Северной Ирландии вообще получилась какая-то свистопляска. Из Лондона я приехала в полной уве-

ренности, что на всей территории Соединенного Королевства используются деньги, называемые *british pounds*, то есть английские фунты. Поэтому я немало удивилась и настожила, когда очередной не самый любезный водитель автобуса в Колрейне в качестве сдачи протянул мне сомнительного вида кусок бумаги, по степени мягкости и загрязненности больше всего напоминающей туалетную.

— Это что? — удивилась я.

— Что-что... деньги. Наши, ирландские деньги. Вы в Ирландии, между прочим!

— А ЭТИМ можно расплачиваться в магазинах? — засомневалась я.

— Еще как можно! — бодро заверил меня водитель. — Да не волнуйтесь вы так, все будет хорошо!

М-да, как говорит моя бабушка, «хорошо-то хорошо, а ничего хорошего». Особенно меня смутила цифра 500, небрежно нарисованная фломастером на пятифунтовой банкноте. И даже надпись «The bank of Ireland» не усыпляла моей подозрительности. Формально-то я нахожусь на территории Соединенного Королевства, какой такой *bank of Ireland*? Неужто меня разыгрывают?

Чувствуя себя сбытчиком фальшивых денег, я постаралась как можно быстрее спустить сомнительную бумажку в ближайшем книжном магазине. О чудо! Меня не повязали и не сдали в участок, а дали сдачу обыкновенными британскими монетками.

Но это было только начало поразительных открытий. Вечером, когда ученая братия, как обычно, собралась на уютной кухне домика-общежития, где нас поселили на время конференции, и начала общаться под ворчание закипающего чайника, Гриша Бондаренко, неоднократно здесь цитируемый, поделился с нами своим открытием:

— Вы представляете, какую бумажку мне дали на сдачу?!

И он протянул нам прямоугольный кусок полиэтилена, местами прозрачный, местами покрытый краской. На нем было написано «Northern Bank» и изображен советский «Буран».

— Пластиковые деньги — это понятно, — решили мы, — и даже удобно, особенно там, где сыро и часто идет

дождь. Опять же, если по рассеянности постираешь одежду, а в кармане оставишь деньги, — ничего не случится. Но «Буран»-то с какой стати?

Оказалось, что есть еще и третий банк, печатающий североирландские денежки, и называется он «Ulster bank», а девиз его — «Nihil impossibile erit nobis» («Нет ничего, что будет для нас невозможным»). Вот уж действительно, здесь возможны любые чудеса.

Местные объяснили нам, что деньги, выпускаемые всеми тремя североирландскими банками, здесь в ходу наравне с британскими фунтами, но стоит вам переместиться обратно в Британию, как местная валюта превратится в бесполезные фантики. Ни расплатиться ирландскими деньгами, ни обменять их будет уже нельзя. Прямо сказочные деньги какие-то, хорошо еще, что в черепки не превращаются!

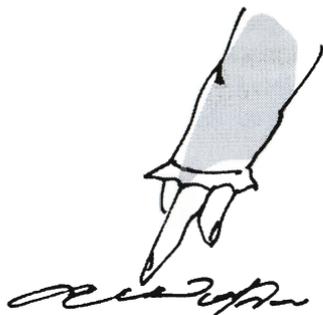
Еще более интересные сюрпризы таили здесь обычные туристические карты и названия улиц.

Когда мы с одной из коллег решили прогуляться по городу Колрейну, оказалось, что туристическая карта, призванная облегчить участь иностранца, оказывается совершенно бесполезной: мы крутили ее и так, и эдак, и все не могли понять, как так получается: вроде бы мы на этой улице находимся, а на карте у нее название другое?

Разгадка обнаружилась в тот момент, когда мы в удивлении замерли перед улицей с двойным названием: на трогательно сиреневом здании парикмахерской висела табличка, гласящая, что перед нами улица Кингсгейт-стрит, а рядом, на соседнем частном доме, висела табличка, где черным по белому значилось, что мы находимся на улице Лодж-роад. Вот и пойми, где же мы на самом деле. Карту пришлось свернуть за ее полной бесполезностью и устремиться к новым топографическим открытиям.

Что поделаешь, Ирландия.

Глава 26
Женщинам мы всегда говорим «Фи»!

Еще одна отличительная черта характера, которую по привычке приписывают всем кельтским народам без исключения, — это приверженность традициям, прежде всего семейным.

Очень часто при знакомстве бретонцы спрашивали меня: «А сколько у тебя братьев и сестер?» И когда я им отвечала, что ни братьев, ни сестер у меня нет, они всегда очень удивлялись. В Бретани, особенно в Нижней, такое редко встречается. Я, в свою очередь, удивлялась, когда узнавала, что чуть ли не во всех современных бретонских семьях по три-четыре ребенка. У нас такие семьи обычно считают многодетными. Бретонцы же отвечали: «А разве это много? Вот в старые времена были семьи так семьи! А сейчас считается, шесть детей — уже много».

Действительно, сейчас в семье рождается столько детей, сколько родите-

ли способны содержать. А вот раньше, одно-два поколения назад, бретонские крестьянки производили на свет столько потомства, сколько позволяло им здоровье. А здоровье, надо сказать, у них было крепкое.

На страницах этой книги я уже рассказывала о семье Коттен. От Коттенов я узнала много нового о жизни и быте бретонских крестьян. Среди прочего поразила меня и сама семья. Судя по всему, самая обыкновенная и ничем особенным не выделяющаяся. Этим-то она меня и заинтересовала.

Везла меня туда моя подруга Валери. По дороге она то и дело указывала мне на соседние фермы: «Вот здесь живет моя тетя, мамина сестра. А здесь тоже живет моя тетя, тоже мамина сестра, а вон там — еще одна сестра...»

Оказалось, что в округе чуть ли не все — близкие или дальние родственники. Мне кое-как удалось запомнить тетюшек Валери, а вот со старшим поколением дело обстояло хуже: когда речь заходила о бабушках и степени их родства, я просто терялась. Понять, кто кому кем приходится, порой даже не удавалось.

Да и сам дом, в котором живут вдвоем родители Валери, меня поразил. Деревенский дом Коттенов по размерам напоминал один из тех коттеджей, которые сейчас в изобилии вырастают в Подмосковье, а по внешнему виду — сказочный домик из мультфильмов. Внутри он казался громадным, красивым и — безлюдным.

— Сейчас здесь пусто, — немного грустно вспоминала мать Валери, — а раньше сколько народу было! В каждой комнате жили по несколько человек. Спали по двое или по трое на одной кровати. Я, например, всегда спала с сестрой. Это сейчас у каждой семьи свой дом или квартира, а тогда под одной крышей жили несколько поколений...

— Прямо как у нас! — вырвалось у меня.

Действительно, еще недавно бретонская деревня была густо заселена: на каждой ферме, как чуть ли не в каждой московской квартире, жили вместе отцы, матери, дети, бабушки, дедушки, внуки. Это сейчас те, кто не сумел в двадцать лет снять или купить собственную квартиру или дом, считаются во Франции неудачниками.

— Я, например, не представляю, как можно жить при таком скоплении родственников, — говорила мне Валери (сама она снимает однокомнатную квартиру в Ренне). — Только подумай, сколько их здесь было! А ведь человеку иногда так хочется побыть одному...

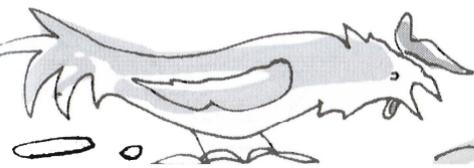
Как-то, вспоминая свадьбу кого-то из родных, госпожа Коттен небрежно обронила:

— В тот раз мы арендовали замок на целый день. Это было ужасно! Больше никогда не будем справлять свадьбу в замке. Как там было тесно! Мы чуть не задохнулись...

Обычно именно на свадьбах и собирается вся семья, включая дальнюю родню. Свадебные фотографии чем-то напоминали мне школьные — так же рядами выстраивались десятки человек, задние ряды стояли на ступеньках, чтобы всех было видно. И как только госпожа Коттен ухитрилась запомнить всех присутствующих на снимках 20–30-летней давности?

Как я уже говорила, такое семейство в Нижней Бретани — правило, а не исключение. Сейчас люди любят вспоминать, как жилось на фермах раньше. Такие вот большие семьи жили под общей крышей, утром выходили на работу в поле, подростки пасли коров, женщины занимались домашними делами. Вечерами все собиравшись у очага — не только погреться, но и поболтать, и, конечно же, послушать сказки. Обычно сказки рассказывал дедушка — глава семьи. Он усаживался поудобнее, прочищал горло, сморкался и начинал сказку. Хороший сказочник умел заворожить всех, нанизывая один волшебный сюжет на другой, превращая две, три сказки, а то и больше, в одну длинную-предлинную увлекательную историю. Такая история растягивалась не на один вечер, иногда семья собиралась слушать продолжение занимательных историй по две недели подряд! Слушали их все: и дети, и взрослые.

И сейчас в Бретани остались превосходные сказители, в основном, конечно, пожилые люди. На всякого рода фольклорных праздниках они иногда выступают перед публикой. Наверное, бабушки и дедушки еще рассказывают старые сказки своим внукам. Но большинство все-таки собирается по вечерам не у камина, а у телевизора и предпочитает

историям про Яна с Железным посохом (бретонского Ивана-Царевича) современные «мыльные оперы».

— ...Это сейчас люди думают прежде всего о себе и только потом о детях, — вспоминал кто-то из многочисленных родственников моей подруги. — А раньше все по-другому было. Нас у отца с матерью было восемь, а моя мать была двенадцатым ребенком...

Такие цифры меня просто поражали. Конечно, и в русской деревне начала века многодетных семей было много, скорее всего не меньше. Но то — в России, а для Франции такие огромные семьи были даже в то время, мягко говоря, нетипичны. Тем более что распространенное мнение о том, что деревенские девушки выходили замуж раньше городских для Франции вообще и для Бретани, в частности, не совсем верно. Если у нас в России на селе девушка должна была обязательно выйти замуж до двадцати лет, а иначе ее считали никому не нужной старой девой (хоть в монастырь иди!), то во Франции старыми девами признавались незамужние особы, начиная с 25 лет. Выходить замуж как можно раньше никто особенно не стремился. Даже в начале нашего столетия многие бретонки выходили замуж в 22—23 года, а то и попозже, и не считались при этом «старыми» невестами.

Любопытно, что сейчас в Бретани, как практически везде во Франции, женятся и выходят замуж в основном после двадцати пяти, иногда ближе к тридцати. Одна из моих знакомых, жительница бретонской столицы, жаловалась, что чувствует себя ущербной, потому что вышла замуж непростительно рано — в 21 год. Я успокоила ее, сказав, что мне тоже 21 и через несколько месяцев я тоже выйду замуж.

— Ну вот, — вздохнула она, — нашлась хоть одна такая же, как я. А то чувствую себя полной идиоткой...

Несмотря на господствующую во Франции свободу нравов, бретонцы все-таки предпочитают семейные узы так называемому «свободному союзу» и заводят несколько детей. Валери рассказывала мне, что большинство ее знакомых решило связать себя священными узами брака именно для того, чтобы обзавестись потомством. В народе такой брак называют «браком по-финистерски» — считается, что он боль-

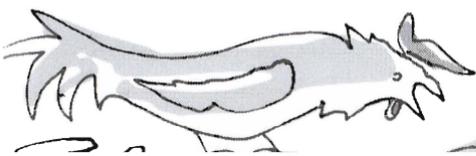
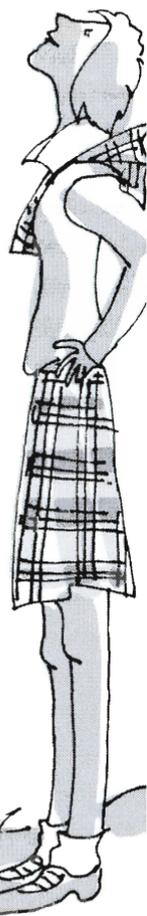
ше всего распространен в департаменте Финистер, одним из самых консервативных во всех отношениях.

Еще тридцать лет назад бретонские крестьяне придерживались несколько старомодных для Франции взглядов. В то время как практически везде в стране женщины уже знали, как избежать нежеланного прибавления в семействе, замужние бретонки о таких вещах даже и не смели задумываться. Появление нового члена семьи всегда должно было восприниматься с радостью, даже если остальные не наедались досыта. На мой взгляд, во многом причина этому — католическая вера, которая всегда была очень сильной в Бретани. Не стеснясь касаться самых сокровенных областей человеческой жизни, священники во всеуслышание провозглашали: «Супруги должны исполнять свой долг перед Богом. Ведь люди женятся не ради удовольствия, а для умножения рода человеческого. Пусть в каждой семье каждый год рождается по ребенку!» Как не послушаться приходского священника! Ведь в те времена он был главным человеком на селе. И супруги старались вовсю...

Но вот что интересно: несмотря на то, что рождение детей считалось делом, угодным Богу, в старые времена после родов женщина обязательно должна была очиститься от греха и получить благословение от священника. Почему-то бретонки чувствовали себя немного виноватыми в грехе праматери Евы и пытались таким образом сгладить вину женщины перед родом человеческим.

Как только женщина приходила в себя и могла уже показаться на люди, она одевалась торжественно, но не празднично, и отправлялась в церковь. По обычаю никто старался не попадаться ей на глаза и не видеть ее, чтобы не смутить. Все женщины сидели дома и старались даже не выглядывать в окна. А если уж случалось так, что навстречу идущей в церковь женщине шел кто-нибудь из мужчин, он старался сделать вид, что очень занят чем-то и не видит проходящую мимо соседку.

Священник, естественно, уже знал о том, кто и зачем идет в церковь, и готовился принять «грешницу», которая, прежде чем войти, обходила церковь кругом. Далее происходила церемония, чем-то похожая на крещение. И толь-

ко после этого женщина могла наконец показаться людям на глаза. Как по волшебству все соседи и соседки, которые только что изо всех сил старались не замечать ее, опять же как будто случайно попадались ей на дороге и заводили разговор о чем угодно, кроме одного: ни коем случае нельзя было спрашивать о том, что она делала в церкви. Видимо, это считалось очень неприличным. Впрочем, как это всегда бывает в деревне, все и так все прекрасно знали, особенно соседки, которые принимали живейшее участие во всем, что связано с семейными делами подруг.

Надо сказать, что деревня была тоже одной большой семьей — здесь все знали друг друга с детства. Каждому было известно, что творится у соседей: кто чем заболел, кто из чего суп варит, у кого муж пришел домой пьяным, у кого королева отелилась и так далее. До Второй мировой войны многие женщины так и проживали всю свою жизнь в родной деревне, выезжая разве что в ближайший городок на ярмарку. Мужчины, проходившие службу в армии, несколько расширяли свой кругозор, но, возвратившись на родину, снова начинали прежнюю спокойную жизнь. И даже близкие города и селения снова казались далекими, как тридцатое царство.

Не так давно, года два назад, исследователи-диалектологи решили провести в Нижней Бретани опрос, чтобы выяснить, как в каждом из многочисленных бретонских говоров называют те или иные населенные пункты. Попутно выяснилась любопытная вещь: большинство из опрошенных старушек просто не знали, как называются города, находящиеся на расстоянии двадцати километров от их родной деревеньки. Они просто никогда там не были. Разумеется, это относится только к «сухопутной» части Бретани. На побережье дело обстояло совсем иначе. Кто как не моряки и рыбаки могли похвастаться своими географическими познаниями!

Неудивительно, что до недавнего времени бретонцы были, да во многом и остаются, ревностными хранителями традиций. В такой замкнутой среде они сохранили не только многочисленные религиозные обычаи и культы странных полуязыческих святых, но и крестьянские обряды, которые сейчас, конечно, угасают.

О некоторых обычаях старожилы еще помнят. Не раз, услышав от Валери о том, что я собираюсь замуж, старики хитро подмигивали и, краснея от собственной раскованности, спрашивали: «А знаешь, у нас в Бретани раньше первые две ночи жених невесту не трогал — не положено было... А у вас в России как?» — чем приводили госпожу Коттен в крайнее смущение.

Действительно, первая ночь после свадьбы посвящалась святой Деве Марии, а вторая — святому Иосифу, и только начиная с третьей молодые были предоставлены самим себе.

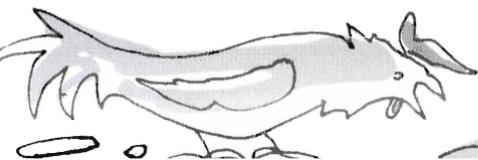
Бретонских детей приучали почтительно относиться к старшим. В некоторых областях воспитанные дети обращались к родителям исключительно на «вы», как в аристократических семьях. Впрочем, в разных местах вопрос обращения на «ты» или на «вы» решали по-разному. В одной местности на «вы» обращались только к старшим по возрасту, а в другой говорили «ты» только скотине. Кое-где, как, например, в Бигуденской области, всем женщинам и даже маленьким девочкам положено говорить только «вы», а с мужчинами можно было и не церемониться.

С этим обычаем связан курьезный случай, который произошел на моих глазах в Реннском университете. К тому времени я уже побывала в Бигуденской области и знала, что в местном говоре слово «вы» звучит как «фи». Однако один из первокурсников, уроженец Трегьерской области, таких тонкостей не знал. Как-то раз он решил поспорить с другим студентом, бигуденцем — разумеется, в шутку, — о том, чья область лучше. И вот трегьерец завел разговор о вежливости. На что бигуденец тут же нашел веский аргумент:

— У нас, в Бигуденской области, всем женщинам говорят «фи»!

— Вот я и говорю, что вы грубияны, каких мало! — отвечал житель Трегьерской области.

Оба молодых человека, уроженцы одной провинции, имели достаточно расплывчатое представление о нравах и обычаях соседней области. А ведь дело происходило не в начале XX века, а в середине последнего его десятилетия...

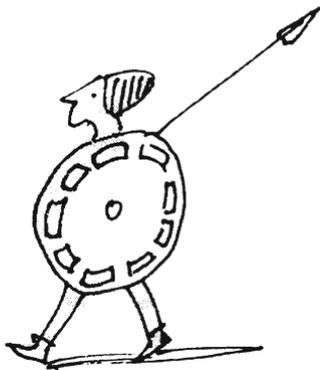

У многих бретонцев просыпается ностальгия. Как-то на одной вечеринке в студенческом общежитии, где собирались в основном выходцы из сельской местности (всем хотелось поговорить по-бретонски, не смущаясь присутствием тех, кто нуждается в переводе на французский), студент первого курса стал рассуждать о современных нравах.

— Вот раньше все было как надо — чинно и пристойно. Женщины с непокрытой головой не ходили — так и приличнее, и красивее. Молодые люди знакомились на ярмарках. Девушки всегда стояли возле своих родителей и без их разрешения танцевать не шли. А сейчас — бегай за ними по дискотекам...

Рассказом о традициях можно было бы и закончить книгу. Но возникает один вопрос: а для чего она русскому читателю? Зачем нам вообще кельты и их языки? Но прежде чем ответить на этот вопрос и вслед за этим попрощаться с читателем, я расскажу одну забавную историю, которая вроде бы отношения к кельтам не имеет, но зато сообщает о том, когда и как в нашей стране зарождался интерес к изучению кельтских языков.

Глава 27, предпоследняя Невероятные приключения бретонских слов в России

Перед нами перевод письма, написанного Луи-Огюстом Ле Тоннелье, бароном де Бретей, министром королевского дома:

Г-ну графу де Сегю, послу
Франции в Санкт-Петербурге
15 сентября 1785 г.

Господин, я имею честь отправить Вам список французских слов, которые Вы мне отослали 15 июля прошлого года. В письме Вы найдете после каждого из слов его перевод на нижнебретонское наречие, в точности так, как пожелаала русская императрица. К сему списку прилагаю нижнебретонский словник, который, как я полагаю, мог бы пригодиться редакторам словаря, работа над которым начата по приказу этой правительницы.

Очевидно, речь идет о деле государственной важности. Шутка ли — перевод был

сделан по приказу самой императрицы! Вот только для каких целей Екатерине II понадобился совершенно не применимый в России XVIII века бретонский язык?

На самом-то деле просвещенную императрицу интересовал не только бретонский язык, но и все языки, которые только существовали в мире и были известны европейцам. Не следует забывать, что Екатерина Великая интересовалась всем, что имело отношение к наукам и искусствам. В область ее интересов входили и языки, в том числе и редкие. И вот Екатерина замыслила один любопытный проект: создать словарь, в котором русские слова переводились бы на все-все-все языки.

Подобных проектов в те времена было немало. В эпоху Просвещения было модно создавать различные сборники, сводить воедино знания, которые веками накапливались и к концу XVIII столетия нуждались в срочной систематизации. Мир вокруг становился широким и пестрым — все увеличивалось число путешественников, которые открывали новые земли, новые народы. Путешественники обследовали разные уголки земли и старались донести до любопытных европейцев нравы, обычаи и, по возможности, языки народов, которые им встречались впервые. Оказалось, что эти языки очень разные. И сразу во многих просвещенных умах возникла идея — а что, если взять и собрать в одном большом словаре языки всего огромного и разноцветного мира?

Эта мысль не могла не возникнуть у правительницы такого большого многонационального государства, как Российская империя. Тем более что провести такую работу весьма сложно, тут нужен не только ум, но и власть, и международные связи. У Екатерины было и то, и другое, и третье.

Итак, по инициативе Екатерины II подготовили списки слов и инструкции, которые были разосланы в административные центры всей России (при этом особое внимание уделялось Сибири), а также в различные страны, где Россия имела свои представительства, для сбора по указанным спискам слов из местных языков и наречий. Причем в число языков входили не только большие, но и малые.

Так в числе языков Европы оказались и кельтские. Не забыт был и наименее известный из всех кельтских языков — бретонский. В результате в список были включены пункты:

«По-Кельтски, по-Бретански, по-Ирландски, по-Эрзо-Шотландски, по-Валски (то есть по-валлийски), по-Корнвалски». Для нас остается загадкой, что за язык подразумевался под «кельтским». Возможно, это была неловкая попытка реконструкции общекеельтского языка? Однако составители словаря странным образом ничего не пишут об этом.

Итак, список слов составлен, дан приказ перевести их на «все» языки. Работа неспешно началась.

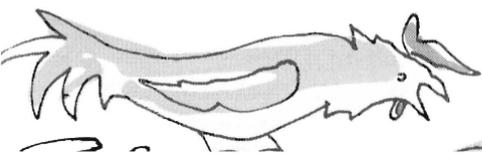
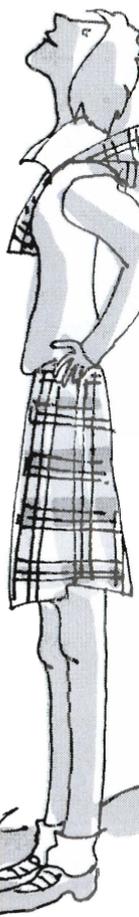
Оставалось только найти тех, кто этими языками владел. История сбора бретонского материала показывает, насколько далеки были исследовательские методы того времени от тех, которые принято использовать в наши дни.

Сбор информации шел медленно, исследование проводилось в несколько этапов. Данные, наконец-то собранные, были обработаны ученым-энциклопедистом Петром Симонам Палласом, немцем, с 1761 года проживавшим в России, где он позднее стал членом Санкт-Петербургской академии наук. Это был человек весьма разносторонних интересов, путешественник, опубликовавший книгу о своих научных странствиях: «Путешествие по различным провинциям Российского государства». Кроме этого, он написал много ценных трудов по ботанике, зоологии и этнографии. Кому как не ему было заняться сведением воедино всех списков! Беда лишь в том, что, по нашим современным понятиям, для такой работы нужна определенная специальная филологическая подготовка, которой в конце XVIII века не было ни у кого: такой области науки, как языкознание, попросту не существовало. И Паллас действовал как умел.

Однако по истечении немалого времени дело было сделано, словарь был опубликован. Издавался он дважды.

Между 1768 и 1787 годами Паллас опубликовал некоторые предварительные данные, позже вошедшие в состав словаря, а в 1787 и 1789 годах вышли в свет два тома словаря. Латинское название словаря было «*Vocabularia linguarum totius orbis*» («Словарь языков всего мира»), русское — «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы».

Первое издание включало список из 185 слов из почти двухсот языков и диалектов Европы и Азии, а также островов

«полуденного» океана (всего 142 азиатских языка, 51 европейский язык и 50 языков народов Севера). В 1790—1791 годах в Петербурге вышло второе, дополненное и исправленное издание в четырех томах под названием «Сравнительный словарь всех языков и наречий, по азбучному порядку расположенный», где содержалась информация уже по 272 языкам и диалектам, в число которых вошло 30 языков Африки и 23 языка Америки.

Всего во втором издании словаря 273 русских слова, которые переведены на «все языки», причем перевод на каждый иностранный язык весьма условен — иноязычные слова записаны русскими буквами, весьма приблизительно отображающими реальное произношение слова. Что ж делать, система фонетической транскрипции еще не была создана. Вообще-то сбор данных проводился поспешно и чаще всего неспециалистами, поэтому в словаре было допущено много ошибок и искажений в передаче звучания слов.

Считается, что список слов для перевода составила сама императрица. Она же пеклась о том, чтобы работа была выполнена в полном объеме и тщательно.

А теперь вернемся к письму барона де Бретей. Как видим, ему поручили перевести список слов для «Словаря всех языков» на бретонский язык, который тогда принято было называть «нижнебретонским наречием».

Но почему в России возник интерес к этому языку? И вообще, каким образом в Петербурге узнали о его существовании? В XVIII столетии на бретонском говорили лишь в деревнях и городках Нижней Бретани. Вряд ли к этому времени он был настолько популярен, что о нем знали за рубежом.

Мне лично доводилось слышать романтическую версию: будто одним из многочисленных фаворитов Екатерины Великой был красавец-военный родом из Нижней Бретани. И будто в минуту откровенности он поведал ей о своей малой родине и научил ее нескольким бретонским словам. Но это не более чем красивая легенда, которая тешит самолюбие современных бретонцев: мол, вот какие мы обаятельные и привлекательные, сама русская царица не смогла перед нашим братом устоять!

На самом деле доля истины в этой легенде все же есть. Одного бретонца при дворе Екатерины отыскать удалось.

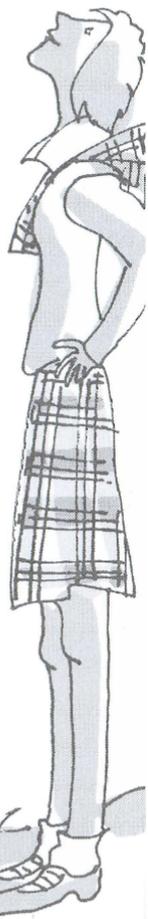
Отцом этого человека был любопытный персонаж, действительно бретонец, известный под именем Виллебуа. Его подлинное имя — Франсуа-ГиEMON де ля Виллебио. Он был уроженцем полуострова Геранда, где до начала XX века бретонский язык был в употреблении, что для нас немаловажно. Виллебуа состоял на военной службе при Петре I и был, судя по его собственным мемуарам, большим авантюристом. Виллебуа умер в 1760 году, оставив в России потомство. Известно, что у него был сын, фельдмаршал Александр де Виллебуа. Возможно, от него-то и стало известно о существовании «нижнебретонского наречия». Вряд ли Александр сам знал бретонский язык, но, вполне вероятно, слышал о нем от отца. Возможно, от него при дворе просвещенной императрицы узнали о существовании этого языка. Хотя кто за это может поручиться? Одно лишь ясно: Екатерина захотела в числе «всех» языков видеть и бретонский.

Нужно признать, что составить бретонский перевод французских слов оказалось не таким уж простым делом. Единого литературного бретонского языка в те времена не существовало, а четыре бретонских диалекта настолько различались между собой, что их носители не всегда друг друга понимали. Все, кто умел писать по-бретонски, изображали слова на бумаге на свой манер.

Перед бароном де Бретей стояла задача не из легких — найти «правильного» бретонца, который сделал бы «правильный» перевод. Завязалась долгая многоступенчатая переписка.

14 августа 1785 года барон де Бретей обратился за помощью к Антуану-Франсуа де Бертрану де Моллевилю, интенданту провинции Бретань.

«Господин, — писал де Бретей, — для того, чтобы осуществить литературный проект, который может стать весьма полезным, возникла необходимость перевести на нижнебретонское наречие французские слова, список которых к сему прилагается. Я прошу Вас о том, чтобы перевод был мне предоставлен как можно скорее. Меня уверяют, что в нижнебретонском наречии, несмотря на то, что оно распространено на небольшой части нашей страны, тем не менее существу-

ет несколько диалектов. В таком случае следует перевести все вышеупомянутые слова на тот местный диалект, который всеми признан как самый древний в этом языке».

19 августа интендант, который, видимо, был не очень силен в нижнебретонском наречии, а скорее всего и вообще его не знал, перепоручает эту работу двум своим подчиненным, один из которых служит в Кемпере (Корнуайская область), а другой — в Ланнионе (Трегьерская область).

30 августа подчиненный из Кемпера, господин Ле Гоазре выслал де Моллевилю перевод слов на свой родной корнуайский диалект.

«Монсеньер, — пишет ле Гоазре, — вот перевод слов, которые Вы мне прислали. Я переписал их на новые листы бумаги так, чтобы оставалось больше свободного места, но сделал я это еще по одной причине: во французском языке одно и то же слово может иметь несколько значений, как, например, слово «douceur», поэтому я подумал, что будет лучше, если будут приведены все нижнебретонские значения. Этот язык (бретонский. — *А. М.*) очень труден для чтения, а еще более труден для произношения, и только постоянное его употребление позволяет привыкнуть к горловым звукам, которыми он изобилует. Я прилагаю к моему письму словарь, который может быть полезен. Тем не менее бретонский язык прекрасен...» — и так далее. Де Моллевилю переслал это письмо де Бретею, подробно описывая сложность бретонского языка, который-де очень труден в произношении, написании, чтении и вообще...

Надобно заметить, что слухи о сложности бретонского языка сильно преувеличены, да и вообще любой язык кажется ужасно трудным, когда его не знаешь. Возможно, ле Гоазре хотел впечатлить начальство своим рвением: вот, мол, какую трудную работку мне задали.

16 сентября, с большим опозданием, де Моллевилю приходит послание из Ланниона от Ле Брикира Дюезира, подчиненного господина интенданта, который представил свою версию перевода слов, для чего ему понадобилось опросить большое количество людей: по всей видимости, он не настолько хорошо знал бретонский, чтобы полагаться только на себя. Но, будучи человеком дотошным, он

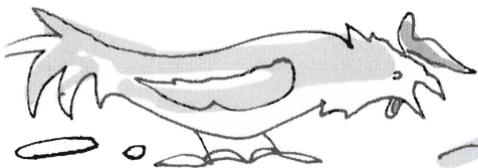
в своем письме сделал краткий экскурс не только в произношение, но и в грамматику бретонского языка. При этом он сетовал на то, что произношение переведенных слов разнится от одной местности к другой, да к тому же — о ужас! — бретонские слова произносятся совсем не так, как пишутся. По всей видимости, он забывал, что по-французски написание слова и его произношение тоже, мягко говоря, не всегда совпадают. В общем, его медлительность объяснялась вполне объективными причинами.

Далее дело продвигалось столь же неспешно. 14 октября де Моллевиль выслал вдогонку кемперскому списку еще и ланнионский. В своем письме де Бретею он отметил, что списки отличаются один от другого, что естественно: ведь речь шла о двух совершенно разных диалектах. Предпочтение отдается ланнионскому списку, так как, по мнению интенданта, в Ланнионе бретонский язык наиболее «правильный». Чем руководствовался де Моллевиль, делая подобное заключение, история умалчивает.

И, наконец, 21 октября де Бретею еще раз пишет де Сегюрю, что дело сделано, и пересылает ему оба списка.

Эпопея завершилась. Перевод бретонских слов для многоязычного словаря, конечно, был выполнен весьма некорректно: слова переводились с русского на латинский, с него — на французский, а потом уже — на бретонский. Получалась игра в испорченный телефон. Ведь в любом языке многие слова имеют сразу несколько значений. Неизбежно возникала путаница. Так, французский глагол «останавливать» в повелительном наклонении был перепутан с рыбьей косточкой. Это тем более досадно, что все образованные европейцы (и бретонцы в том числе) свободно читали и писали по-латински. Почему никто не догадался отослать в Бретань латинский вариант? Имелся еще один источник ошибок. Не следует забывать, что исходный документ переписывался несколько раз от руки, что всегда создает риск невольного искажения.

Но худо ли, бедно, дело было завершено. В Санкт-Петербурге никто не мог проверить, насколько перевод соответствует оригиналу. Тем не менее составители словаря проявили бдительность и при наличии нескольких вариантов перевода приводили их все. Так, слово «Бог» имеет два вари-

анта перевода (пусть даже записанных кириллицей), что, по-видимому, отражает разночтение между списками.

Вероятно, точно так же переводились слова и на другие языки. Но все же для того времени это отличная работа: была создана огромная база данных, которая позволила сравнивать языки, делать выводы об их близком или далеком родстве.

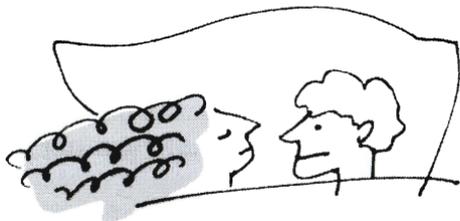
Итак, особое поручение выполнено. Словарь всех языков вышел в свет к великой гордости русских... и бретонцев! Последние до сих пор гордятся тем, что их язык, которому последние столетия фатально не везло, наравне с другими вошел в состав универсального словаря. По этой причине словарь неоднократно изучался бретонскими эрудитами, многие из которых вполне сносно владели русским.

Словарь получился весьма неудобным в обращении даже для тех, кто владеет русским языком в совершенстве. А если к тому же учесть, что огромная часть материала собиралась так же, как и бретонская, по принципу испорченного телефона людьми, весьма далекими от исследовательской деятельности, то на сегодняшний день его научная ценность стремится к нулю. Он интересен нам лишь как документ эпохи, когда знаний накопилось столько, что их стало необходимо свести воедино и разложить по полочкам. Просвещение, в том числе и русское, стремилось осветить все уголки мира, даже наименее известные.

Но как бы там ни было, бретонцам и по сей день греет душу то, что их язык занял подобающее ему место в «словаре всех языков» и тем самым был поставлен на одну доску с «большими» европейскими языками. В конце XVIII столетия к этому маленькому скромному языку вновь, как в ту пору, когда он был языком могучего королевства, пришла мировая известность. А потом...

Потом произошла революция, которую принято называть Великой французской. Бретань превратилась в одного из главных врагов революции, а бретонский — в орудие этого врага. Через некоторое время враг был разгромлен, и его орудие подлежало уничтожению. Революционеры по-своему понимали идею просвещения: интересоваться нижнебретонским наречием стало опасно. Впрочем, в далекой России исследования продолжаются и по сей день...

Глава 28, последняя Каждый ищет своих кельтов

Эпоха Екатерины Великой была знаменательной не только для российской истории. В 1760 году читающая публика Европы заново открыла для себя кельтов — своих соседей, таких близких и таких незнакомых. Вышел в свет сборник «Оссиановых песен» Джеймса Макферсона — литературная мистификация, каких в то время было немало, написанная по мотивам ирландского эпоса. Она поначалу была принята читающей публикой за чистую монету и породила массу восторгов.

Кельты предстали перед «цивилизованным» миром в образе наивных благородных дикарей. И при этом, конечно же, весьма загадочных. У шотландца Макферсона нашлись последователи: Йоло Моргануг (Эдвард Уильямс) в Уэльсе и Керваркер (Тэодор Эрсар де ля Виллемарке) в Бретани. Мода на кельтов распространилась, может быть, не так бы-

стро, как в эпоху Интернета, но приняла впечатляющий размах. И, разумеется, кельтоязычные уже тогда давали волю своей буйной фантазии, выдумывая таких кельтов, каких требовали эстетические запросы того времени. И эти выдуманные кельты не имели ничего общего с ирландскими, шотландскими, валлийскими или бретонскими крестьянами, к которым принято было относиться в лучшем случае со снисходительной усмешкой.

Во Франции вообще сложилась парадоксальная ситуация: кельты, то бишь древние галлы, считались (и считаются до сих пор) предками французов. И тот факт, что жители провинции Бретань, противники революционных идей и вообще презираемые ретрограды, тоже являются кельтами, не очень-то грел душу патриотам милой Франции: выходило, что бретонцы французам вроде как близкие родственники. Но самим бретонцам кельтомания очень даже пришлась по душе, так как их литература и культура, до того никем не замеченная, вдруг стала модной.

В начале XIX века даже была создана организация, называемая «Кельтской Академией». Целью «Академии», как гласил ее манифест, было «воссоздать историю кельтов, отыскать памятники кельтской эпохи и исследовать, обсудить и объяснить», а также «изучить и опубликовать этимологии слов всех языков на основании кельтско-бретонского, валлийского и гэльского». Последнее делалось с большим усердием и в основном за счет ложных этимологий. Так, один из, с позволения сказать, академиков, Ла Тур д'Овернь, в книге «*Les origines gauloises*» («Происхождение галлов») возводит название Пиренеев к бретонскому слову *per* «груша», а название Альп — к бретонскому *all* «другой» и *rez* «конец». И так далее, в духе Третьяковского. Члены «Академии» к тому же разделяли задолго до них сложившееся мнение, согласно которому бретонский являлся прародителем всех языков и достался людям аж от Адама и Евы (которые были по национальности, конечно же, древними кельтами, не иначе):

«Поскольку язык кельтов не был связан ни с одним из тех языков, которые были сильны во времена Цезаря, остается заключить, что если и остались какие-либо первоначальные

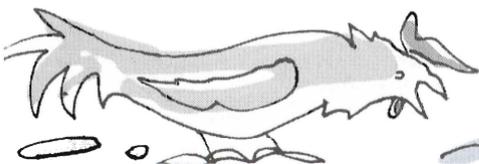
языки, которые были внушены Богом во время построения Вавилонской башни, то кельтский или галльский есть один из этих языков, имеющий настолько же сильные доказательства своей древности, как и те другие языки, о которых мы говорили, и, следовательно, армориканский (то есть бретонский. — *А. М.*) язык является одним из древнейших, насколько это возможно рассуждать о древности, если можно доказать, что он тот же язык, что и галльский», — писал Пьер де Монуар, составитель бретонской грамматики, аж в XVI столетии.

Смех смехом, но миф о том, что кельты — древний народ, обладающий вековой мудростью, оказался весьма и весьма живучим. И современные кельтоманы всех стран и народов порой выдумывают не менее ошеломляющие в своей нелепости гипотезы.

Но вернемся к истории вопроса. Мода на кельтов, вспыхнувшая в XIX веке, прошла, и кельтомания уступила место более скромной, но дотошной кельтологии — изучению языков и литературы кельтских народов. Но кельтология — удел научных работников и университетских преподавателей, результаты ее менее яркие и далеких от науки людей не впечатляют.

Кельтам пришлось ждать своего часа до 60-х годов XX века, до того самого момента, когда поколение детей-цветов открыло для себя этническую музыку. Вот тут-то кельты с их богатым музыкальным наследием оказались востребованными как никогда. Баллады деревенских бабушек городские внуки перепевали на новый лад и собирали стадионы длинноволосых поклонников. Благодаря бретонскому музыканту и энтузиасту Алану Стивеллу кельтская арфа вновь зазвучала со сцены. Загадочные кельты перестали представляться в образе благородных дикарей или отсталых крестьян и, облачившись в рубахи безумных расцветок и брюки клеш, оказались впереди планеты всей. А потом с некоторым запозданием этническая волна докатилась и до России.

Вернемся к эпизоду, с которого началась эта книга, и вспомним двух студентов из московского автобуса. Мы как-то уже привыкли к тому, что студентам чуть ли не свойственно слегка увлечься кельтским фолком, хотя бы раз при-

нять участие в праздновании дня святого Патрика и повесить на рюкзак брелок в виде трилистника или трискеля, трехкрылой завитушки, старого символа, встречающегося еще на мегалитических памятниках, а ныне обозначающего Святую Троицу. Не то чтобы все через это проходят, но никого таким увлечением не удивишь. Удивительно другое: как и по каким причинам мода на все кельтское докатилась до нашей страны и так прочно здесь укрепились?

...Как-то я в очередной раз собиралась поехать в Бретань и спросила у дочери, что ей оттуда привезти. Оторвавшись на секунду от журнала «Твой стиль», она ответила:

— Привези мне какое-нибудь кельтское украшение. Ты знаешь, сейчас это так модно!

Моментально почувствовав себя старой калошей, которую просто-таки необходимо просвещать на предмет модных трендов, я возопила:

— А ты-то знаешь, кто у нас в стране эту моду начал?! У кого было чуть ли не первое на филфаке МГУ колечко с трискелем и пряжка с узорами из книги Келлз?

— Чё, у тебя, что ли? — удивленно спросила юная леди.

А ведь и правда, давно это было...

Все началось у кого-то в конце 80-х, у кого-то в ранние 90-е. Не важно, кто и когда первым «открыл» для себя кельтов. С одной стороны — хиппи и музыканты, путешествующие автостопом, завозили в Москву, Питер и другие города диски Chieftains, Clannad или Алана Стивелла, с другой стороны — «продвинутая» молодежь МГУ открывала для себя кельтские языки и литературу кельтских народов. Где-то эти две среды смыкались или, скорее, плавно перетекали одна в другую, и в результате кто-то пробовал спеть и сыграть те самые песни, что слушал взахлеб. Кто-то пытался понять, о чем поется в кельтских песнях, а кто-то не утруждал себя и придумывал свои слова — лишь бы на мелодию ложились.

Но до середины 90-х кельты оставались экзотикой, знакомство с которой было еще не модным, но уже достойным того, чтобы при случае быть упомянутым. Эдакий признак эстетствующего интеллектуала. Группы, играющие кельтскую музыку, выступали в немногочисленных ирландских барах и малоизвестных клубах, собирали всякий раз одних

и тех же поклонников (как правило — друзей самих музыкантов), которые худо-бедно пытались изображать некое подобие ирландских народных танцев. Выглядело это диковато. И вполне вероятно, кельтская музыка так и осталась бы увлечением кучки фолк-чудаков, если бы не... Если бы не что, собственно?

И почему в какой-то момент кельты вдруг стали у всех на слуху? Как так получилось, что парад имени святого Патрика на Новом Арбате проводится с большей пышностью и при большем скоплении народа, чем аналогичное действо в самой Ирландии? Почему слушать кельтскую музыку стало чем-то абсолютно естественным для любого мало-мальски культурного человека студенческого (и не только) возраста? И как так получилось, что приезжающие в Россию жители Ирландии, Шотландии, Бретани и Уэльса недоумевают: откуда в России столько кельтухи и кельтятины? Почему у нас поются песни на ирландском и бретонском языках? Почему в одной только Москве несколько школ ирландского танца вполне высокого профессионального уровня? И почему интерес к кельтской культуре в России намного больше, чем на самих кельтских окраинах Европы?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, мысленно перенесемся на десяток лет назад или чуть более того. Именно тогда кельтская музыка вышла из ирландских пивных типа «Рози О'Гредис» и маленьких, тогда еще мало кому известных клубов на сцену Центрального дома художника и другие более просторные площадки. Группы Puck-n-Piper, Telenn Gwad, чуть позже — Slua Si и легендарная Si Mhor вдохновили юношей и девушек не только на то, чтобы довести до белого каления представителей администрации ЦДХ скаканием в проходах между рядами под патриотические и любовные песни кельтов (вопиющее нарушение пожарной безопасности!), но и на попытки понять загадочную кельтскую душу и даже выучить такие мудреные языки, как ирландский, валлийский или бретонский. Именно тогда и родилась молодежная субкультура, представителей которой называют кельтанутыми.

Кельты ассоциировались у многих с нашей же безбашенной романтикой середины девяностых, пьяным угаром дуб-

линских пабов, раздумчивыми прогулками по вересковым пустошам, малопонятными, но завораживающими переживаниями героев древнеирландского эпоса. И, возможно, еще много с чем другим. И музыка, и культура кельтов притягательны в силу удивительной сбалансированности почти несовместимых ингредиентов — экзотики и понятности, далекого и близкого.

О том, что «кельтская душа» и «русская душа» — это практически синонимы, наверное, не говорил только ленивый: и ирландцы, и русские — эдакие рубахи-парни, любящие и выпить, и подраться (и тут же помириться), ненавидящие кем-то навязанный порядок, склонные к ленивой мечтательности и не чуждые мистики. И те, и другие — по сути, поэты, фаталисты, и потому склонны смотреть на мир не-много печально. Понятно, что в большинстве случаев эти стереотипы совершенно не соответствуют действительности, но что поделать: миф о родстве душ уже сложился и никуда от него не деться. Но при всей близости к русской душе «кельтский дух» все же настолько не похож ни на что привычное, что вокруг кельтов быстро образовался ореол тайны, причем — и это самое захватывающее! — не всем раскрываемой. Оставалось только мечтать и додумывать.

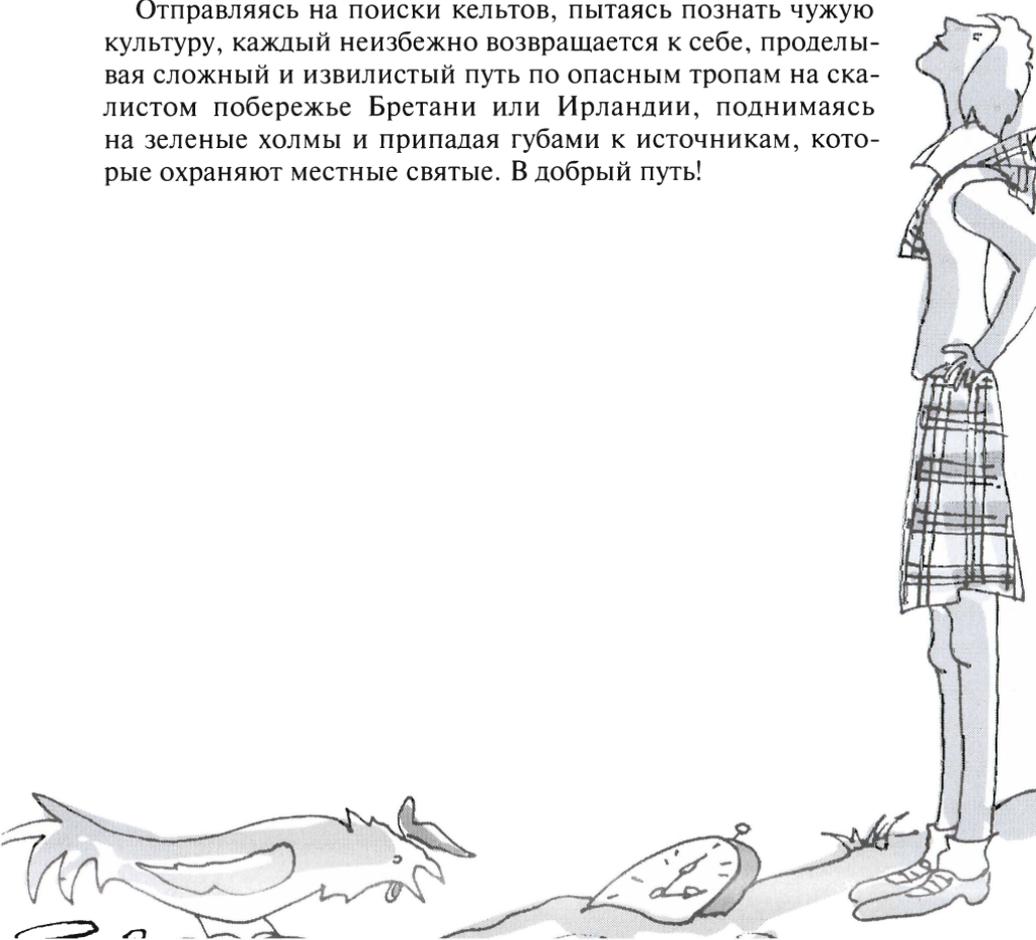
Популярных книг о кельтах в то время было мало, да и диски зарубежных исполнителей «кельятины» найти в продаже было не так просто, как сейчас. Неофиты общались к знаниям на музыкальных форумах, где их снисходительно просвещали более осведомленные участники. «Разбираться в кельтах» было престижно, и потому чем дальше, тем большее количество увлеченных зависали на тематических сайтах, а некоторые создавали свои «кельтские» странички. Ролевые игры на кельтские темы только подливали масла в огонь фантазий. Так постепенно рождался второй миф — о том, что кельты — народ загадочный и чуть ли не сверхъестественный. Заговорили и о друидах, и о бардах...

И этот миф как нельзя кстати пришелся интеллектуалам-мечтателям, которые в шальные 90-е с недоумением наблюдали за менее эрудированными сверстниками, которые делали деньги, делили власть или просто ходили в офис каждый день и получали неплохую зарплату. Оставшиеся не у дел

весьма умные, но лишенные практической хватки люди, или же те, кто не хотел жить скучной, но весьма одобряемой обществом жизнью, посматривали на дельцов и офисных работников немного свысока: мол, вы такие серые и скучные, а я — романтик. Кстати, иногда на концерты кельтской музыки прибегали и вполне успешные менеджеры и юристы — вдохнуть глоток сигаретного дыма как иллюзию воздуха свободы. И почувствовать себя продвинутыми в отличие от остальных, кого чуть позже обозвали «офисным планктоном».

И теперь поколение детей тех, кто впервые проникся кельтами в конце 80-х, слушает кельтскую музыку, вешает на шею кулоны в виде трискеля или кельтского креста и, конечно же, фантазирует. Ведь всякий волен выдумывать своих кельтов и искать в них себя.

Отправляясь на поиски кельтов, пытаюсь познать чужую культуру, каждый неизбежно возвращается к себе, проделывая сложный и извилистый путь по опасным тропам на скалистом побережье Бретани или Ирландии, поднимаясь на зеленые холмы и припадая губами к источникам, которые охраняют местные святыне. В добрый путь!

Что еще почитать о кельтах?

Вот книга и закончилась. Автор прекрасно понимает, что она далеко не полная и многого в ней нет. Но на энциклопедию жизни кельтов во всех странах и во все времена я и не замахивалась. Моя задача была более скромной: заинтересовать читателя и заодно развеять некоторые мифы.

Что-то попросту в эту книгу не поместилось, что-то пришлось оставить за кадром, чтобы не влезать в детали, а о чем-то так хорошо написали другие, что просто нет смысла помещать сюда сокращенный и не известно удачный ли пересказ. Поэтому для тех, кто хочет почитать о кельтах еще что-то, помещаю краткий обзор полезных книг, которые были изданы на русском языке.

О туристических красотах, о фольклорных праздниках и кулинарных пристрастиях современных кельтов можно прочитать в красочных и интересных путеводителях по Ирландии, Шотлан-

дии и так далее. Там же можно найти факты из серии «Это интересно» и ответы на пикантные вопросы типа «Носят ли шотландцы нижнее белье под килтом?».

Для тех, кому интересны древние кельты во всей красе с точки зрения истории, археологии и лингвистики, написана книга, которая так и называется — «Кельты». Ее автор — Гельмут Биркхан, и цитаты из нее я неоднократно здесь приводила. Читается она легко, так как, несмотря на серьезное содержание, написана простым языком. Есть еще книга с более научнообразным названием «Кельтская цивилизация», которую составили Кристиан Гюионварх и Франсуаза Леру (это не четыре человека, а два, и притом муж и жена, бывшие преподавателями второго Реннского университета).

Тем, кто интересуется кельтскими языками и не убоится академического стиля изложения, всячески рекомендую прочесть книгу В. П. Калыгина и А. А. Королева «Введение в кельтскую филологию».

Если вам интересны ирландские саги, то к вашим услугам несколько сборников, которые переводили сначала А. А. Смирнов, потом С. В. Шкунаев, позже — Т. А. Михайлова и Н. А. Николаева-О'Шей. Все эти переводы по-своему интересны, поэтому выбрать лучший невозможно. Ирландскую монастырскую поэзию у нас тоже переводили весьма удачно — всех, кто этим занимался, и не перечислишь.

Средневековой валлийской прозе не так повезло. Повести, объединенные общим названием «Мабиногион», переводились на русский язык не единожды, но при всей литературной красоте переводов точными их назвать нельзя. Поэтому ни один из них рекомендовать не буду, а тем, кто владеет английским, советую найти перевод на этот язык. Валлийскую же поэзию (как и некоторые произведения ирландской) прекрасно перевел петербургский поэт Николай Сухачев, которому помогал кельтолог Александр Фалилеев.

Что же касается шотландской поэзии и прозы, то тут просто глаза разбегаются. Все мы с детства помним стихи про крошку Вилли Винки и «мою лошадку пони зовут Малютка Грей». Поэтому перечисление всех-всех переводов (как с шотландского языка, так и с местного варианта английского, который называют «скотс») не имеет смысла.

Бретонская литература у нас переводилась мало, некоторые сказки можно встретить в сборниках типа «Сказки народов Франции». Ваша покорная служанка, надеясь восполнить этот пробел, перевела и опубликовала два сборника сказок и легенд.

Вот вроде бы и все. Тем же, кто считает научную литературу занудством, остаются такие простые житейские радости, как виски, пиво, футбол, регби, бретонские блины из гречневой муки, сидр и, конечно же, кельтская музыка и зажигательные танцы.

Благодарности

Я благодарю этнографа и журналиста Льва Минца за помощь в поисках кельтов, филолога Елену Парину за красочные рассказы об Уэльсе и валлийских бардах, историка Нину Чехонадскую, которая блестяще перевела на русский язык произведение святого Гильды и книгу Гельмута Биркхана «Кельты», историка Григория Бондаренко, отрывки из книг которого я частично пересказала и немного процитировала в первой части, историка Иосифа Зая за интересные идеи и анекдот про армянских футболистов.

Оглавление

Кто такие кельты? 7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1. Соленую воду не украдешь, или Откуда мы знаем
о кельтах 13

Глава 2. Немного о лингвистике и географии,
а также про гусей и золото 22

Глава 3. Как жили древние кельты и во что они верили 29

Глава 4. Загадки стоячих камней, или Чего друиды никогда
не делали 39

Глава 5. Как святой Патрик друиду голову разбил 48

Глава 6. Цари, короли, обидные стихи и несгораемые
кровати 59

Глава 7. Женский вопрос 67

Глава 8. Благородные головорезы 76

Глава 9. Тема маленького человека у древних кельтов,
или Как закалялась сталь 89

Глава 10. Кельтский след в истории и языках мира 98

Глава 11. Проклятие Северы Тертионикны 105

Глава 12. Лениция, провекция и другие красивые слова 114

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 13. Не такое уж мрачное Средневековье	121
Глава 14. Белый кот Пангур, или Что творилось в монастырских кельях	130
Глава 15. Про короля Артура, дохлую птичку и викингов	137
Глава 16. Ты никто и звать тебя никак	143
Глава 17. Храброе сердце и независимый остров	150
Глава 18. Бедствия Изумрудного острова	162

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава 19, или, скорее, предисловие к третьей части. Малые народы и их большие трудности	171
Глава 20. Немного о французах, бретонцах, валлийцах и японцах	175
Глава 21. Настоящий и «химический» бретонский	184
Глава 22. Кабачок Мари Подерс	193
Глава 23. Скандальная история и говорящие коровы	203
Глава 24. Вопросы, на которые не всегда можно найти ответы	209
Глава 25. Загадочная кельтская душа, или Ирландцы в анекдотах	216
Глава 26. Женщинам мы всегда говорим «Фи!»	225
Глава 27, предпоследняя. Невероятные приключения бретонских слов в России	234
Глава 28, последняя. Каждый ищет своих кельтов	241
Что еще почитать о кельтах?	248
Благодарности	251

Мурадова А.

М91 Кельты анфас и в профиль / Анна Мурадова. — М. : Ломоносовъ, 2010. — 256 с. — (История. География. Этнография).

ISBN 978-5-91678-053-6

Из этой книги читатель узнает, что реальная жизнь кельтских народов не менее интересна, чем мифы, которыми она обросла. А также о том, что настоящие друиды имели очень мало общего с тем образом, который сложился в массовом сознании, что в кельтских монастырях создавались выдающиеся произведения искусства, что кельты — это не один народ, а немалое число племен, объединенных общим названием, и их потомки живут сейчас в разных странах Европы, говорят на разных, хотя и в чем-то похожих языках и вряд ли ощущают свое родство с прародиной, расположенной на территории современных Австрии, Чехии и Словакии...

Книга кельтолога Анны Мурадовой, кандидата филологических наук и научного сотрудника Института языкознания РАН, основана на строгих научных фактах, но при этом читается как приключенческий роман.

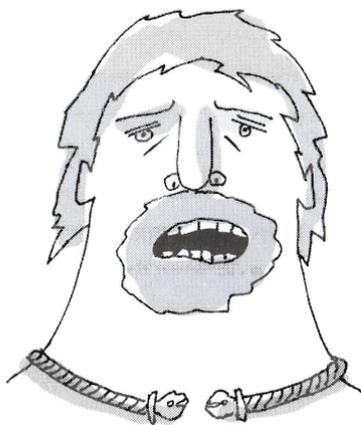
УДК 39

ББК 63.5(3)

История. География. Этнография

Мурадова Анна

Кельты анфас и в профиль

Редактор Н. Шипулин
Художественный редактор Е. Трушина
Верстка М. Васильевой

Подписано в печать 21.05.2010.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 16,0. Тираж 3000 экз. Заказ № 2651

ООО «Издательство «Ломоносовъ»
119270 Москва, Лужнецкая набережная,
д. 2/4, стр. 8, 4 этаж, офис 400
Тел. (495) 788-85-20
info@lomonosov-books.ru
www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

Сайт: www.oaomrk.ru тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

В СЕРИИ

также

ВЫШЛИ:

Лев Минц

КОТЕЛОК дядюшки Ляо

Виталий Бабенко

ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ

Ольга Семенова-Тян-Шанская

ЖИЗНЬ «ИВАНА»

Владислав Петров

ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ

Свен Хедин

В СЕРДЦЕ АЗИИ

Геннадий Коваленко

РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА

Лев Минц

ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО

Бенгт Янгфельдт

ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ

Олег Ивик

ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ

Анна Мурадова
Кельты анфас
и в профиль

Правда о кельтах — а точнее, о племенах, объединенных этим названием, — давно погребена под грузом многочисленных мифов. Разгрести все эти завалы взялась кельтолог Анна Мурадова. Откуда пошло само название «кельты», какие племена считают кельтскими и почему, что нам известно о древних кельтах? Кто такие друиды и чем они занимались? Как жили в кельтских монастырях? Какой вклад в европейскую цивилизацию внесли кельтские мореплаватели? Почему культурный расцвет кельтов совпал с «темными веками» для большей части Западной Европы? И наконец, что сохранили от своих предков потомки кельтов — ирландцы и шотландцы, валлийцы и бретонцы, корнуолльцы и жители острова Мэн?..

Анна Мурадова — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук, переводчик, журналист.

ISBN 978-5-91678-053-6

9 785916 780536